НОВАЯ ПОЛЬША

№2(127) 2011

ГЕНРИКА КШИВОНОС РАССКАЗЫВАЕТ ДЕТЯМ О БЕДНОСТИ

ЮЗЕФ ХЕН: ДЛИННЫЙ РЕЗВЫЙ ЧЕЛН

МЫ ПОМНИМ ПАУСТОВСКОГО

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ НА БАЙКАЛЕ

СТИХИ АРТУРА МЕНДЗЫЖЕЦКОГО

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ: МИЛОШ И БЕСЫ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata*.

Наш адрес:
Nowaja Polsza
Instytut Książki
al. Niepodległości 213
02-086 Warszawa

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 7 зл.
Цена годовой подписки — 84 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILENIUM S.A.
Номер счета: 79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 90 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

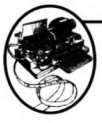
НОВАЯ ПОЛЬША

№ 2(127)
2011
февраль

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ГЕНРИКИ КШИВОНОС 3



Виктор Кулерский 5
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Ежи Помяновский 15
МИЛОШ И БЕСЫ

Станислав Мацкевич 19
ДОСТОЕВСКИЙ

Евангелина Скалинская 24
СТАНИСЛАВ ЦАТ-МАЦКЕВИЧ — АВТОР «ДОСТОЕВСКОГО»
И ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

Стипендия имени Янины Куманецкой

Катажина Собиянек 29
МОЯ РОССИЯ. ОЧНАЯ СТАВКА:
МОСКВА — ТАМБОВ — ЕКАТЕРИНБУРГ

Артур Мендзыжецкий 33
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 38
ТОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ БОЙ

Юзеф Хен 40
ДЛИННЫЙ РЕЗВЫЙ ЧЕЛН

Марина Резонтова 48
ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ
НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА

Жанна Слонёвская 53
ПОЛЬСКИЙ МИР РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ГРОДНЕНСКАЯ ПОЛОНИСТИКА **56**
Беседа со Светланой Мусиенко

Анна Виноградова **58**
ТАМ, ГДЕ ВЫСИТСЯ КРЕСТ

Артур Влодарский **63**
ПОЛЯК, КОТОРЫЙ СПАС СТО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК

Эльжбета Савицкая **68**
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Лешек Шаруга **72**
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Иван Иванов **75**
СЕМЬЯ КОНТСКИХ

Перводчики: А. Базилевский, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Н. Кузнецов, М. Курганская, С. Политыко, Е. Шиманская
Фото: Archiwum (стр. 38), E. Lempp (стр. 39), A. Pluta [рис.] (стр. 3), A. Winogradowa (стр. 58, 81)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

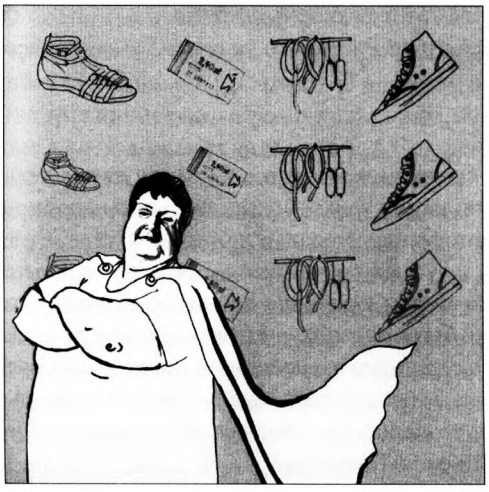
Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**
Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ ГЕНРИКИ КШИВОНОС



Генрика Кшивонос была вагоновожатой в Гданьске. 15 августа 1980 г. она остановила свой трамвай, и это послужило началом забастовки городского общественного транспорта, в поддержку той забастовки, которая уже шла на судоверфи. Кшивонос была членом президиума Межзаводского забастовочного комитета и в этом качестве подписала Гданьское соглашение с правительством. После 1989 г. она отошла от политической жизни и возглавляет семейный детский дом. Ее знают по смелым и бескомпромиссным публичным выступлениям. Интервью с Генрикой Кшивонос было опубликовано в «Новой Польше» (2009, №5). В 2010 г. издательство «Критика политична» («Политическая критика») выпустило книгу «Бедность. Руководство для детей», которая знакомит юных читателей со сложными проблемами социального неравенства и бедности. Автор текста — Ханна Гилл-Пёнтек, автор иллюстраций — Анна Плюта. Завершают книгу короткие автобиографические рассказы Генрики Кшивонос. Вот несколько из них.

Старые полукеды

Маловаты ботинки? В моей жизни не было маловатых ботинок, так как у меня их вообще почти никогда не было. Я всё время ходила в полукедах. На площади у костела св. Ядвиги в Новом порту ежегодно проводились ярмарки в храмовый праздник. Я любила там бывать вместе с подругами. На ярмарке проводились лотереи, конкурсы, можно было купить себе лотерейный билет и что-нибудь выиграть. Можно было пробежать дистанцию и выиграть. Праздник всегда проходил 15 октября, то есть уже была осень, холодно, часто шел дождь. Я никогда не забуду, как мои подружки приходили на праздник уже в шапочках, рукавичках, теплых куртках, даже в сапожках. А я всегда в полукедах, в каком-то платьишке, часто без свитера, так как у меня его не было. Но мне хотелось быть на празднике. Помню, как я завидовала другим, что они могут купить лотерейный билет за 2 злотых, а я не могу. Мне всегда было не на что. Хотя я помню короткий период в моей юности, когда у меня было немножко денег. Тогда я отложила 2 злотых и три месяца ждала ярмарки, чтобы купить себе лотерейный билет. И вот я прихожу в костел св. Ядвиги, покупаю билет, ужасно счастлива, улыбаюсь. Началась жеребьевка, и тут я понимаю, что ничего не выиграла. Из глаз моих покатились слезы как горох. Какое же это было разочарование, ведь я так ждала этого праздника.

Шоколад из аптеки

Когда-то в аптеках продавали шоколад, но это был лечебный шоколад, который давали детям, когда у них был запор. Уже один кусочек помогал. Шоколад был действительно вкусный. Дети с удовольствием принимали это лекарство. Мой брат был страшный лакомка. Где мама купила этот шоколад, почему и откуда взялись у нее деньги — не знаю. Во всяком случае плитка такого шоколада лежала у нас в буфете. Буфет — это шкаф с оконцами наверху. В оконцах мама вешала занавески. Выглядело это красиво. Как-то раз она спрятала там шоколад из аптеки. А мой брат стоял и с интересом наблюдал, что это мама делает у буфета. Когда она вышла, он позвал меня:

— Эй, Генька, Генька! Там шоколад. Как его вытащить?! Ты стереги, не идет ли мама, а я его стяну.

Ну я и стерегла, а он этот шоколад действительно стянул, но, прежде чем я к нему подошла, он его уже успел съесть. Спустя несколько дней мама заглянула за чем-то в буфет и говорит нам:

— Ребятки, тут лежал шоколад, где он?

Я стою в ужасе, а мой брат говорит:

— Это я его съел.

— Когда? — спрашивает мама — А, уже знаю. Это когда тебя всю ночь слабило.

Даже если б потом в буфете лежал настоящий шоколад, он уже ни за что не полез бы за занавеску без спросу.

Тюфяк и слишком короткие брюки

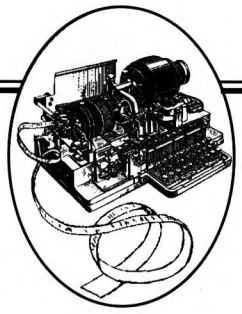
Моя мать приехала в Гданьск вслед за отцом. Она жила у свекрови в кладовке. С отцом, двумя детьми и собакой — на площади полтора на три метра. Первой их постелью был тюфяк, а мы спали на полу. Мы жили в блочном доме, наша соседка жарила картофельные оладьи на рыбьем жире. Вонь невероятная. Тогда кругом нищета была ужасная. Одежду и ту носили только с чужого плеча. Но хуже всего стыдиться бедности. Бедный чувствует себя униженным, особенно в юности. Однако дети прекрасно справляются с бедностью. У моего приятеля не было одежды, и штаны ему всегда были слишком коротки. Так он и приятелей уговорил, чтобы все они такие же носили. Одному даже обрезал штаны, чтобы были покороче. А вдобавок еще надевал белые носки и черные ботинки. Друзья в знак солидарности с ним все одевались так же. Так они создали моду. Вот как пятнадцатилетние подростки справлялись с нищетой и унижением. Скрывали свою бедность.

Детские фантазии

Мы жили на четвертом этаже, а внизу был мясной магазин. Дети любят хвастаться. Я часто сидела с подружками во дворе, и каждая из нас чем-нибудь хвасталась. Одна мне рассказывала, что ее мама купила 200 граммов чудесной ветчины. А в то время мы ели ветчину лишь дважды в год — на Рождество да на Пасху. И вот я — восьмилетняя — ей отвечаю:

— Ха... у нас ветчины с колбасой дома столько, что по стенкам висит.

Потому что у мясника мясо висело на крюках. Я проходила мимо этого магазина ежедневно. Ночью того же дня магазин ограбили. Утром в нашу квартиру ворвалась милиция и устроила обыск, а я получила от матери такую трепку, что по сей день помню. С тех пор я больше никогда ничего не выдумывала.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» **«Современная Польша — это, прежде всего, Польша местная, самоуправляющаяся, действующая очень четко и автономно (...) Это органы местного самоуправления, избранные путем прямых выборов (...) Сегодня министерства определяют экономическое лицо страны в гораздо меньшей степени, чем самоуправления. Именно самоуправления ищут инвесторов и решают проблемы граждан, они распределяют также значительную часть европейских средств. Подобным образом дело обстоит во всей Европе, где ключевую роль начинают играть мегаполисы и агломерации вокруг них. Познань, Тригород, Краков, Люблин, Лодзь, Вроцлав, Щецин, Катовице и, конечно, Варшава — вот истинные движущие силы страны. Вслед за ними идут города поменьше. И не политические партии стали символами этих мегаполисов, а конкретные люди, часто без всякой партийной принадлежности. Каждый из нас отвечает непосредственно перед жителями, которые нас выбрали, а не перед партийными структурами», — Рафал Дуткевич, математик и философ, предприниматель и деятель местного самоуправления, с 2002 г. президент (мэр) Вроцлава.** ***(«Жечпосполита», 23 дек.)***

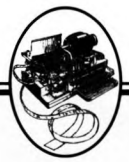
» «Согласно опросу ЦИОМа, половина поляков надеется на положительные изменения в своем городе и гмине после недавних выборов в органы местного самоуправления. Лишь 5% опрошенных считают, что изменения будут в худшую сторону, а 38% придерживаются мнения, что, вне зависимости от результата выборов, в их регионе изменений не будет». *(«Польска», 29 дек.)*

» **«Мартин Замойский, кинооператор и режиссер-постановщик, неожиданно исчез из варшавской редакции «Интерпресса» и стал президентом Замостья. Это случилось 20 лет назад, через 45 лет после конфискации его родового поместья народной властью и через 400 лет после того, как гетман Ян Сариуш-Замойский герба Елита основал в своем частном городе ординацию [т.е. неделимое владение с собственным уставом, передаваемое по наследству старшему сыну. — Пер.] (...) Мартин Замойский — президент Замостья с 2002 г., избран уже на третий срок (...) «В другом городе я бы не хотел быть президентом», — говорит он».** ***(«Политика», 25 дек.)***

» «На региональном уровне договоры о европейском финансировании заключаются намного быстрее, чем на государственном, а воеводские самоуправления быстрее расходуют деньги, выделенные Брюсселем (...) Прошлый год ознаменовался значительным ускорением расходования европейских средств. Мы должны были потратить 27 млрд. злотых, а в результате потратили почти на 9 млрд. больше. 6,6 млрд. злотых из этой суммы уже вернулись из Брюсселя в польский бюджет. Остальные 2 млрд. вернутся в ближайшие месяцы (...) Уже подписаны договоры более чем на 58% из 67,3 млрд. евро, выделенных Польше на 2007-2013 годы». *(«Жечпосполита», 5-6 янв.)*

» **«Первые результаты расходования европейских дотаций уже видны. Это, в частности, 15 тыс. новых рабочих мест, 2 тыс. новых детских садов в сельской местности, 2,5 тыс. км новых и модернизированных дорог».** ***(«Газета выборча», 5-6 янв.)***

» «Политические партии в старом стиле перестали или перестают существовать. Конечно, кое-где желание участвовать в общественной жизни сохранится, но не обязательно в знакомых нам формах. Партии всё чаще будут объединениями людей, непосредственно и лично заинтересованных управлением. Для этого нужны не большие, тяжелые и занимающиеся десятками отраслей партийные организации, а эффективные избирательные машины, оживающие лишь время от времени в ритме избирательных компаний — президентских, парламентских и местных», — проф. Петр Винчорек, Варшавский университет. *(«Жечпосполита», 13 дек.)*



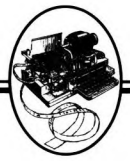
» **«В Польше демократическая система опирается на недемократические партии. В последние 20 лет у нас сформировался тип вождистских партий, лишенных внутренней демократии, руководимых лидером и его ближайшим окружением. Эта модель практикуется во всех партиях на польской политической сцене (...) Каковы средства сохранения партийной дисциплины, кроме авторитета? Основное средство — влияние (обычно, решающее!) на составление избирательных списков в Сейм, Сенат, Европарламент, органы местного самоуправления. Лидер имеет неоспоримое право решать, кто будет в списке, а кто нет, и особенно — кто займет в нем первые строчки (...) Партии с жесткой иерархией, лидеры-вожди, партийная дисциплина во время голосований в Сейме и местных советах — всё это приводит к тому, что роль партийных активистов, вне зависимости от их квалификации и задатков, сводится к роли автоматов для голосования. Из политики будут уходить компетентные люди, сильные личности. На их место придут клакеры без способностей и характера. Именно они станут будущими министрами, депутатами, сенаторами. Именно они будут управлять Польшей. От демократии останется одна видимость», — проф. Ян Видацкий, адвокат, бывший замминистра внутренних дел.** ***(«Газета выборча», 14 дек.)***

» «Одномандатные избирательные округа преобразят Сенат (...) 5 января голосами прежде всего «Гражданской платформы» (ГП) Сейм принял поправку к избирательному кодексу, согласно которой страна будет разделена на 100 избирательных округов — ровно столько, сколько избирается сенаторов. Противники и сторонники нового положения о выборах подчеркивают, что это революционное изменение (...) До сих пор в большинстве округов, где избирали одного или двух сенаторов, своих представителей имели две крупнейшие партии (...) Одномандатные округа — это шанс не только для местных лидеров, но и для богатых предпринимателей (...) Партии уже не смогут относиться к Сенату как к месту для политических пенсионеров. Им придется выдвигать ярких кандидатов. А те вместе с независимыми кандидатами могут сделать так, что скучный до сих пор Сенат станет привлекательным местом». *(Петр Гурштын, «Жечпосполита», 8-9 янв.)*

» **«ГП формирует правительство, руководит парламентом, избирает своих людей маршалами Сейма и Сената. В ее руках пост президента, она контролирует спецслужбы (...) И получает всё новые должности и учреждения — начиная с уполномоченного по гражданским правам и кончая Всепольским советом по телевидению и радиовещанию. После выборов в органы местного самоуправления она получила большинство почти во всех сеймиках. Вскоре после этого кандидат ГП стал председателем Конституционного суда. Вдобавок партия Туска может рассчитывать на благосклонность СМИ (...) В Мексике теоретически была многопартийная демократическая система. Каждые четыре года проходили выборы. Только вот несколько десятков лет подряд побеждала на них исключительно Институционально-революционная партия, контролировавшая все государственные институты».** ***(«Жечпосполита», 22 дек.)***

» Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 5-12 января, ГП поддерживают 39% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 20%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9%, крестьянскую партию ПСЛ — 6%. *(«Газета выборча», 15-16 янв.)*

» **«Этой осенью в Польше должны пройти парламентские выборы, и у центристской «Гражданской платформы» есть все шансы без труда их выиграть (...) В экономике всё хорошо: по оценкам специалистов, рост ВВП в 2010 г. составил 3,5%, а в этом году достигнет 3,7%. Дыры в государственных финансах должны залатать доходы от приватизации, а также перевод в соцстрах большей части взносов в частные пенсионные фонды (...) Однако за этим красивым фасадом скрывается разваливающаяся конструкция (...) Дефицит государственных финансов, составляющий 7,9% ВВП, в четыре раза больше, чем в 2007 году (...) Государственный долг приближается к конституционному лимиту 55% ВВП (...) Слабая и разобщенная оппозиция всё еще не в состоянии перехватить инициативу (...) Во второй половине года Польша станет во главе Евросоюза. Это может быть шанс, чтобы представить страну как современного и надежного партнера (...) Избирательная компания во время нашего председательства в ЕС не будет этому способствовать».** ***(«Жечпосполита», 8-9 янв.)***



» ««Самую большую опасность для развития экономики представляет состояние государственных финансов», — сказал проф. Лешек Бальцерович (...) Дональда Туска, который уже не первый год создает образ Польши как островка благополучия в море кризиса, это заявление, должно быть, раздосадовало. При первом же упоминании об этом — а встреча проходила в закрытом кругу — он проворчал тоном, который знают только ближайшие сотрудники: «Это нож нам в спину, так что я с вами об этом разговаривать не буду»». *(Михал Карновский, «Жечпосполита», 11-12 дек.)*

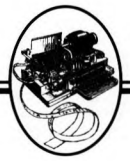
» **«Мне очень жаль, что в заявлении главы правительства появляются мотивы, которые (...) могут подорвать доверие к высокопоставленным государственным деятелям. Нельзя сказать, что в результате нововведений в пенсионной системе никто не пострадает, а все только выиграют (...) Самой большой проблемой в экономике остается дефицит государственных финансов. Поэтому я считаю, что нет таких мер, направленных на снижение этого дефицита в течение трех лет с 8 до 2% ВВП, которые были бы однозначно плохими (...) Есть три способа справиться с избыточным дефицитом: повышение налогов, снижение текущих расходов и возложение бремени на плечи будущих налогоплательщиков или пенсионеров, т.е. отодвигание проблемы в будущее. Если не считать сравнительно небольшого повышения НДС, то правительство пока выбрало третий способ. У него есть на это право, но было бы хорошо, если бы оно представило дело ясно и открыто. Что, во-первых, у нас большая проблема — больше, чем мы предполагали. Во-вторых, размер проблемы столь велик, что мы вынуждены действовать даже таким образом. В третьих, другие методы еще хуже (...) Противоречие между действиями правительства и комментариями к ним — следствие того, что премьер и правительство не желают открыто говорить о ситуации в государственных финансах», — проф. Станислав Гомулка, главный экономист «Business Center Club». *(«Жечпосполита», 5-6 янв.)***

» «Говорят, что через четверть века в Польше будет на 10 млн. больше людей, достигших 65 лет (...) Проект изменений в пенсионной системе обусловлен неблагоприятной ситуацией в сфере государственных финансов (...) Задолженность можно снизить, сократив расходы реально (...) — так поступила Эстония — или на бумаге, пряча долг, как это делают страны Западной Европы. Наше правительство выбрало второе решение. Дефицит государственных финансов уменьшится благодаря такой операции на 0,8% ВВП — до 0,9% ВВП в год, что отодвинет гильотину чрезмерной задолженности (...) Открытые пенсионные фонды (ОПФ) получат лишь треть перечисляемых им сейчас денег: вместо 7,3% наших пенсионных взносов — лишь 2,3%. Остальное останется в Управлении социального страхования (УСС) (...) Разница между ОПФ и УСС огромна. Фонды инвестируют реальные деньги, а государственное управление только регистрирует их и увеличивает суммы, указанные в законах (...) Но это не реальные деньги, а лишь записанные обещания (...) При всех своих слабых сторонах (...) ОПФ все-таки распоряжаются нашими взносами эффективнее, чем государственное УСС». *(Анна Мацкевич, «Тыгодник повшехный», 9 янв.)*

» **«2010 год стал рекордным по количеству акций, купленных открытыми пенсионными фондами (...) ОПФ приобрели акции на сумму 16,9 млрд. злотых (...) В 2009 г. они потратили на эту цель 12,2 млрд., а в 2008 г. — 9 млрд. злотых. С 2000 по 2010 г. ОПФ потратили на покупку акций 58,2 млрд. злотых. К концу декабря стоимость их портфеля превысила 80 млрд. злотых. В годовом исчислении она увеличилась на 26 млрд. злотых». *(«Жечпосполита», 7 янв.)***

» «Если правительственные планы, касающиеся изменений в пенсионной системе, вступят в действие с апреля, то в этом году сумма взносов, полученных ОПФ, составит около 11-12 млрд. злотых вместо 28,8 млрд. В 2012 г. эта сумма составит всего 7,5 млрд. злотых». *(«Жечпосполита», 7-8 янв.)*

» **«Правительство привело Бальцеровича в ярость. За день до Нового года премьер-министр Дональд Туск объявил, что с апреля сократит взносы в ОПФ (...) 5% из них останутся в соцстрахе. Благодаря этому бюджет сэкономит в этом году 12 млрд. злотых, а в будущем — 17 млрд. «Нельзя относиться к полякам как к баранам», — сказал в среду проф. Бальцерович на встрече с журналистами. Он напомнил, что еще в конце лета премьер обещал, что**



революции в пенсионной системе не будет. В бюджете на этот год тоже нет ни слова о том, что правительство намерено запустить руку в карман будущих пенсионеров». *(«Газета выборча», 7 янв.)*

» «Правительство планирует отобрать у ОПФ две трети отчисляемых нами туда денег и потратить их на выплату текущих пенсий (...) То, что сделал премьер-министр Туск, — это замена реальных денег на счетах будущих пенсионеров виртуальными обещаниями УСС, учреждения, которое совсем недавно должно было искать спасения в кредитах, чтобы не потерять ликвидности (...) Если бы премьер хотел быть честным по отношению ко мне, он должен был бы сказать: «Мацей, если на пенсии ты не хочешь умирать с голоду, откладывай деньги в частном банке. Точно так же, как ты частным образом лечишь зубы, хотя и платишь за государственное здравоохранение». *(Мацей Самчик, «Газета выборча», 10 янв.)*

» **«Согласно опросу ЦИМО, деятельность правительства критически оценивают 54% поляков. Поддерживают кабинет Туска 37% опрошенных (...) В том, что Туск хорошо исполняет обязанности премьер-министра, уверены 48% респондентов. Противоположного мнения придерживается 41%». *(«Польска», 17-19 дек.)***

» «Президент против правительства. Бронислав Коморовский обжаловал в Конституционном суде первый закон команды Дональда Туска, позволяющий сократить государственную администрацию на 10% и таким образом сэкономить миллиард злотых. Работодатели предостерегают, что в законе нет критериев увольнения сотрудников, которые могли бы требовать в судебном порядке возмещения убытков, тем самым вводя бюджет в очередные расходы». *(«Тыгодник повшехный», 16 янв.)*

» **«Самое старое постановление Конституционного суда ожидает введения в действие вот уже 13 лет. Значительная часть постановлений не исполняется. Ни правительство, ни парламент не исправляют в срок законов, оспоренных в Конституционном суде, оттягивают это, и даже снова принимают ранее оспоренные законы. Уклонение от решений суда облегчено тем, что польский Конституционный суд лишен рычагов контроля за исполнением своих постановлений». *(«Дзенник — Газета правна», 20 дек.)***

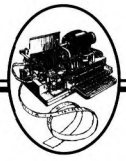
» «Президенту Брониславу Коморовскому доверяют 67% поляков, а не доверяют только 13%. Второе место с 54% поддержки занимает премьер-министр Дональд Туск. Третий в рейтинге ЦИОМа — министр иностранных дел Радослав Сикорский, который пользуется доверием более 53% респондентов. 44% опрошенных доверяют вице-премьеру Вальдемару Павляку. О недоверии к нему заявляют 20%». *(«Польска», 23 дек.)*

» **Согласно опросу ЦИОМа, проведенному 7-14 декабря, 55% поляков считают, что Бронислав Коморовский хорошо справляется с обязанностями президента. 18% придерживаются противоположного мнения. *(«Газета выборча», 18-19 дек.)***

» «Ропот и выкрики: «Да здравствует Ярузельский, твой брат», — сопровождали выступление президента Бронислава Коморовского на церемонии в честь 40-летия трагических событий на Балтийском побережье в декабре 1970 года. Президенту пришлось дважды начинать свою речь перед памятником Жертвам декабря 1970 г. в Гдыне, так как собравшиеся участники событий сорокалетней давности прерывали его свистом и гулом. Так они протестовали против недавнего приглашения генерала Войцеха Ярузельского на заседание Совета национальной безопасности». *(«Жечпосполита», 18-19 дек.)*

» **«На предпремьерный показ фильма «Черный четверг» в Гдыне не пригласили рабочих судоверфи, раненных 40 лет назад, когда они шли на работу (...) На сеанс не впустили, в частности, Яна Гуминского, Земовита Мажеца и Станислава Стенку. 17 декабря 1970 г. Мажец получил пулю в спину, едва выжил и до сих пор носит в себе частицы олова. Гуминский, раненый в колено, много дней провел в больнице в одной палате со Стенкой. Его нога уже никогда не будет здоровой (...) Иоанна Грайтер, пресс-секретарь городского совета Гдыни, объясняет, что была только тысяча мест, а желающих значительно больше». *(А. Цимановская, С. Шадурский, «Польска», 21 дек.)***

» «В пятницу министр иностранных дел подписал отставку Томаша Туровского, начальника политического отдела в посольстве Польши в Москве. Уход Туровского — следствие заявления Института национальной памяти (ИНП) об уличении его в люстрационной лжи (...) Он был



т.н. разведчиком-нелегалом ПНР, направленным в качестве шпиона в орден иезуитов в Ватикане». *(«Жечпосполита», 8-9 янв.)*

» **«В 2009 г. в журнале Института национальной памяти «Аппарат репрессий» была опубликована статья Петра Гонтарчика о предполагаемом сотрудничестве Александра Квасневского с госбезопасностью, содержащая оригинальный исследовательский тезис: «Если нет доказательств, что он сотрудничал, значит, они были старательно удалены из архива». *(Анджей Лещинский, «Газета выборча», 10 янв.)***

» ««Была не одна, а двенадцать причин катастрофы президентского Ту», — сказал полковник Эдмунд Клих, представитель Польши при МАК (...) Клих рассказывает, что непосредственно после катастрофы на него оказывали давление, чтобы он старался свалить как можно большую долю вины на Россию. Кто давил? «Человек, ответственный за состояние военной авиации», — ответил полковник». *(«Жечпосполита», 11-12 дек.)*

» **«Клих объясняет: «Диспетчеры, как и пилоты, также были под давлением. По-моему, кто-то пытался повлиять на руководителя полетов и настаивал, чтобы он сажал самолет. К сожалению, мы не знаем, кем был тот таинственный генерал, с которым разговаривал руководитель полетов». И процитировал фрагмент высказывания руководителя полетов из смоленской башни: «Ну да, так сказали, блин: заводить пока». *(«Газета выборча», 13 янв.)***

» «Что в этой катастрофе самое страшное? Что русские, не помню точно когда, спрашивали, хотим ли мы воспользоваться помощью их навигаторов, которые помогут нашим пилотам при посадке. Этот вопрос мы переслали в Варшаву. Нам ответили, что нет», — Ежи Бар, бывший посол Польши в Российской Федерации. *(«Газета выборча», 13 янв.)*

» **«Министр внутренних дел и администрации Ежи Миллер сказал лишь одно: «Давайте не будем полемизировать с обвинениями МАК в адрес польской стороны. Мы бы и сами согласились с этими обвинениями, это для нас очевидно». Министр добавил, что доклад польской комиссии будет более критичным к польской стороне, но и более полным». *(«Газета выборча», 13 янв.)***

» «Польские летчики и эксперты считают, что в докладе МАК объективно представлены технические причины катастрофы Ту-154 10 апреля 2010 года (...) Однако у них много замечаний (...) Основные замечания касаются некритического подхода к работе диспетчеров аэродрома «Северный» (...) Российская сторона должна опубликовать разговоры диспетчеров, команды, поступавшие с башни, а также сообщить, с кем разговаривали работники аэропорта (...) В начале будущей недели польская сторона обнародует разговоры диспетчеров с Москвой». *(«Жечпосполита», 13 янв.)*

» **«Я смотрю на Польшу со стороны и должен сказать, что поляки могут гордиться своей страной. Они сдали необычайно трудный экзамен после ужасающего опыта смоленской катастрофы. Все это время польская политика была благоразумной и в то же время смелой. Многие страны смотрели на Польшу с восхищением. В Израиле тоже была заметна большая симпатия к Польше и полякам. Это радует и показывает, сколь многого достигла Польша за последние 20 лет», — проф. Шевах Вейс, бывший председатель Кнессета и посол в Польше. *(«Жечпосполита», 4 янв.)***

» «В 1943 г. Элиаш Баран пытался освободить дядю президента Бронислава Коморовского из рук гестапо. Спустя 65 лет президент нашел в Израиле сына того человека (...) В Панеряе под Вильнюсом, где немцы и литовцы убили около 100 тысяч человек (...) стоит памятник, — рассказывает президент Коморовский. — (...) Среди высеченных на нем имен убитых солдат подполья есть Элиаш Баран, кличка Эдип, и Бронислав Коморовский, кличка Корсар. Зеэр посмотрел на монумент и сказал сквозь слезы: «Бронек, Польша помнила о моем отце...»». *(Петр Зыхович, «Жечпосполита», 18-19 дек.)*

» **«Власти Израиля прямо заявляют, что ни с одним государством ЕС у них нет таких хороших отношений, как с Польшей (...) В январе 2010 г. во время визита в Польшу премьер-министр Биньямин Нетаньяху сказал, что «в Европе у Израиля нет союзника лучше». Нетаньяху подчеркнул, что среди поляков было больше всего людей, удостоившихся звания «Праведника народов мира» (...) Польша поддерживает с Израилем тесное военное сотрудничество. Для Израиля необычайно важным**

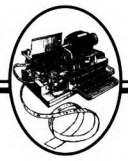
было участие Польши в миссиях в Ираке и Афганистане, создавшее возможность тесного сотрудничества двух разведок. Палестинские власти не видят причин для беспокойства. «У Польши дружественные отношения как с Израилем, так и с Палестиной. Она поддерживает мирный процесс и независимое палестинское государство и потому может сыграть положительную роль в наших переговорах с Израилем», — написал Халед Суфан, посол Палестины в Польше». *(Войцех Лоренц, «Жечпосполита», 30 дек.)*

» «Хулиганская выходка нацистов в центре Люблина. Два кирпича в окно. В пятницу вечером неизвестные забросали кирпичами квартиру Томаша Петрасевича, создателя известного в мире центра «Городские ворота — Театр НН». В квартиру бросили также петарду. На кирпичах были нарисованы свастики. Центр «Городские ворота — Театр НН» собирает свидетельства и документы о еврейских жителях Люблина (...) «Мой центр действует уже почти 20 лет. В прошлом случалось, что кто-то рисовал нам на дверях звезду Давида на виселице, мы получали письма с угрозами, как-то раз к нам в помещение бросили коробку с вонючей субстанцией, — рассказывает Петрасевич. — Но никогда, повторяю, никогда не случалось, чтобы кто-то напал непосредственно на меня (...) Я впервые почувствовал себя как евреи, которым выбивали окна. Это не только страх, но и ужасное бессилие. Однако я в своей жизни ничего не собираюсь менять». (...) Дариуш Либёнка, историк и главный редактор ежегодника «Заглада жидув» («Катастрофа евреев»), считает, что в Польше царит атмосфера попустительства к таким действиям (...) Мартин Корнак, председатель антифашистского общества «Никогда больше», обращает внимание, что за последний год количество инцидентов на расистской и антисемитской почве увеличилось». *(Павел П. Решка, «Газета выборча», 20 дек.)*

» **«8 мая на футбольном матче в Жешуве (...) болельщики вывесили два огромных транспаранта. На одном была надпись: «Смерть горбоносым», — на втором — перечеркнутая карикатура еврея в ермолке. Болельщики «Ресории» шли на матч с транспарантом «Идет арийская орда» (...) После публикаций в прессе прокуратура начала следствие (...) И мы как раз узнали его результат — прекращение дела (...) Антисемитский инцидент в Жешуве обсуждался не только в Польше, но и в УЕФА, и в организации «Футбол против расизма в Европе». Международная общественность была поражена и шокирована». *(Мартин Кобялка, «Газета выборча», 24-26 дек.)***

» «Судя по всему, «Золотой урожай» вызовет такую же бурю, как «Соседи» и «Страх» (...) Ян Томаш Гросс в очередной раз спорит с мифами, на которые опирается наше историческое сознание (...) Подзаголовок эссе гласит: «О том, что происходило на периферии Катастрофы евреев» (...) «Золотой урожай» — это прежде всего неудобный рассказ о пользе, которую поляки извлекали из Катастрофы во время войны и после ее окончания (...) Для Гросса разграбление еврейского имущества — это нечто большее, чем просто отдельные случаи: «Это была общественная практика, а не выходки уголовников (...)» Помимо разграбления, были и случаи уничтожения евреев или выдачи их немцам (...) Один из польских историков Катастрофы Дариуш Либёнка (...) говорит: «Я рад, что Гросс популярен (...) Интерес, который он вызывает, может пойти полякам лишь на пользу. Он показывает то, чего мы как народ не желаем замечать»». *(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 2 янв.)*

» **«Что касается доносчиков и убийц из повета, описанного мною в книге «Judenjagd. Охота на евреев. 1942-1945. Исследование одного повета», то я провел статистический анализ. Из него следует, что это в большинстве своем нормальные крестьяне-середняки, отцы семейств, люди в расцвете сил, не какие-то жаждущие наживы молокососы, не пьяные холостяки, а солидные хозяева, члены сельской полиции, которые невероятно эффективно разыскивали укрывища евреев. В сельской полиции поочередно служили все взрослые мужчины в деревне. В эту процедуру были вовлечены солтысы, сельские курьеры, полицейские, все, кто исполнял какие-то функции (...) Немцам удалось привлечь к участию в «окончательном решении» не маргиналов, а всё общество», — Ян Грабовский, профессор исторического факультета Оттавского университета. Опубликовал, в частности, книгу «Я этого еврея знаю. Шантаж евреев в Варшаве. 1939-1943». *(«Газета выборча», 8-9 янв.)***



» «Два года и восемь месяцев тюрьмы — такой приговор услышал в краковским суде швед Андерш Хагстрем за подстрекательство к краже в музее Аушвиц. Двое других обвиняемых, Анджей С. (участник кражи исторической надписи «Arbeit macht frei») и Мартин А., посредник между шведом и польскими преступниками, приговорены соответственно к двум годам и четырем месяцам и к двум годам и шести месяцам лишения свободы. Все приговоренные должны выплатить в качестве компенсации по 10 тыс. злотых». *(«Польска», 31 дек. — 2 янв.)*

» **«В Музее Аушвиц-Биркенау ограничена экспозиция, посвященная участию в лагерном движении сопротивления Юзефа Циранкевича [премьер-министра во времена ПНР. — В.К.], потому что, как известно, он был коммунякой, а о коммуняках хорошо говорить не принято. То, что во время своего пребывания в лагере Циранкевич коммунякой еще не был, что его конспиративная деятельность была связана с Польской социалистической партией, признававшей эмигрантское правительство в Лондоне, уже неважно. Коммуняку хвалить нельзя, даже если это идет вразрез с исторической правдой», — проф. Ян Видацкий.** ***(«Пшеглёнд», 19 дек.)***

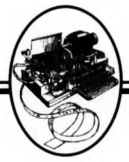
» Из открытого письма, направленного маршалу Сейма Общественным комитетом членов семей убитых вооруженным подпольем: «Наши близкие были убиты отрядом вооруженного подполья «Служба специальной акции — Национальное военное объединение» (PAS-NZW) под командованием капитана Ромуальда Райса по кличке Бурый (...) 82 человека, в т.ч. дети, женщины и старики, были заживо сожжены в запертых домах (...) В 1949 г. капитан Ромуальд Райс (...) был приговорен Белостокским районным военным судом к смертной казни (приговор приведен в исполнение) (...) В 1995 г. Варшавский окружной военный суд (...) постановил, что капитан Райс «боролся за независимость Польши», и отменил предыдущий приговор, а семье Райса была выплачена компенсация. Другим семьям членов отряда Бурого тоже были выплачены компенсации (...) Следствие Белостокского отдела ИНП по делу об убийстве 82 польских граждан православного вероисповедания (...) закончилось признанием капитана Ромуальда Райса по кличке Бурый виновным в геноциде. В 2005 г. Белостокский окружной суд (...) оставил в силе постановление прокурора ИНП (...) Мы надеялись, что формальное завершение следствия поможет нам, семьям жертв, добиться компенсаций, сравнимых с теми, которые получили семьи преступников. К сожалению, судебный путь для нас закрыт (...) Мы ожидаем и просим маршала Сейма и высшие власти Польского государства, чтобы к нам применялись элементарные принципы равенства и справедливости». *(«Пшеглёнд православный», дек.)*

» **«Польский МИД удвоит помощь белорусской оппозиции (...) В 2011 г. она составит 40 млн. злотых (столько же будет выделено на развитие Афганистана). Стоит еще раз подумать, как эти средства тратить, потому что до сих пор на деньги МИДа воспитали поколение профессиональных оппозиционеров, людей из неправительственных организаций, которые намерены всю жизнь бороться с режимом, утверждая, что революция, которая свергнет Лукашенко, вот-вот вспыхнет».** ***(Збигнев Парафиянович, «Дзенник — Газета правна», 29 дек.)***

» «Во вчерашнем разговоре с министром иностранных дел Белоруссии Сергеем Мартыновым (...) министр иностранных дел Радослав Сикорский категорически потребовал освободить всех задержанных деятелей оппозиции». *(«Жечпосполита», 22 дек.)*

» **«С 1 января белорусы не будут платить за наши визы (до сих пор виза стоила 20 евро). Но судьи, сотрудники КГБ и чиновники, наиболее активно участвующие в преследовании оппозиции, не въедут в Польшу. Таков ответ Польши на фальсифицированные президентские выборы и жесточайшие за все время независимости Белоруссии репрессии против оппозиции. Вчера об этом сообщил МИД».** ***(«Жечпосполита», 30 дек.)***

» «Согласно последнему опросу, проведенному на Украине Институтом общественных дел (...) более 80% украинцев считают отношения между нашими странами хорошими (по сравнению с 2000 г. этот показатель вырос почти на 10%) (...) Для более чем четверти украинцев Польша — «дружелюбная страна, напоминающая Украину, а поляки — братский и симпатизирующий Украине народ». Одна пятая украинцев считает нас страной, добившейся успеха (...) Почти половина украинцев уверена, что



Польша помогает Украине наладить контакты с ЕС. Такая же доля опрошенных считает, что Польша не помогает, но и не мешает (...) Наши соседи одобряют поляков в большинстве общественных ролей. Они не имели бы ничего против получения поляком украинского гражданства, постоянного вида на жительство, совместной работы». *(«Газета выборча», 22 дек.)*

» **«У нас появился новый серьезный торговый партнер. По сравнению с 2009 г. экспорт в Россию вырос на 39%, импорт — на 49%. Это в два с лишним раза больше, чем аналогичные показатели торговли с Германией. И в два раза больше, чем средний показатель импорта и экспорта вообще». *(«Дзенник — Газета правна», 12 янв.)***

» «Варшавский окружной суд приговорил вчера Тадеуша Я., вероятнее всего офицера ГРУ, к трем годам тюрьмы за шпионаж в пользу России. Тадеуш Я. уже несколько лет жил в Польше. У него был постоянный вид на жительство, а его женой была полька». *(«Польска», 23 дек.)*

» **«Польские службы — европейский лидер в слежке за гражданами. В 2009 г. операторы телефонной связи зафиксировали 1,06 млн. запросов, касающихся биллингов и интернета, от служб, прокуратуры и судов». *(«Пшеглёнд православный», декабрь)***

» «В Литве живут 234 тыс. поляков (6,7% населения). В некоторых местностях на юге страны они составляют до 80% жителей. В распоряжении польского меньшинства почти 112 школ, обеспечивающих полякам образование на родном языке начиная с начальной и кончая средней школой». *(«Газета выборча», 29 дек.)*

» **«На завтрашнее празднование литовского Дня свободы, отмечаемого в годовщину защиты телебашни от советских танков в 1991 г., едут вице-маршал Сейма Эва Кешковская и депутат от ГП Тадеуш Азевич, председатель польско-литовской парламентской группы». *(«Газета выборча», 12 янв.)***

» «Ни президент, ни премьер-министр не едут 13 января в Вильнюс (...) Отношения между двумя странами напряжены из-за спора о том, как писать фамилии польского меньшинства в Литве (...) Терпения явно не хватило. На смену ему пришло самодовольство правительства, удовлетворенного собственной внешней политикой». *(Яцек Павлицкий, «Газета выборча», 12 янв.)*

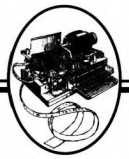
» **«Польша должна смотреть на Литву до боли честно. Не только указывая ей на прошлые и настоящие ошибки, но и признаваясь в собственных». *(Юзефа Хенеллёва, «Тыгодник повшехный», 2 янв.)***

» «В сентябре доминиканец о. Людвик Вишневский написал письмо представителю Ватикана в Польше (...) Вот основные затронутые им проблемы: «Соблазн разделения в польском Епископате». Поддерживаются «формально католические, а по сути языческие начинания и действия, которые будоражат и разобщают общество и Церковь. Например, часть епископов печатается в «Нашем дзеннике», где полно клеветы (...)». Половина клира «заражена ксенофобией, национализмом и стыдливо скрываемым антисемитизмом», а очень многие священники «не чувствуют границы между Евангелием и политикой (...)». Не решена проблема радио «Мария», где, помимо молитвы, люди «учатся фанатизму, неприязни и даже ненависти к инакомыслящим» (...) Доминиканец упрекает иерархов в «неумении общаться с меняющимся миром». Они оповещают о своих убеждениях «чаще всего с апломбом и большой самоуверенностью, но, по мнению профессионалов, часто бывают некомпетентны» (...) 74-летний о. Вишневский — знаменитый пастырь студентов во времена ПНР. Подписал первую декларацию Движения в защиту прав человека и гражданина (РОПЧиО). Гэдээровская «Штази» считала его одним из 60 самых опасных польских оппозиционеров». *(Катажина Вишневская, «Газета выборча», 14 дек.)*

» **«Попытка разделить Церковь или внушить, что она разделена, — это ключ к ослаблению, а затем и вытеснению Церкви из публичной жизни», — архиепископ Юзеф Михалик, председатель Конференции Епископата Польши. *(«Наш дзенник, 17 дек.)***

» «Хорошо, что отец Вишневский озабочен судьбой Церкви в Польше и сказал несколько очевидных истин», — епископ Тадеуш Перонек, бывший ректор Папской богословской академии в Кракове. *(«Газета выборча», 20 дек.)*

» **«В конце 1980-х — начале 1990-х Церковь пользовалась огромным доверием — почти 90%. Около 1993 г. произошло радикальное изменение — доверие так сильно упало, что преобладало недоверие (...) С того времени рейтинг Церкви нормализовался. Норма — это**



когда Церкви доверяют две трети поляков (...) Резкие изменения мы заметили после смоленской катастрофы. Еще в апреле доверие к Церкви было очень высоким — более 70%. В сентябре оно упало приблизительно до 50% (...) Церкви повредил конфликт вокруг креста перед Президентским дворцом (...) В это время появилась и проблема с Имущественной комиссией (...) Поляки отделяют учение Церкви от собственной этики повседневной жизни (...) Радио «Мария» о. Тадеуша Рыдзыка слушают 20-25%. Среди радиослушателей преобладают пожилые женщины и малообразованные жители маленьких городков и сел», — проф. Мирослава Грабовская, директор ЦИОМа. ***(«Газета выборча», 15 дек.)***

» «Приход отцов паллотинцев, именуемый польским, в Гикондо — одном из районов Кигали. Первая резня была у входа в храм 9 апреля 1994 года. Вторая — спустя три дня в часовне на территории миссии (...) Монах-паллотинец: «В церкви были выставлены Святые Дары, поэтому людей вывели на улицу» (...) «Мы, белые, убежали», — признаётся один из братьев. Другой отказывается от разговора: «Здесь нечем хвалиться» (...) Автор [книги о геноциде в Руанде — Войцех Тохман. Сегодня мы нарисуем смерть. Воловец: Чарне, 2010] задает нелицеприятные вопросы (...) Одиннадцать вопросов Тохман задал архиепископу Генрику Хосеру, паллотинцу, который провел в Руанде 21 год. Автор хотел, в частности, узнать, что иерарху известно о якобы скрываемых Ватиканом священниках-убийцах, и помогал ли он эвакуировать их из Руанды. «Его преосвященство отвечал 25 минут». Он не разрешил использовать беседу. Если подсчитать, получается, что каждому вопросу он посвятил две минуты». *(Магдалена Гроховская, «Газета выборча», 8-9 янв.)*

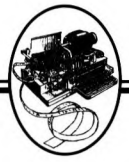
» **«Поляки по-прежнему предпочитают искусственные елки. Вот уже несколько лет в польских домах на одну живую рождественскую елку приходятся две искусственных».** ***(«Дзенник — Газета правна», 24-26 дек.)***

» «Сколько живых существ должно умереть, чтобы наше празднование Рождества Младенца прошло по традиции? Сколько быков, свиней и ослов распрощалось с жизнью и было переработано на копчености и горячие блюда? Сколько маскирующегося под идиотский обычай насилия обрушилось по этому случаю хотя бы на несчастных карпов? Страшно, что слова о нравственном долге внимательности не только к человеческому элементу Творения тут же наталкиваются на протест (...) так как автоматически ассоциируются с т.н. левой ориентацией. Как будто хорошим христианином может быть только тот, кто питается мясом, охотится и всевозможными способами насилует нашу планету (...) Я не понимаю, почему в нашей якобы христианской стране бывают такие вещи, как печально известные лошадиные торги или недоумки, которые верят, что им поможет смалец из собак. Я не понимаю президента, увольняющего из канцелярии единственного государственного чиновника, который замечал, что́ происходит, и противостоял этому (...) Карина Шверцлер от лица государства делала всё, что могла, чтобы в Польше не повторились такие события, как в Кельце, где в приюте для животных собаки загрызали друг друга и умирали от голода». *(Шимон Головня, «Ньюсуик-Польша», 2 янв.)*

» **«Генеральный прокурор напоминает прокурорам о законах, запрещающих негуманное обращение с животными (...) По случаю приближающихся праздников генпрокурор Анджей Серемет разослал апелляционным прокурорам письмо, касающееся животных, в т.ч. рыб (...) Это беспрецедентное событие».** ***(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 20 дек.)***

» «Уже более 30 тыс. человек включилось в акцию «В Новый год не стреляю». Пользователи интернета заявили, что в этом году откажутся от фейерверков в честь встречи Нового года. «Не надо покупать петард. Животные боятся нашей забавы. Не забывайте также, что она может мешать и пожилым людям, пугать маленьких детей», — говорят организаторы акции из варшавского общества «Эмпатия». *(«Жечпосполита», 31 дек. — 2 янв.)*

» **«Эмпатия, т.е. сочувствие, способность поставить себя на место другого — слабая сторона молодого поколения. Это подтверждают психологические исследования. С начала 1980-х гг. способность новых поколений к сопереживанию систематически уменьшается. Особенно явственно эта тенденция прослеживается после 2000 года (...) Нынешнее молодое поколение почти наполовину менее эмпатично, чем поколения 80-х или 90-х».** ***(Иоланта Хылкевич, «Ньюсуик-Польша», 19 дек.)***



» На попечении Анджея Кузёмского 60 ежей: «Раньше я был велокурьером и видел огромное количество раздавленных ежей (...) Я постоянно проезжал мимо всё новых, еще теплых трупов — от нескольких до полутора десятков в день! Я не мог этого выдержать и бросил работу (...) Первый и единственный центр реабилитации ежей основал я, а не государство. Поначалу, когда их было всего несколько, я еще работал велокурьером, чинил компьютеры. Но потом ежей стало больше, и я уже не справлялся. Поэтому я создал центр и фонд «Игливяк». Увы, в этом году я не получил от государственных учреждений ни гроша. Тот факт, что я еще держусь, — заслуга частных лиц, которые платят, сколько могут, — иногда по 5, иногда по 50 злотых. В прошлом году положение тоже было катастрофическим, поэтому я поднял на ноги СМИ, и центр удалось спасти. Но мне всё равно очень тяжело. Часто у меня бывают долги — например в клинике, где я лечу ежей (...) Для работы центра необходимо 8 тыс. злотых в месяц (...) Неужели такая сумма превосходит возможности 40-миллионной страны? (...) Это уже четвертый год (...) Ежи нуждаются в опеке 24 часа в сутки (...) Это изматывает. Иногда от усталости у меня заплетаются ноги, я начинаю кричать, ругаться, потому что очередные четыре таблетки кофеина не действуют. Но другого выхода у меня нет — я им нужен». Дополнительную информацию см. на сайте www.jeze.com.pl *(«Газета выборча», 18 дек.)*

» **«Ежи Помяновскому — 90 лет. За все эти годы он принес польской культуре столько пользы, что его достижений хватит на целый полк, и еще останется (...) Теперь он уже много лет редактирует журнал «Новая Польша», где показывает России Польшу с лучшей стороны», — Адам Михник.** ***(«Газета выборча», 14 янв.)***

Ежи Помяновский

МИЛОШ И БЕСЫ

О книге Чеслава Милоша «Россия»

Эту книгу открываешь, полагая, что она — плод побочных занятий замечательного поэта, в эмиграции вынужденного преподавать русскую литературу потому лишь, что любителей польской филологии там можно было пересчитать по пальцам. А закрываешь — с чувством зависти: завидуешь калифорнийским слушателям лекций; тексты и тезисы лекций составили большинство статей «России» Чеслава Милоша.

Преподаватель хотел — и вынужден был — восхищать слушателей. Он сам пишет, как «старался блеснуть»: лекции в Беркли были первой точкой опоры в Америке — после многократных отказов в визе, после глухого одиночества в Бри под Парижем, после дружной травли, устроенной ему в Лондоне и Варшаве, когда его защищала только «Культура» Ежи Гедройца.

Старания оказались успешными. «Мои лекции, — говорит Милош, — получали высокие оценки». Не всякому так повезло. В коротком романе Казимежа Брандыса «Помысел» польский visiting professor захватывает американских студентов простым способом: он сотворил около дюжины «польских писателей XVI-XX вв., сочинения которых выдумывал чаще всего по ночам. Цитаты он импровизировал по ходу лекций, предупреждая, что по-английски невозможно передать красоту оригинала»

Милошу к таким фокусам прибегать не приходилось. Русская литература была массовым предметом поклонения в стране, где, не забудем, СССР считался врагом par excellence. Студенты уже начитались и самого Достоевского, и некритических комментариев к «Бесам» или «Братьям Карамазовым». Новому преподавателю открывалось широкое поле для сенсационных открытий, предназначенных не только слушателям и касавшихся не только русского классика. Достоевский служит Милошу поводом — больше того, архимедовой точкой опоры, — чтобы подняться на умственные высоты, выше шаблонов и предрассудков, общепринятых взглядов на Россию. А заодно — и на Польшу.

Он обратился к высокой полке философии, от Сведенборга и Паскаля до Ницше, не для «блеска», а для того чтобы показать, что убеждения Достоевского порождены не случайностью и не стадным рефлексом. Сам Милош этих убеждений не разделяет, он только подает пример лояльности по отношению — пусть это будет ясно — к идеологу, по сути опасному, но достойному восхищения. «Несомненно, пророк, — говорит Милош. — Но и опасный учитель».

Милош изучает, что́ читал писатель и чему он учился, а также политический контекст его произведений, чтобы объяснить источники и векторы их сюжетов. Самое здесь главное: Милоша в конечном итоге интересует *функция* произведений Достоевского у его современников и у нас. Поэтому книга, изданная стараниями «Зешитов литерацких», — событие, выходящее за пределы историко-литературной делянки.

В то же время в книге поражает ясность стиля и способность к верным и остроумным суждениям («И к чему же мощь, если это всегда мощь центральной власти, а тем временем в запущенном провинциальном городке неизменно повторяется гоголевский «Ревизор»?»). И еще: убедительна умеренность при формулировании этих суждений. Замечательное интервью, которое взяла у Милоша Сильвия Фролов, называется «Неокончательный диагноз». Эту книгу написал несравненный поэт и проницательный мыслитель, хотя — вслед за Шестовым — отказывающий чистому разуму в монополии на святую правоту.

Нет смысла тратить слова на сожаления и полемику с патриотическими клеветниками, которые пытались не допустить, чтобы Чеслав Милош упокоился в крипте на краковской Скалке. Хватит сознания, что это заурядные растратчики национальных сокровищ.

***

В «Россию» вошли не только статьи, совпадающие с лекциями. Уже в первом томе будущего трехтомного собрания отдельные статьи посвящены Шестову и Розанову, Владимиру Соловьеву и Белинскому, Пушкину и де Кюстину, а также Мариану Здеховскому и Станиславу Игнацию Виткевичу (Виткацию). Но высказывания Милоша, сосредоточенные вокруг сочинений Достоевского и их героев, представляются особенно красноречивыми и заставляющими польского читателя задуматься.

Феномен уже то, что писатель, у которого что ни шулер и позер — то полячок, пользуется в Польше наибольшим читательским успехом, в том числе среди писателей. Новую поклонницу Марека Хласко узнавали по тому, что она внезапно принималась цитировать Достоевского. Но не столько польский парадокс, сколько *вселенское* увлечение Достоевским в XX веке интересовало Милоша.

Первым новшеством, которое он предложил своим американским слушателям и читателям, был отказ рыться в биографии для объяснения взглядов Достоевского и сюжетных неожиданностей в его романах — а в то время в университетах был в моде психоанализ. Ну да, мимоходом Милош вспоминает о комплексе, который мог бы одолевать писателя, если бы у него на совести действительно было изнасилование, но в «России» мы находим другие — убедительные и новаторские — объяснения главного мотива и загадок его творчества.

***

Первая из этих загадок заключена в чаще всего раздающемся вопросе: как это может быть, что автор таких волнующих романов одновременно — и открыто — был сторонником таких узких взглядов? Ужасаешься, когда он провозглашает отвратительные (по мнению Клер Каванаг, автора вступительной статьи к книге Милоша) лозунги, среди которых защита царского самодержавия вообще на Западе непонятна, а обличение католицизма как источника рационализма и, следовательно, атеизма, обладает чертами доктринерской мании. Откровенная ксенофобия в своем стандартном антисемитском варианте дополняет всё остальное.

Эта двойственность как будто объясняет мнение Джозефа Конрада о Достоевском: «That grimacing and haunting creature, who is under a curse» («Это гримасничающее, навязчивое существо, над которым тяготеет проклятие»). Милош этого мнения не разделяет, как не понимает и набоковского пренебрежения стилем Достоевского. Экзегеты Достоевского стремились приуменьшить вопрос, затуманить или перетолковать, и обычно без успеха. Дальше всего эти попытки зашли в СССР: некоторые произведения (в особенности «Дневник писателя» и «Бесы») были доступны только подписчикам на собрания сочинений, да и то не всегда. Другие приемы сводились к теории «двух Достоевских» — до каторги и по возвращении из Омска. Милош показывает шаткость этого тезиса.

Но автор рассматриваемой книги идет дальше: он находит ответ на роковой вопрос. Милош показывает, что в этом безумии был метод и был в нем мощный мотив, который толкнул Достоевского к взглядам столь крайним, а в случае его отношения к полякам — столь примитивным.

Милош попросту утверждает, что у Достоевского была одна лишь великая любовь — роман с Россией — и что после первого путешествия на Запад его переполнял «страх за ее будущее», за ее судьбу, если в ней воцарятся безбожные идеи *научного мировоззрения*, которые привели капиталистический, алчущий прибыли Запад в упадок, а его плебс — на дно нищеты, это он видел в диккенсовском Лондоне.

Русскую интеллигенцию, «сведущих людей» Достоевский считал виновниками грядущей катастрофы, передовой стражей Апокалипсиса. Он уже увидел ее в России: как раз шел процесс Нечаева. Во время этого процесса он писал «Бесов», решив бить тревогу, чтобы уберечь от любых перемен деспотический строй России и его священные столпы.

В этой схеме есть своя логика. Неважно, что капитализм оказался способным к самоисправлению, а деспотический строй — к саморазрушению, причем двукратному. Сплав страсти, шовинизма и опасных обстоятельств достаточен, чтобы оправдать фобии писателя, поддержанные необычайно убедительным пером.

Милошу этого хватило и на то, чтобы выдвинуть один из главных тезисов своей книги: комплекс отсталых взглядов не был стыдливым балластом автора «Преступления и наказания» — он был горючим его страсти и его произведений. Так наверняка было при жизни писателя. Чем, однако, объяснить позднейший культ Достоевского? Не апология же самодержавия и не дискредитация либералов в одной куче с подрывными элементами могла захватить молодых и старых.

***

Статью «Бесы» Милош начинает рассказом о том, как его остановил на кампусе студент и рассказал, что чтение «Бесов» переменило его жизнь, «потому что это так, как если бы Достоевский описывал сегодняшнюю Америку». Когда они снова встретились, студент уже занимался распространением коммунистических листовок.

Каким образом, вопрошает Милош, роман, который был резким предостережением от революции, может «убедить кого-то в ее благодеяниях»? И дает ответ важный как для нас, так и для себя — жертвы «гегелевского укуса», вовремя понявшей, что мёд был ядом. Из «Бесов» студент узнал, что мол существуют законы, управляющие историей, что будущее предрешено и надо только ускорить бег истории, пусть даже кнутом. Если это не удалось Верховенскому и Шигалеву, то виновато славянское разгильдяйство — мы сделаем это лучше.

Можно считать, что такому результату чтения Достоевского способствовал поразительно суггестивный способ изображения его героев. Своей решимостью и способностью договорить каждую свою мысль до вытекающей из нее крайности они вызывают не страх, а восхищение. Достоевский обеспечил им больше славы, чем Станислав Бжозовский своей защитой благородства и самоотверженности народовольцев — Перовской, Кибальчича, Нечаева, героев «Пламени».

***

Да, но «Бесов» читали не только студенты, филологи или искатели истоков зла в плане Божием. Достоевский был под рукой у Ленина. Был у Луначарского («Бесы»? Это о нас», — сказал он, уже будучи наркомом просвещения). Знал эти книги Сталин — они стоят в его кунцевской библиотеке. Знал их Пол Пот, выпускник Сорбонны. Их читали десятки членов «Красных бригад» и группы Баадера—Майнхоф. И никого, насколько мы знаем, эти книги не побудили к перемене их планов. А в то же самое время упрочивалась слава Достоевского как пророка. И действительно — подражатели Верховенского множились и везде, где приходили к власти, принимались осуществлять замыслы Шигалева — провозглашать свободу, чтобы ввести принуждение. Это не свидетельствует в пользу пресловутой исторической необходимости — лишь доказывает, что не только книги, но и идеологии имеют свою судьбу. Судьба эта, однако, коварна.

Вышеназванные любители погонять кнутом паровоз истории боролись против *правомочности власти*. Власть с незапамятных времен принадлежала обладателям т.н. материальных средств и оружия. Кого такое положение дел не устраивало, в наших краях зачислялся — условно говоря — в левые. У сторонников левых были некоторые общие черты: они боролись против эксплуатации, судебного произвола, цензуры, а прежде всего — против деспотии исполнительной власти. Только в XX веке там и сям — прежде всего в России — левые взяли в свои руки (не будем вдаваться в детали) оружие и средства. Быстро оказалось, что почти везде они это использовали для восстановления деспотии, на этот раз своей собственной. Милош пишет:

«Там, в России, группа Нечаева (...) отвергала правомочность монаршей власти и всей системы, построенной на ее сакральности. Здесь, на Западе, пришла очередь власти, создаваемой в результате выборов».

Но вот в Восточной и Центральной Европе, на территории «большой зоны», появилась и сохранилась вплоть до распада СССР и его сферы влияния немалая группа людей, отрицавших правомочность власти, зависимой от соседа-гегемона и узурпировавшей идеи, традиционно связанные с левыми, но по сути — краденые. В Польше тогда удалось достичь беспрецедентного явления — отрицающего насилие союза рабочего авангарда с интеллигенцией. Результатом было освобождение от чужих войск и директив, выборность властей, свобода мысли, слова и предпринимательства.

Свергнуть эту систему отнюдь не мыслят наши левые, ограничиваясь чтением незаконнорожденных наследников марксизма. Зато мы стали свидетелями гротескного и одновременно опасного феномена, который Достоевскому и не снился. Среди нас выросла корпорация выродков демократии, не признающих правомочности легально избранной демократической власти, готовых действовать по примеру героев его «Бесов» — но исповедующих, грубо говоря, стыдливую часть взглядов их автора: авторитаризм, отвращение к «образованцам», презрение к светским традициям, культ невежества и ненависть к таким умам и талантам, как Чеслав Милош.

Кто читал его «Россию» — знает, что́ нам надо защищать.

Czesław Miłosz. Rosja. Widzenia transoceaniczne. T.I. Dostojewski — nasz współczesny. Wyb. Barbara Toruńczyk i Monika Wójciak. Oprac. Barbara Toruńczyk. Wstęp Clare Cavanagh. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2010

Станислав Мацкевич

ДОСТОЕВСКИЙ

(Отрывки из книги)

Христианский моралист Достоевский сделался источником понятия «достоевщина». Такой термин мы сегодня применяем к тем, кто стоит на грани безумия и не умеет обуздать свои сумасбродные или диковинные страсти. Достоевский занимался своим психологическим анализом словно с помощью микроскопа — человеческие изъяны, чтобы лучше их разглядеть, лучше узнать и объяснить, он преувеличивал до фантастических размеров. Доводилось ли вам видеть глаз мухи под микроскопом? Он похож на кратер вулкана. Романы Достоевского — это сплошной крик и скандал. Таково следствие метода наблюдения Достоевского: даже тихие, обычно утаиваемые человеком чувства он громогласно вытаскивает наружу. На этом же основана и специфика фантастичности метода Достоевского. Когда в кино при спортивных съемках используют замедление темпа и мы смотрим на коня, который взвивается над препятствием в неспешном ритме, напоминающем движения медлительной рыбы, то и здесь мы имеем дело с фантастическим, неестественным методом, примененным с целью облегчить нам наблюдение, прояснить тайны лошадиного прыжка; но этот метод дает диковинную картину, не существующую в реальности. Точно то же мы встречаем у Достоевского. Однако, помимо всего прочего, изучать биографию Достоевского потому так захватывающе, что здесь мы всё время встречаем людей, принадлежащих климату и атмосфере «достоевщины». Мы всё время встречаем людей на грани сумасшедшего дома, фантазеров, чудаков, скандалистов. Таков уж в романах Достоевского гений времени и гений места — той самой России времен крепостного права и отмены крепостного права, времен самодержца-автократа Николая I и императора-революционера Александра II.

Достоевский был особым портретистом своих современников. Писатель, изображающий кого-то конкретного в своем романе, выводит его, естественно, в виде одного из своих героев или героинь. Когда Достоевский кого-то изображал, то создавал не одно, а несколько лиц: только бросив в действие драмы сразу несколько личностей, разных и разнообразных, зачастую борющихся друг с другом или сцепленных сложными связями, писатель рисует, представляет нам, воображает себе какую-то одну незаурядную личность. Мы знаем, к примеру, что в «Анне Карениной» муж героини романа, Алексей Александрович Каренин, внешне списан с Константина Петровича Победоносцева, выдающегося государственного деятеля последних лет XIX века. Нас бесспорно убеждает этот портрет тощего старика с оттопыренными ушами, с орденом на накрахмаленной рубашке и пальцами, которые отчетливо трещат в суставах, когда Каренин-Победоносцев закладывает пальцы за пальцы. Но вот если бы Достоевский решил в одном из своих романов представить портрет Победоносцева, то он высказал бы свой взгляд на него, создав не только образ царского сановника, коим был бы Победоносцев, но еще и монаха-исповедника, которым Победоносцев тоже бы оказался, а кроме того, еще хитрой и бесстрастной бабы-свахи или бабы-акушерки, и это тоже был бы Победоносцев, и, наконец, мальчика-школьника, наивного энтузиаста, — и это опять же был бы Победоносцев. Поясним, что действующие лица в романах Достоевского — это не люди-символы, а люди живые и цельные, не люди-осколки, но художественно завершенные человеческие индивидуальности. Достоевский, этот Гойя романа, этот русский Гойя, писал портреты необычайно сложным способом. Его герои не делятся на людей хороших и плохих, добрых и злых, на «типы» скряг, трусов, проституток или рыцарей, филантропов и богобоязненных матрон. Совершенно наоборот! Достоевский убежден, что человеческая натура, что суть человеческой натуры — это безграничные нравственные противоречия, которые борются друг с другом внутри человека, которые в душе человека ведут неустанную, яростную битву. Доктор Джекил и мистер Хайд сознательно или полусознательно вдохновлены произведениями Достоевского. Творчество — это не только динамичная и драматичная борьба различных факторов и моральных лозунгов снаружи, в виде борьбы разных моральных тезисов и антитезисов, за которые сражается автор произведения в форме

полемики с убеждениями своих читателей, — это одновременно ожесточенная, болезненная борьба различных нравственных ценностей внутри, в душе каждого из героев романа. Если Достоевский создает тип скупца, страшного, безграничного, апокалиптического скупца, то этот скупец обязательно показан нам в момент беснующихся в нем расточительности и мотовства. Если Достоевский создаст тип неустрашимого рыцаря, то лишь для того, чтобы мы увидели, что неустрашимый рыцарь может вести себя как смрадный трус. Достоевский не знает, не понимает, наконец, ненавидит само понятие людей-монолитов, людей, высеченных из одной глыбы. Для Достоевского человеческая натура — это склад нравственных противоречий, это фигура с собачьей мордой, крыльями ангела и хвостом кита. Добродетели и подлости всегда борются внутри человека и за господство над этим человеком. Двойственность, тройственность, многоликость человеческого характера — вот господствующая черта достоевщины. Один из персонажей Достоевского, который изо дня в день способен быть благороднейшим героем и совершать омерзительные, низкие поступки, в приступе страсти и безумия выхватывает образ Матери Божией и ударяет им об угол печки. Икона трескается и раскалывается ровно на два куска. Вот вам и весь Достоевский!

Жизнь Достоевского показывает, что ему самому не чужда была такая внутренняя игра и внутренняя борьба добрых, прекрасных наклонностей с дурными и гнусными. Ангел и сатана сражались также в нем и за него. Сегодня жизнь его уже насквозь просвечена с помощью отовсюду извлеченных и опубликованных документов. Эту жизнь можно поделить на две неравные части; в первой — нищета, непрестанные страдания и мытарства и, что для нас важнее всего, невозможность творить. Над первой частью его жизни тяготел жуткий скрежет, какой-то чудовищный грохот железных листов, оглушавший этого эпилептика. Лишь во второй ее части вместо этого шума начинают раздаваться звуки фортепьяно, на первых порах тихие, а потом всё более уверенные и всё более гармоничные. Во второй части жизни появляется Аня. Все шедевры Достоевского возникли лишь с момента его знакомства с Аней. Достоевскому в тот момент 45 лет, его считают второ- или третьеразрядным писателем, он болен эпилепсией, он бывший каторжник и кандидат на повторное попадание в тюрьму — на этот раз за долги. Ане 19 лет. Всё или почти всё из того, что Достоевский написал до встречи с Аней, несло в себе зерно гениальных озарений, но вследствие болезней, нищеты, несчастий и беспрестанного мучительства со стороны тех, с кем ему приходилось иметь дело, и женщин, с которыми он жил, эти зерна гения не могли прорасти. Если бы не Аня, фамилия Достоевского вообще не фигурировала бы в мировых энциклопедиях. Он был бы Наполеоном, умершим до Тулона. В том состоянии нервной депрессии, в каком Достоевский и провел всю жизнь вплоть до благословенного момента знакомства с Аней, он был не в состоянии творить шедевры. Лишь Аня в течение своего 14-летнего супружества с Достоевским создала гению Достоевского, который до этого калечили и которым помыкали, возможности плодоносить. Именно Ане мы обязаны Достоевским, без Ани Достоевского бы не существовало. Эта девятнадцатилетняя девушка не была ни красивой, ни богатой, ни особенно веселой, забавной или милой. Она была весьма заурядна и, как нам кажется, скорее нехороша собой. У нее слишком широкий рот и слишком крупные ноздри. Но Аня поклонялась таланту Достоевского, почитала счастьем физически и морально быть при нем, пока он в муках создавал свои образы, и была одушевлена великой любовью, пониманием и сочувствием к мужу. Аня вытащила Достоевского из нищеты, из долгов, взяла его денежные дела в свои руки, избавила его не только от эксплуатации ростовщиков, но и от назойливого попрошайничества родственников и профессиональных нищих. Она стала как бы Санчо Пансой в женском образе, семеня на ослике мещанской практичности за скакуном этого Дон Кихота. О!.. не только! Чтобы успокоить нервы Достоевского, затянуть раны, нанесенные ему жизнью и проклятьем болезней, Аня принесла такие жертвы, на какие — я не слышал, не видел, не предполагал, чтобы была способна какая-нибудь другая жена ради какого-нибудь другого мужа.

(...)

Достоевский вступил в консервативный лагерь, но консерватором Достоевский не был. Можно даже сказать, что он оторвал русских царей от консервативного мировоззрения. Последним консерватором на троне был Николай I; Александр II был либералом, последние два царя уже разделяли идеологию Достоевского, а она консервативной не была.

Именно «Дневник писателя», печатавшийся в 1873 и 1874 гг. на страницах «Гражданина», а в 1876

и 1877 гг. выходивший как независимый орган, дает нам основания уточнить взгляды Достоевского в философской, политической и общественной сферах. Консерватизм — это любовь к сокровищам, обретенным многовековой культурой. Консерватизм — это извлечение уроков из прошлого и поддержание того, что показало свою доброкачественность, это опора на достигнутый опыт. Взгляды, провозглашавшиеся Достоевским, всегда обладали революционной динамикой.

Христианство. Достоевский несомненно был учеником Евангелия и в силу этого противостоял социализму. Он часто возвращается к рассказу о том, как диавол искушал Христа, предлагая Ему лежащие в пустыне камни превратить в хлеба и накормить ими народ, а Христос ему ответил: «Не хлебом одним будет жить человек». В этих словах Достоевский усматривал осуждение всей материалистической доктрины Маркса и доктрины классовой борьбы за материальные блага. Но, с другой стороны, Достоевский, постоянно борясь против католической Церкви, указывал, что католицизм смирился с разделением мира на сытых и голодных, на эксплуатирующих и обиженных. По Достоевскому, христианин говорит: я делюсь с ближним моим всем, чем могу поделиться, — а социалист говорит: отдай мне, ты должен отдать, я отберу у тебя то, чего ты имеешь больше меня. Христианство исходит из любви к ближнему, которая должна быть добровольным чувством, тогда как социализм — из классовой ненависти. Однако тот факт, что в «Преступлении и наказании» Достоевский сказал Раскольникову с топором в руке: не убивай, — отнюдь не означает, будто он считал хорошими действия процентщицы, которая, сквалыжничая, копила деньги, собираемые ею на людской нищете и горе.

«Западники» и Европа. Одно из самых глубоких наблюдений Достоевского — это его замечание, касающееся русских сторонников западной школы, «западников». Они, по словам Достоевского, утверждают, будто России предпочитают Европу, так отчего же тогда, спрашивает он, в Европе они объединяются с европейскими революционными движениями, всасываются в них. Ведь подобные революционные движения — это именно отрицание, неприятие, борьба с Европой, с ее историей, традициями, цивилизацией. Наши «западники» и революционеры, продолжает он, на самом деле не любят Европу по-настоящему, коль скоро тут же объединяются с лагерем, отметающим Европу. И, как раз отметая Европу, они разоблачают свою русскую сущность — более русскую, чем у славянофилов.

Всё это рассуждение — совершенно верное. Консерватизм в каждой стране иной, но в России нет подходящей ауры для возникновения консерватизма. Кто знает и сравнивает Россию и соседствующую с ней Польшу или же Россию и отдаленную от нее Францию либо Испанию, тот согласится, что у польских, французских, испанских революционеров окажется куда больше интереса к истории, прошлому, к традициям, к вещам постоянным и неизменным, чем у русских царского времени на высоких государственных постах. Николай I был консерватором, защитником Священного союза, но его консерватизм носил не русский характер, а скорее немецкий, общеевропейский, легитимистский. Славянофилы были наполовину революционерами, потому что переняли и приспособили много несбыточных революционных мечтаний, а наполовину — романтиками, желающими воскресить русское прошлое. Что ж тут сказать, когда и то и другое заимствовано из Европы, когда видения былой России создавались на основании иллюзий, порожденных на фоне любви к вещам абсолютно не русским, но зато весьма европейским и только переодетым, перекрашенным на русский манер.

Замечание Достоевского о том, что русские «западники» именно потому и остаются русскими, что объединяются *с* лагерем европейской революции, было глубоко верным.

Достоевский и Европа. Достоевский ненавидел Европу, а особенно ненавидел католицизм. Часто вспоминает он и о Франции как о первой дщери католической Церкви. Однако же я склонен предполагать, что когда Достоевский пишет о Франции с неприязнью, то думает о Польше. Польша с ее латинской и католической культурой стояла слишком близко к России, а в тот период еще и принадлежала России. По разным причинам Достоевский считал своей миссией сдерживать всякое проникновение польской культуры в Россию. Славянский мир способен собраться вокруг России только после предания Польши анафеме, считал он. И создал тип «полячишки», «полячка», постоянно ссылающегося на свою честь, а в сущности обманщика и негодяя, причем такой тип возникает раз за разом почти во всех его романах.

Характерная вещь. Достоевский берет в свои руки редактирование «Гражданина», органа русского

консерватора, берет это издание под свое начало по отдаленному благословению самого́ цесаревича, кузена всех царствующих династий Европы. Тогда актуальны были борьба республики с монархистами в Испании и вопрос о реставрации монархии во Франции — в лице графа де Шамбора. В обоих случаях Достоевский высказывается в пользу республики против монархии. А своих императоров Достоевский любит искренне и от всей души. Пламенный монархист для России и человек, симпатизирующий республике в Европе. Как много это дает пищи для размышлений!

Публика первого и третьего классов. В «Дневнике писателя» мы обнаруживаем эту разницу весьма определенно, хотя бы в описаниях путешествий Достоевского по России железными дорогами или на пароходах: Достоевский ненавидит и презирает тот слой, который в России ездит первым классом, а обожает и любит лишь пассажиров третьего класса. Первый класс он представляет нам как некое стадо бесстыжих обезьян, берущих пример с Европы и подражающих ей. Достоевский всегда выглядит убедительным и захватывающим, когда порет и сечет, раздает оплеухи и унижает, однако же когда он заявляет нам, что русский народ обладает всеми возможными добродетелями, то вызывает у нас сильное желание услышать какие-нибудь доказательства или доводы, помимо жаркого провозглашения этой веры.

Достоевский — националист. Достоевский однажды высказал убеждение, что Бог есть подлинный Бог лишь в том случае, когда это Бог национальный, как Бог древнего Израиля. Это был бы принцип, противоположный христианскому мировоззрению, принцип, который делал бы из Достоевского предтечу гитлеризма. Посему он не защищал эту позицию. Однако он был русским мессианистом. В письме к цесаревичу Александру, пересылая ему экземпляр «Бесов», Достоевский пишет:

«Взгляд мой состоит в том, что эти явления [нечаевские преступления] не случайность, не единичны... Эти явления — прямое последствие вековой оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни. Даже самые талантливые представители нашего псевдоевропейского развития давным-давно уже пришли к убеждению о совершенной преступности для нас, русских, мечтать о своей самобытности. Всего ужаснее то, что они совершенно правы; ибо, раз *с гордостию* назвав себя европейцами, мы тем самым отреклись быть русскими. В смущении и страхе перед тем, что мы так далеко отстали от Европы в умственном и научном развитии, мы забыли, что сами, в глубине и задачах русского духа, заключаем в себе, как русские, способность, может быть, принести новый свет миру, при условии самобытности нашего развития».

Таким образом, это типичный мессианизм. Россия оздоровит мир, если только останется особенным, отдельным и своеобычным телом. Ироническая гримаса истории привела к тому, что тот новый свет, который Россия принесла миру, исходит не от духовных потомков Достоевского и в равной мере не от потомков его почтенного адресата, но как раз от духовных наследников осуждаемого им Нечаева.

И, возможно, Достоевский был прав, когда в 1876 г. писал в своем «Дневнике писателя»:

«...коренной и древнейший русский князь Гагарин, став европейцем, нашел необходимым не только перейти в католичество, но уже прямо перескочить в иезуиты. Кто же, скажите теперь, из них [Белинского и Гагарина] больше друг России? Кто из них остался более русским? И не подтверждает ли этот второй пример мой первоначальный парадокс, состоящий в том, что русские европейские социалисты и коммунары — прежде всего не европейцы и кончат-таки тем, что станут опять коренными и славными русскими, когда рассеется недоумение и когда они выучатся России, и — второе, что русскому ни за что нельзя обратиться в европейца серьезного, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем непохожее и само по себе серьезное».

Странно читать эти пророчества через семьдесят лет после их произнесения.

С и н т е з . Политические взгляды Достоевского можно синтезировать следующим обобщенным образом. Бог — русский, православный; русское мессианское слово предназначено всему миру; русский народ — инструмент Провидения; русский царь — одухотворенный и вдохновенный выразитель идеи русского народа. Кроме того, тут еще презрение к интеллигенции и богатым — как к европейцам, скептикам и людям, оторванным от русской почвы.

Достоевский не был консерватором. Правда, революционные движения во всех странах похожи между собой, тогда как консерватизм каждой страны носит везде иной характер, но взгляды Достоевского не содержат в себе даже крупицы сходства с каким-нибудь консерватизмом. Напротив, это взгляды par excellence динамичные, даже по-своему революционные.

Еще одним приверженцем таких идей был Константин Победоносцев. Он, как и Достоевский, — внук попа; Лев Толстой описал его в качестве мужа Анны Карениной, религиозного маньяка и достопочтенного рогоносца. Однако в правление Александра III и Николая II он был одним из высоких сановников с наиболее выделяющейся индивидуальностью, и его фигура отбрасывала тень на те времена. Революция, либералы ненавидели Победоносцева. Мерилом индивидуальности человека всегда будет ненависть его врагов. Если она мощна — такой человек многого стоит. «Molti nemici, molto onore» [«Много недругов — много чести»], — сказал «шакал» Муссолини. Русская революция знала, что осмеянный женою рогач Победоносцев — не бюрократический чинуша, не оппортунист-приспособленец и не карьерист на министерском уровне, а чувствовала в нем ожесточенного, упорного и умного идейного врага. Из двух новых знакомых Достоевского князь Мещерский был паяцем и негодяем, Победоносцев же — человеком глубоких знаний.

Достоевский и Победоносцев стремились к своего рода халифату русского народа, к царско-императорской теократии, осуществляемой во имя религиозных верований русского народа. Оба они питали горячее убеждение, что русский народ глубоко религиозен. Идеализация какого-либо сообщества в степени, противоположной его умственному развитию, случалась и случается довольно-таки часто.

Александр III разделял их взгляды. Он тоже был человеком верующим, возможно, даже сильнее, чем Достоевский, который только «хотел верить», и проявлял готовность взять на себя обязанности русского цезарепапы... Но одновременно у этого великана было сильное чувство здравого смысла и отсутствовала нервозность, а это приводило к тому, что его отношение к изложенным выше идеалам было приблизительно таким же, как отношение богобоязненного купца к провозвестию, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное. Александр III был готов действовать как теократ, но без малейших нарушений в полицейском аппарате своего огромного государства. Вдобавок он отменил у себя в армии элегантные мундиры и заменил их мешковатыми униформами, обладающими кое-каким сходством с русской народной одеждой, а сам носил большие сапоги с большими заплатами на большом пальце, ел простые крестьянские кушанья, запретил своим дипломатам пользоваться французским языком и даже однажды в копенгагенском парке облил шведского короля водой из садового насоса. А сверх того сказал однажды: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Видения Достоевского в таком исполнении теряли свой ангельский характер. Это, впрочем, не означает, чтоб я в сравнении с мудрецом Достоевским считал Александра III дураком. О, нет!

Достоевскому не везло с потомством. Из четверых его детей самая старшая дочурка умерла, как мы знаем, вскоре после рождения, а у младшего сынишки, Алексея, в двухлетнем возрасте вдруг случился эпилептический припадок — страшный, продолжавшийся с 9 утра до самого полудня, после чего малыш оцепенел и умер. Достоевский чувствовал себя виновником страданий этого безгрешного существа. Дочь Достоевского, Любовь, написала идиотские мемуары, где на каждой странице доказывает, что Достоевский не был русским, а его сын Федор стал кем-то вроде аристократического сноба, занимающегося исключительно лошадьми и скачками. Вырождение быстро пошло по следам жизни этого писателя.

Но главное в том, что вырожденцем его идеи был последний русский император Николай II. Он был чистых кровей идейным апологетом достоевщины. Но религиозная мистика и любовь к простому русскому народу, воспламененная в нем Достоевским, вылилась в чудовищные формы — в обожание Распутина и преклонение перед ним.

Евангелина Скалинская

СТАНИСЛАВ ЦАТ-МАЦКЕВИЧ — АВТОР «ДОСТОЕВСКОГО»И ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК

В 1957 г. в Варшаве была издана книга Станислава Цат-Мацкевича «Достоевский». Это одна из самых важных польских работ, посвященных великому русскому писателю. Но особенность этой книги или, лучше сказать, этого литературного очерка состоит в том, что она рассказывает прежде всего о человеке — полном внутренних разногласий, трудном и порочном, больном и мелком, но в то же время (а может быть, прежде всего) гениальном и временами как бы святом. Русские читатели наверняка знакомы уже со многими — на первый взгляд — похожими книгами. Напомним о «Личности Достоевского» Лосского, «Мировоззрении Достоевского» Бердяева, «Философии трагедии» Шестова и многих других. В чем же на этом достойном фоне заключается особенность произведения Мацкевича? Почему мы считаем, что его стоит представить нашим читателям? Надеюсь, что достаточным ответом на этот вопрос (кроме выбранных нами отрывков из книги Мацкевича) будет короткий рассказ о жизни ее автора.

Станислав Мацкевич родился в 1896 г. в Петербурге, на Невском проспекте, в семье потомственных дворян Виленской губернии.

В этом городе он начал свое образование, чтобы впоследствии, еще в ранней молодости, многократно переезжать из Вильно в Краков, оттуда на Гродненщину и в конечном итоге вернутся в Вильно. Во время всех этих разъездов, вызванных прежде всего трудностями в обучении и поисках своего места, Мацкевич посетил город своего детства всего только раз, зимой 1914-1915 гг. Один польский биограф Мацкевича так описал посещение писателем Петрограда: «Кажется, он меньше интересовался домом, в котором пришел на свет. Он вспоминает это посещение сухо. Но все-таки Петербург, колокола церквей и звонки у саней, дворцовые и чердачные окна, цвета, запахи, драмы, спесь, смирение и бунт этого города постоянно присутствуют в творчестве Мацкевича; он говорил, что чаще писал о Пушкине, чем о Мицкевиче. Петербург присутствует так же, как позже присвоенное место рождения, единственное место на земле — Вильно. Он появляется постоянно и в политической публицистике, и в книгах. Ведь в «Достоевском» столько же о человеке, как о и городе».

Принято считать, что в биографии Мацкевича особое место занимает польско-советская война 1919-1920 годов. Как пристало настоящему романтику (а на Мацкевича часто смотрели именно таким образом), война за независимость Польши должна была иметь в формировании его личности огромное значение. Однако стоит заметить, что Мацкевич был прежде всего писателем и публицистом, хотя политика и занимала в его жизни очень важное место. Но в ней ему приходилось очень часто разочаровываться. Несмотря на то что во время вышеуказанной войны он вступил в уланский полк, герой нашего рассказа панически боялся лошадей и по крайней мере половину времени, отслуженного в полку, он провел в различных отпусках: в университете и на собственной свадьбе.

Писательский талант Мацкевича проявился уже во время его дебюта: в 1916 г. будущий писатель издал свой первый очерк, посвященный Генрику Сенкевичу. И хотя в смысловом, исследовательском плане этому тексту оставалось еще многое пожелать, особое уважение (также в университетских кругах) возбудила неимоверная начитанность молодого писателя. Кстати, стоит упомянуть о том, что Мацкевич читал постоянно: без особого преувеличения можно сказать, что в разгаре своей молодости он читал всегда и везде. А особенно советовал своим окружающим читать «ненужные книги». По его мнению, они-то и приносили много неожиданных сюрпризов и расширяли читательский и вообще житейский кругозор.

Все вышеупомянутые отрывочные и, можно сказать, хаотические сведения постепенно формировали личность Мацкевича, постепенно приводили к первому зрелому периоду его творчества, который начался в 1922 г., когда Мацкевич основал в Вильно ежедневную газету «Слово» и стал ее

главным редактором. «Слово» издавалось до самого начала Второй Мировой войны. Постепенно из провинциальной газеты с тиражом в несколько тысяч экземпляров оно превратилось в одно из самых влиятельных польских периодических изданий. Во времена наибольшей популярности газету привозили из Вильно в Варшаву и Краков утренними поездами, а перед киоском, в котором можно было ее купить, уже выстраивалась длинная очередь, так что иногда даже и не всем желающим удавалось достать заветный экземпляр. «Слово» перепечатывали в других газетах, со «Словом» спорили, а самого главного редактора часто вызывали на дуэль (не только по газетным причинам...). Согласно моде XIX века на каламбуры, можно сказать, что «Слово» было у всех на устах.

Но надо еще ответить на вопрос, что привело к такой неимоверной популярности провинциальной газеты. Прежде всего, вероятно, передовые статьи самого Мацкевича. Передовицы Мацкевич писал поздно ночью, когда очередной номер был уже закончен и можно было сосредоточиться на выработке публицистической и полемической сути его содержания. Дочь Мацкевича вспоминала, что однажды поздней ночью, когда отец по своему обыкновению возвращался из редакции домой через виленский парк, называемый «телятником», на него напали. В другой раз к ним в дом подкинули бомбу, но, к счастью, никто не пострадал. С тех пор Мацкевич начал носить с собой револьвер и трость со стилетом.

Однако причиной популярности «Слова» были не только передовые статьи Мацкевича. Существенна была также «открытость» газеты. В 1931 г. Мацкевич начал сотрудничать с виленской авангардной поэтической группой «Жагары». В ее состав входило несколько молодых поэтов, в том числе Чеслав Милош и Ежи Путрамент. (С последним из них Цату пришлось столкнуться много лет спустя, когда он вернулся на родину из эмиграции. К тому времени Путрамент стал одним из приближенных коммунистической власти). Вначале, несмотря на левые взгляды молодых поэтов и их «катастрофизм», их сотрудничество со «Словом» проходило весьма успешно. На протяжении нескольких месяцев к газете даже добавлялось литературное приложение «Жагары». Можно думать, что Мацкевич не только хотел таким образом еще больше повысить популярность своей газеты, но и стремился как-то «перевоспитать» юных литераторов. Этого у него, конечно, не получилось, и еще до окончания 1931 г. «Жагары» перебрались в другую газету, оставшись, однако, в дружеских отношениях с Мацкевичем.

Очень важно было и политическое направление Цата. Говоря о Мацкевиче, необходимо хотя бы упомянуть о его политической направленности — монархизме. Цат, кажется, был монархистом с самого начала своей сознательной жизни: и в тайной политической студенческой организации «Зет», и в любви к Юзефу Пилсудскому, и в роли автора очерков, статей и фельетонов, и будучи редактором «Слова», и впоследствии, исполняя обязанности польского парламентария в стране и в изгнании. В одном из личных разговоров, Мацкевичу был задан вопрос о причинах его политических склонностей, и он ответил так:

«— Почему вы монархист?

— Вы не понимаете?

— По причине привязанности к традиции?

— Не только. Я повседневный монархист. Сегодняшний, завтрашний, всегдашний. Убежденный.

— Вы можете мне объяснить, почему?

— (...) Психология. А ладно, пусть будет психология. Не стоит пренебрегать человеческой натурой. Человек носит в себе потребность восхититься кем-то, прежде чем начнет сознательно его поддерживать.

— Я не понимаю.

— Счастливы те государства, такие как Англия или Швеция, где по-прежнему есть король, хотя он и не правит, потому что этим занимаются за него другие. Но король пред-ста-ви-тель-ству-ет. Король всегда и везде присутствует: читает речи, пожимает кому-то руку, открывает выставки. Он личность популярная, симпатичная. Когда наследник трона заключает брак, толпы проводят целую ночь под зонтами, чтобы увидеть проезжающую карету и лоскуток вуали. А когда у королевы роды, вся Англия дожидается колокольного звона. Таким образом удовлетворяется потребность в любви.

Короля любят, а премьера выбирают. А мы путаем потребность чувств с государственными интересами. Они голосуют за тори или с ними борются, потому что их поддерживают или, наоборот, не приемлют их программу.

Ну а мы?

Несчастны те народы, которые по причине отсутствия объектов любви начинают восхищаться господином президентом, премьером, министром иностранных дел. Как же тяжело им будет в час разочарования или изменения правительства».

Интересно, что понимание роли монархизма в жизни общества, представленное в приведенном выше отрывке из беседы с Мацкевичем, вовсе не характерно для западноевропейской ментальности. Хотя приводит он политические и социологические примеры из жизни стран Западной Европы. Кажется, что всё-таки этот образ мышления характерен прежде всего для русской ментальности. По сути дела никто на Западе со времен Средневековья не говорит таким образом о роли монархии в общественной жизни, но зато таким образом говорили и думали многие русские, а в том числе и Достоевский.

Монархические взгляды в публицистике Мацкевича проявлялись прежде всего в его антинационалистических статьях. «Слово» боролось с национализмом и самих поляков, и национальных меньшинств, населявших довоенную Польшу. Цат провозглашал в своих статьях польскую державу, находящуюся на многонациональных и многоэтничных землях. Национализм и шовинизм в его взгляде на мир были внутренней угрозой этой державе.

Политические контакты, установленные Мацкевичем за время издания «Слова» и ранней деятельности в молодежных политических организациях, а также авторитет, приобретенный писателем благодаря его статьям и политическим фельетонам, привели к тому, что в 1928 г. он был избран депутатом Сейма. Его можно назвать поистине романтическим политиком: во время подготовительных работ по созданию новой конституции он был полностью отдан своему делу (хотя по-прежнему оставался на посту главного редактора своей газеты), а при том оставался человеком нетерпеливым, энергичным, стремительным и вспыльчивым. Изменения в польской внутренней политике и непреклонность Цата, его приверженность старым идеалам привели в 1939 г. депутата-редактора к тюремному заключению в лагере для политзаключенных в Березе, которое продолжалось, к счастью, всего 17 дней. Главным обвинением Мацкевичу был его антиправительственный уклон. Мацкевич перестал быть депутатом Сейма в 1935 г., в год смерти Юзефа Пилсудского, и начиная с этого времени крайне резко критиковал польскую внешнюю политику и систему обороны страны. После освобождения из лагеря Цат принял решение на некоторое время отойти от журналистики, но вернуться к ней уже не успел.

Начало войны застало Мацкевича в Вильно. Оттуда он сразу же направился в Каунас, а потом прямиком в Париж. Впоследствии он сам говорил, что, уезжая из Польши, «пищал как мышь». Взять с собой семью (жену и двух дочерей) у него не получилось. Их держали под домашним арестом в Волковыске.

В январе 1940 г. Мацкевич был включен в число депутатов эмигрантского Национального совета. Немалую роль в этом сыграло политическое прошлое Мацкевича и его заключение в Березе. Еще раньше Цат начал налаживать в Париже новое издание своего «Слова». Без малейшего преувеличения можно сказать, что он просто задыхался, оттого что не мог писать. Его старания не остались безуспешными, и уже вскоре ему удалось наладить выпуск своей еженедельной газеты.

Не только Мацкевич, но и все польские эмигранты в Париже, чувствовали в то время своего рода déjà vu. Польша проиграла войну, а часть польской интеллигенции вынужденно оказалась в эмиграции. История середины XIX века повторилась. Снова Париж, снова ссоры, снова разные политические группировки. И снова надо было по-прежнему бороться. Сражение Мацкевича с действительностью проходило на двух фронтах: внутреннем, эмигрантском, публицистическом, и внешнем — политическом. На страницах своей газеты он анализировал причины краха Польши и критиковал поведение Рыдза-Смиглого, генерального инспектора вооруженных сил, а с начала войны — и верховного главнокомандующего. Внешняя, политическая деятельность оказывалась еще более трудной. После капитуляции Франции польскому правительству было предоставлено убежище в Лондоне. Но Мацкевич старался думать прежде всего о будущем страны и не повторять старых ошибок. Поэтому он стремился уговорить президента остаться в Париже и начать мирные переговоры с Германией.

Только в сотрудничестве с Германией, даже нацистской, он видел какие-то шансы на восстановление независимости Польши. Эти уговоры не только не принесли результата, но и выставили Цата перед польской эмиграцией в неприглядном свете.

Несмотря на свои первоначальные заявления, Мацкевич все-таки отправился вместе с другими членами Национального совета в Лондон. В его частной переписке отчетливо видно, насколько трудным было для него это время. Единственным убежищем от постоянных политических ссор, от трагических новостей с родины, от неясных и тревожных известий о семье стали для него стены Британского музея. Он почти ежедневно уходил туда на много часов, чтобы читать, чтобы перенестись в иной, выбранный им самим, мир. Одним из таких альтернативных миров стал для него Петербург XIX века и Достоевский. Один биограф Мацкевича пишет:

«Я скажу одно: он хотел убежать, далеко и еще дальше от эмигрантских огорчений, малых и больших, на нейтральную и плодоносную землю, а в Британском музее он нашел замечательно каталогизированные материалы о писателе. И добавлю еще одно менее прозаическое предположение: Достоевский, петрашевец и апологет царя, мистик и шулер, внук попа с претензиями на польский дворянский герб, проситель редакторов и чиновников, Достоевский-гений — с гимназической молодости в Вильно сопутствовал как черное пламя его [Мацкевича] писательской фантазии, прежде прочих и превыше прочих. Тому есть достаточно доказательств. Как же можно было лучше, еще больше ва-банк испробовать свои силы? И отсюда, хотя бы частично, вытек этот выбор. Выбор, дававший вместе с тем шанс пробиться к английским читателям».

И всё же этот выбор не перестает удивлять. Многие восторженные читатели Достоевского отвращались от него во время войны. Так было по крайней мере с поляками, так было, к примеру, с Милошем. Да и книга Мацкевича вовсе не представляет мир и самого писателя в радужных очертаниях, она ярко освещает всю ту грязь, которой полны некоторые страницы автора «Братьев Карамазовых». На ее первых страницах Мацкевич писал:

«Христианский моралист. Сам Достоевский стал источником понятия «достоевщина». Так мы сегодня называем среду людей, стоящих на границе сумасшествия, неспособных справиться со своими сумасшедшими или странными страстями. Достоевский занимался своим психологическим анализом как бы при помощи микроскопа: человеческие недостатки, чтобы к ним лучше присмотреться, лучше их узнать и лучше объяснить, преувеличивал до фантастических размеров. Вы видели глаз мухи в микроскопе? Он похож на кратер вулкана. Романы Достоевского — это постоянный крик и скандал. Это следствие метода наблюдения Достоевского, который даже тихие, обычно утаенные человеком чувства, громко выкрикивает наружу. И на этом основывается фантастический характер творчества Достоевского».

А значит, «достоевщина», и грязь, и направленный на эту грязь микроскоп. Может быть, таким образом — наперекор всему — Мацкевичу было легче справиться с эмигрантским болотом, идя под руку с Достоевским и в мире Достоевского, чем, к примеру, в компании Толстого (хотя и о нем Мацкевич задумал книгу, но уже много позднее, в ПНР). Ибо несмотря ни на что весь ужас автора «Идиота» — это ужас фантастический, преувеличенный, помогающий понять и затем побороть темноту. Может быть, такая «школа жизни» и была в те пасмурные, одинокие времена Мацкевичу необходима.

Кажется, именно эту мысль о фантастическом художественном методе Достоевского, проходящую лейтмотивом по всей книге, можно назвать самым значительным открытием польского писателя в области «достоевщины». Искаженная перспектива художественного мира романов Достоевского ранее так сильно извращала взгляд на его романы, что сама по себе оставалась незамеченной, как изношенная целлофановая пленка, как приросшие к лицу темные очки.

Мацкевич смотрит на жизнь Достоевского (в первую очередь жизнь, а потом — творчество) как на загадку. В различных литературных героях и повторяющихся типах героев он видит прежде всего людей из ближнего и дальнего окружения писателя. И важно тут не то, чьи карикатуры и воспоминания о ком появляются в романах Достоевского под маской литературного персонажа — эта тема уже полвека назад была порядком изношена, а то, кого и с кем писатель в своих литературно-философский трудах сталкивает, кого с кем заставляет «поговорить по душам».

Но важны оказываются и живые люди — среда, в которой Достоевский пребывает и формируется как писатель. Больше всего внимания посвятил Мацкевич Тургеневу, Некрасову и, конечно, «неистовому Виссариону». Тут просвечивают черты Шестова и его знаменитых высказываний о роли старых учителей.

Я думаю, что русскому читателю будут интересны и те отрывки из книги, в которых идет речь о польско-русских отношениях. Известны культурно-политические взгляды Цата, согласно которым он был неподдельным русофилом и в то же самое время лютым врагом большевизма, социализма и коммунизма. Его глубокое понимание русской культуры и ментальности было тесно связано с непоколебимым мнением об основных цивилизационно-культурных отличиях, которые неизменно приводят ко многим, часто трагическим недоразумениям в польско-русской истории.

В 1946 г. Мацкевичу удалось вернуться к своей публицистической деятельности. Он начал издавать двухполосную газету «Львов и Вильно». Он был практически ее единственным автором, который на этих страничках выражал свою злость и отчаяние по поводу потери Польшей восточных земель, прежде всего своего любимого, единственного Вильно. Впоследствии он пришел к выводу, что такого рода агитация не принесет никакой пользы (а ведь Цат до конца страстно верил в смысл всех своих политических и писательских затей) и принялся убеждать эмигрантское сообщество, что геополитический порядок, установленный в Ялте, продлится многие годы. Такого рода взгляды могли порождать в польских эмигрантах прежде всего враждебное отношение к их автору.

Несмотря на сложную обстановку, в 1954 г. Мацкевич был выбран главой польского правительства в изгнании. Он, как и всегда, полностью отдался своей работе, литература и публицистика решительно отошли на второй план. Премьер-министр перестал просиживать многие часы в библиотеке, а статьи в его газете стали появляться намного реже и носили уже иной характер. Теперь он обращался в них к эмигрантскому сообществу не как представитель оппозиции, а с перспективы главы правительства, определяющего отношение эмиграции к стране.

На протяжении последних годов Мацкевич не переставал раздумывать над возвращением на родину. Причин этого желания может быть много. Одни говорят о писательской тщетности: из Лондона или Парижа Мацкевичу слишком трудно было пробиться к широкой польской аудитории. Другие обращают внимание прежде всего на ностальгию и плохие материальные условия эмиграции. Третьи пишут о том, что политические старания правительства в изгнании носили всего лишь показанной характер и т. д., и т.п. Ближе всего к истине кажется мысль о том, что Мацкевич хотел разбить заколдованный круг судьбы польского эмигранта. Разрушить ту модель поведения, которая вот уже более ста лет заставляла эмигрантов быть пророками, лишенными родины, хранящими яркие воспоминания о ней, а по сути дела знающими ее только понаслышке. Он согласен был примириться с властями ПНР, лишь бы только вернуться к себе и к своим.

Как недавно удалось выяснить его биографам, он вел переговоры о возвращении в Польшу еще с 1947 года. Но вначале правительство ПНР требовало от него слишком многого — полного отказа от журналистики. В 1956 г., во время «октябрьской передышки», им удалось-таки прийти к согласию, и Мацкевич вернулся в Варшаву. Вначале режим и цензура пропустили восемь его книг и сборников статей, в том числе «Достоевского». Но Мацкевич оказался слишком непокорным духом, чтобы такая идиллия могла продолжаться вечно.

В это время (1950-е — 1960-е) его интересовали главным образом проблемы цензуры. Именно по его настоянию было написано известное «письмо 34-х». Кроме того, Мацкевич стал первым польским публицистом, который, живя на родине, стал корреспондентом парижской «Культуры». Под псевдонимом Гастон де Серизе он пять-шесть раз отправлял по почте на адрес Юзефа Чапского свои тексты, посвященные внутренним вопросам, особенно отношениям в среде деятелей культуры.

После того как дело раскрылось, Мацкевичу невозможно было избежать уголовного процесса.

Но надо полагать, что он к этому и стремился. Власти, однако, оказались довольно терпеливыми. Кроме цензурных обострений (на протяжении некоторого времени само имя Мацкевича не могло появляться в печати) и допросов, по отношению к писателю не приняли никаких особых мер. Процесс бесконечно затягивался. В 1966 г. Станислав Цат-Мацкевич умер у себя дома от сердечного приступа.

Катажина Собиянек

МОЯ РОССИЯ. ОЧНАЯ СТАВКА: МОСКВА — ТАМБОВ — ЕКАТЕРИНБУРГ

Записки аспирантки

Благодаря Центру исследований Восточной Европы при Варшавском университете, прежде всего его директору **Яну Малицкому**, и **стипендии имени Янины Куманецкой**, которую я получила по конкурсу, проведенному центром, я имела возможность совершить научную поездку в Россию. Выбор исследовательского центра и научного маршрута был предоставлен лично мне, за что выражаю свою благодарность варшавскому центру. Мой выбор был очевиден. Направление: Варшава — Москва — Тамбов — Екатеринбург. Поехали!

Москва — утомленные солнцем...

Организуя поездку, большинство вещей можно запланировать. Планируем время, находим финансовые ресурсы, оформляем — иногда с трудом — необходимые документы, бронируем ночлег, кладем нужные вещи в чемодан, прощаемся с близкими и наконец отправляемся в путь. Всё как положено. Единственно, что мы запланировать не можем, на что не имеем никакого влияния (и даже большая сумма денег не в состоянии изменить этот фактор) — это погода. Учитывая научную поездку, погода не так уж важна, но, как оказывается, равнодушно отнестись к природным обстоятельствам человеку не под силу. Особенно если ему приходится прожить несколько недель в столице Российской Федерации в летнюю жару, которая отмечается как самая высокая на протяжении столетия на территории Москвы.

«Мне повезло», — подумала я, оказавшись на Рижском вокзале, облитом теплыми лучами солнца. Сняла свитер. Было удивительно жарко. Меня встретил доброжелательный и жизнерадостный аспирант-литературовед Александр Иванов, и вместе мы поехали в зеленый район Южное Измайлово, где находилось мое общежитие. Саша как настоящий русский джентльмен крепко держал в руках мой тяжелый чемодан и занимал меня разговором. Из него я узнала о июньской жаре в Москве, которая продолжалась и в начале июля. В скором времени я поняла, о чем идет речь, испытывая на себе 35 градусов тепла в мегалополисе.

Работа в Российской государственной библиотеке (бывш. Библиотеке имени Ленина) с диссертацией И.Д.Тузовского, посвященной антиутопическому дискурсу и соотношению футурологии с антиутопией, стала для меня экстремальным опытом. Неподвижный воздух, тела, прилипающие к кожаным стульям, врывающиеся в читальный зал лучи красного солнца оставили сильный след в памяти. Единственным прибежищем была кондиционированная столовая. В центре города такую роль выполняли «Макдоналдс», «Кофе Хауз» и «Шоколадница».

Мэр города, тогда еще Лужков, пытался отвлечь внимание жителей столицы от чрезвычайных обстоятельств и облегчить их жизнь, предоставляя возможность бесплатно посещать сеансы в некоторых кинотеатрах. Этим шансом воспользовалась в основном молодежь, охотно и шумно собиравшаяся рядом с кино в центре города. В кинотеатрах около Речного вокзала или на Пролетарской зрительные залы пустовали. Театры в свою очередь привлекали внимание как старшего, так и младшего поколения. Несмотря на туман гари, низкое давление и свинцовый воздух множество людей пришло в один июльский вечер на спектакль «Мастер и Маргарита» — правда, известный и потрясающий — в постановке Юрия Любимова. Все места были заняты. Единственно, что резало глаза, — это небрежная одежда некоторых дам и господ, вероятно туристов. Майка и шорты резко контрастировали с диалогом Иешуа Га-Ноцри и Понтия Пилата. Значит, всё дозволено в чрезвычайных условиях?

Видимо, не всё. В августе, как правило, не дозволено было посещать дом-квартиру Марины Цветаевой, Музей современного искусства, филиал, находящийся рядом с Патриаршими прудами, а с 9 августа даже Ленинка отказалась принимать читателей «по техническим причинам».

Москва слезам не верит...

Однажды, гуляя вместе с подругой по улице Космонавтов и весело разговаривая о наших вечерних планах, мы были остановлены испуганной женщиной пожилого возраста. «Я потерялась... Будьте любезны помочь», — сказала женщина. Слезы каплями катились у нее по щекам. Мы решили ей помочь. Такая бедненькая, одинокая, беспомощная, с испорченным мобильником. Бабуля приехала на организованную экскурсию в Москву из Забайкальского края, из Читы, и потерялась в аэропорту Шереметьево. Она едва сумела найтись в метро, которое сильно ее перепугало. Выйдя из станции «Проспект Мира» и осознав, что у нее не хватает карты и сотовый телефон отказывается работать, она растерялась. Смотря в ее лицо, я невольно вспомнила рассказы Пушкина и Гоголя, и мне стало жалко «маленькую» женщину. К счастью, финал нашей встречи оказался весьма положительным. Она нашла временное пристанище у своей московской подруги. Ее лицо просияло от радости. В ответ мы получили благословение, поцелуй и искреннее пожелание счастья. И на душе стало и тепло, и ясно.

Культурная мозаика

Станция метро «Речной вокзал». Жду у входа знакомого и наслаждаюсь свежим чебуреком с курицей, который мне продал молодой кавказец. Вдруг меня ударила мысль, что в основном *нерусские* работники продают горячую еду на улице, убирают улицы и развлекательные центры, работают таксистами. Мне показалось, что в течение нескольких лет количество иностранцев и российских граждан с неевропейскими чертами лица значительно увеличилось. Возможно, так как в предыдущий раз я жила в другом районе Москвы, у меня сложились другие представления или я не обращала внимания на этот факт. Москва невероятно быстро развивается, расширяется, и численность ее жителей и работников постоянно увеличивается. Бывает, что в жилых районах в сфере бытовых отношений возникают небольшие конфликты или, вернее всего, межкультурные недоразумения. Разницу в ментальности русских, кавказцев и бурят нельзя, на мой взгляд, оставить без внимания. Вопрос состоит в следующем: есть ли желание понять и принять отличие другого? Его можно решить по-разному. Допустим, в Казани мирно живут татары и нетатары, сосуществуют представители православия и ислама, в Улан-Удэ я встречалась с последователями православия, католицизма, буддизма и шаманизма. Никто никому не мешал. С другой стороны, на одном из московских форумов я нашла такую запись:

«В Москве уже появились заведения «не для русских».

в 1997 году микрорайон Востряково опустел: жильцов расселили, в домах сделали капитальный ремонт. А потом по распоряжению столичных властей сюда заселились беженцы-армяне из Азербайджана, «более 500 семей с Кавказа».

В 2003 году местным бизнесменом-армянином здесь был открыт ресторан, куда запретили доступ всем... русским»*.

«Мы нормальные парни. Мы не отсюда»

Преобладает мнение, что москвичи высокомерны, резки, недоступны и даже кичливы; что за помощью лучше к ним не обращаться — ответ вряд ли получишь; что они представляют собой отдельную категорию русских, и так далее. Стереотипы всегда прилипают к жителям столицы. Однако нельзя не согласиться, что это утверждение, зафиксированное в народном мышлении, лишено основ. Ведь столица бывает лишь одна в стране. Чаще всего это крупнейший промышленный, финансово-экономический, административный, культурный, научный центр и визитная карточка данной страны, историческая опора для памяти народа. Москва вполне вписывается в эту схему.

Всякую схему положено тщательно проверить или сломать — как подсказал бы Е.И. Замятин.

*См: http://forums.goha.ru/archive/index.php/t-78446.html

Итак, в городе большом, где чудаков много, найдутся и примеры любезных, доброжелательных и чутких людей, которые бескорыстно помогут, подскажут и поддержат в трудный час. Москвичи оказали мне помощь в автобусе, в супермаркете, на остановке, в центре города, в салоне связи, в библиотеке. Добродушной горничной Тамаре Ивановне из общежития, которая угощала меня свежими овощами и вегетарианской едой, давала полезные советы, была моим основным собеседником на опустевшем этаже, следовало бы уделить особое внимание. Однако группа людей, которой я особенно благодарна, которая имела на меня наибольшее влияние и помогала в повседневных и научных делах, это академическая среда. Как аспиранты (вышеупомянутый Александр Иванов и Евгения Землянко), молодые научные сотрудники, опытные преподаватели, так и профессора, исполняющие важные административные функции в университете (огромное спасибо Е.С. Романичевой, М.Г. Павловцу и А.В. Глазкову), помогали решать проблемы, уточнять всякие вопросы, развеивали мои сомнения и шли навстречу моим ожиданиям. Хватило и чисто человеческого интереса, и научной подсказки, и помощи в облегчении бюрократических процедур, несмотря на то что я приехала *не в самое удачное время, в разгар лета.*

К ряду доброжелательных ученых-москвичей я хочу присоединить представителей московской культурно-артистической среды. Свое внимание я сосредотачиваю на ансамбле древнерусской духовной музыки «Сирин», с которым я имела возможность познакомиться в прошлом году на Фестивале христианской культуры в Лодзи и пообщаться летом в Москве. Меня восхищают эти необычно одаренные люди, наделенные глубокой впечатлительностью и чуткостью к музыкальной основе, опытные и признанные в определенном международном кругу музыкантов, знатоков и любителей духовной музыки, которые остаются «нормальными» людьми с открытой русской душой; людьми, с которыми можно посидеть за чашкой кофе и откровенно поговорить; людьми, которые готовы найти время для другого в напряженном графике повседневной суеты. Возможно, они исключение, подтверждающее правило.

«Тамбовский волк тебе товарищ»

В Тамбове я нашла настоящего товарища — замечательную и отзывчивую женщину, с которой познакомилась в прошлом году на третьей русско-польской научной школе в Варшаве. Тогда я даже не предполагала, что подружусь с молодыми представителями русской интеллигенции и контакты будут поддерживаться после окончания школы. Благодаря Маше Матвеевой я смогла приехать в Замятинский центр, находящийся в главном корпусе Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, где тщательно и разносторонне исследуются жизнь и творчество Евгения Ивановича Замятина, русского прозаика-неореалиста.

Замятинский центр... Когда я училась на пятом курсе русистики, у меня появилась мечта поехать в Тамбов. По разным причинам она не могла сбыться долгие годы. И наконец-то я дождалась этого незабываемого момента. Научные сотрудники предоставили мне возможность пользоваться огромным замятинским фондом, помогли выбрать соответствующую литературу, чтобы я не теряла времени попусту, дали в подарок уникальные диски и сборники трудов конференций, посвященных тенденциям и направлениям современного замятиноведения. Профессор Л.В. Полякова, директор центра, оказала мне большую любезность и открыла выставку фотографий писателя, уделила внимание моей диссертации. Однако самый большой сюрприз был еще впереди.

Лебедянь

Маша была главным организатором экскурсии в родной город «гроссмейстера литературы». Подумала обо всем: о транспорте, о пище, о бронировании гида по музею. Более того, краеведческий музей в Лебедяни был открыт специально для нашей небольшой компании. Я жадно смотрела фотографии, изображающие детство, юность, студенческие годы, зрелого мужчину, напоминающего англичанина, мужа, эмигранта, больного человека. Можно подумать: это только один из множества талантливых русских писателей. Вероятно, не самый знаменитый и любимый. Для меня он в каком-то смысле близкий человек, которому я посвятила длинные часы, читая его мысли и следя за конструкцией изо-

браженного в произведениях мира, пытаясь понять его концепцию бесконечной революции и идею синтетизма, воплощенную в ткани произведений. Его антиутопический роман «Мы», написанный в 1920 г. и опубликованный на родине писателя только в 1988 г., произвел на меня настолько сильное впечатление, что стал темой моего диплома и отчасти кандидатской диссертации. Один мудрый преподаватель однажды сказал мне, что бывают случаи, когда не человек выбирает книгу, а книга выбирает человека. Итак, я в плену у Евгения Ивановича, его романа и, шире, русской литературы.

Я прикоснулась к русской провинции, о которой Замятин написал остроумный рассказ «Уездное», принесший ему признание и почетное звание «новый Гоголь».

Екатеринбург — конечная!

Аэропорт «Кольцово». Сентябрьский вечер. Нуль градусов. Как-то я забыла, что в Екатеринбурге немного другие климатические условия по сравнению с Москвой. Ни перчаток, ни шапки я не взяла с собой. И пожалела. Небольшая ночная обзорная экскурсия на машине по центру города вызвала у меня сомнения по поводу географического местоположения.

Однако ближе к делу, то есть к международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры», которая состоялась в окрестностях Екатеринбурга. Ее организатором были Уральский государственный педагогический университет совместно с Уральским отделением Российской ассоциации лингвистов-когнитологов при финансовом содействии фонда «Русский мир». Организация конференции оказалась безупречной, начиная с финансовых и бытовых вопросов и заканчивая доброжелательной атмосферой, готовностью молодых сотрудников университета и хозяина конференции, профессора Анатолия Прокопьевича Чудинова, помочь во всем и решить потенциальные проблемы.

Тема конференции была весьма продуктивной и интересной. Несмотря на то что я не лингвист, я могла найти что-то для себя и осознать культурные стереотипы и культурные фильтры, которые детерминируют восприятие и истолкование фактов, если остаются неосознанными. Более того, они могут обусловить и в самом деле нередко обуславливают ксенофобию, нетерпимость к другому и решительное нежелание вести диалог с «другим-чуждым», а в крайнем проявлении — ненависть, агрессию и насилие. Участники конференции могли выслушать доклады профессоров из разных республик России, из Болгарии, Польши, Эстонии и Латвии. Все доклады касались политической лингвистики или социокультурологической основы. Особенно познавательными, на мой взгляд, оказались выступления, где приводились яркие, наделенные оценочной и эмоциональной окраской примеры из прессы, которые извращали первоначальную информацию, достигая той или иной цели. Политическая риторика в публицистике оказывается мощным оружием общественной манипуляции.

Если за критерии успешной конференции принять ее профессиональную организацию, публикацию сборника тезисов докладов, высокий по существу уровень докладов, возможность открытой беседы с докладчиками во время панельной дискуссии и в кулуарах, установление ценных контактов с сообразительными и умными специалистами в данной области, свободное общение опытных исследователей с аспирантами, тогда состоявшуюся в окрестностях Екатеринбурга конференцию, безусловно, можно назвать благополучной научной встречей.

Нам пора... Итоги.

Стипендия им. Янины Куманецкой — это блаженство для молодого исследователя, который хочет узнать больше и рассмотреть глубже и разностороннее проблематику своей диссертации, провести беседу с зарубежными специалистами по данной области, познакомиться с необъятным пространством библиотечных ресурсов в России. Что не менее важно, он получает возможность прикоснуться к культуре, про которую пишет, и собственными глазами увидеть, почувствовать Россию, погрузиться в ее действительность, прожить какое-то время среди русских и сделать выводы. Выводы для работы, для себя и для тех поляков, которые свои взгляды на Россию черпают главным образом из сообщений современных СМИ.

Артур Мендзыжецкий

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Надпись на камне

Я никогда не писал о тебе
Всё живое чудесно в своей бесконечности
А всякая форма — замкнутость
Камень и тёсаный и пористый полный каверн
Это всё-таки только камень
С ним можно размышлять о судьбе камня
Об окаменевших устах и распаде материи
Но его не спросишь который час
Какой век какой город
Он ничем не утешит
Его можно сжать в руке всколыхнуть им волну
Но толком поговорить с ним не может
Даже тот кто чтит Орфея
И сдал экзамен по истории религий

Я никогда не писал для тебя и о тебе
Боялся формы её магической упорядоченности
прощальной неизбежности

Но время пришло

Стол накрыт

Стол уже накрыт
Но никого нет
«Доброй ночи» пора говорить
А никого нет
Может есть Антоний
Нет его
Всемером унесли его кони
Солнце всходит в телефонном звоне
Никого
Утром стелется мгла
Письмоносец стучится в дверь
Ни единой души
Солнце высоко
Пора лета прошла
Снег землю запорошил
И нет никого

Канцелярская крыса судьба прикрывается новым параграфом

Канцелярская крыса судьба прикрывается новым параграфом
Была произволом стихий теперь к услугам властей
Трудно поверить что когда-то она была неповторима как душа
Знала по именам несчастных королей с петлёй на шее

Судьба обюрократилась одеревенела
Она бухгалтер больших чисел
Как прежде косит людей и народы
Но уже невпопад спасайся кто может

Древо

Это древо изгнания древо
Зачем оно нашим песням
Корона лучей без тени
Омертвевшее чёрное древо
Шумящее древо мучений
Расколотые поленья полярные колоды
Дубы предопределения кедры голодные
В соцветиях терний райское древо утраты
Сосны тщетных попыток орехи иносказаний
То мгновенье то древо зачем оно было
Яблоня золотая древо терзаний
В золотоносной долине Хавила

О чём не знает политолог

Да что он знает политолог?
Ему известны ведущие тенденции
Актуальная расстановка сил
История доктрин

А о чём политолог не знает?
Он же понятия не имеет об отчаянии
Не понимает игры состоящей в том
Чтоб выйти из игры

Ему не приходит в голову
Что необратимые изменения
Обнаруживаются внезапно
Как будто вдруг треснула льдина

И что к природным богатствам
Относятся также осознание вечных законов
Способность восхищаться
И чувство юмора

Три часа утра

Ар
Звонит моя мать
Почему мы не виделись
Так давно
Говорит она — ты же мог
Хотя бы позвонить
Подать знак что помнишь
Я говорю: — мама
Я всё время пытаюсь дозвониться
Никто не отвечает
Она говорит: — может у тебя неправильный номер
Проверь в календаре
Я говорю: — на будущей неделе
Мы придём
Если только захочешь
Она говорит: — ещё бы!
Мне так интересно
Какие вы
Должно быть ты изменился
Прошло столько лет

Лешек Шаруга

ТОТ ЕДИНСТВЕННЫЙ БОЙ

Артур Мендзыжецкий (1922-1996) — поэт, прозаик и эссеист, а также переводчик, в частности поэзии Аполлинера, Рембо и Мандельштама, дебютировал в 1944 году книгой стихов «Палатка из Канады», которая вышла в Тель-Авиве в одном из издательств, связанных с польской армией генерала Андерса. После амнистии, освободившей поэта из казахстанской ссылки, он прошел с этой армией, покинув Советский Союз, весь боевой путь. Один из эпизодов этого пути — кровавая и необычайно важная для польской армии битва за цитадель, созданную немцами на Монте-Кассино. Эта битва, без сомнения, стала центральной точкой отсчета для поэзии Мендзыжецкого, и нет ничего удивительного в том, что Збигнев Херберт простился с другом прекрасными стихами, в которых писал:

туда куда все идут вот и ушёл ты Артур
грудь колесом чётким военным шагом
и одно только эхо безутешное эхо
мечется по струнам как заплутавший ангел.

Сам Мендзыжецкий простился с нами книгой «Прозрачная бесконечность» (1997), где окончательно определил свой поэтический мир, дополнил и оттенил картину, сложившуюся в предыдущих книгах. Этот сборник открывается циклом, написанным в последние десять лет, а потом нас приглашают прочесть стихи, относящиеся к началу поэтической дороги автора (1943). То есть автор предлагает прочтение прошлого через фильтр недавних впечатлений: такова перспектива подбора текстов, вошедших в его последнюю книгу. Мы дочитываем стихотворение «То, что я здесь записываю, тоже...», написанное в 1994 г. и завершающее первую часть, а следующий текст уже переносит нас в мир полувековой давности. Это намеренный эффект, своего рода темпоральный перенос. Композиционная игра с временем, попытка построить замкнутый круг, где сохраняется преходящее и словно замирает сам процесс ухода, по крайней мере частично противоречит словам, с которых начинается цитированное выше стихотворение Херберта:

...никогда уж больше не спеть мне
гимн полковой где поётся о красных маках
вот и ушёл ты Артур в эту тяжкую зиму
и ни следа от битвы ни следа от маков

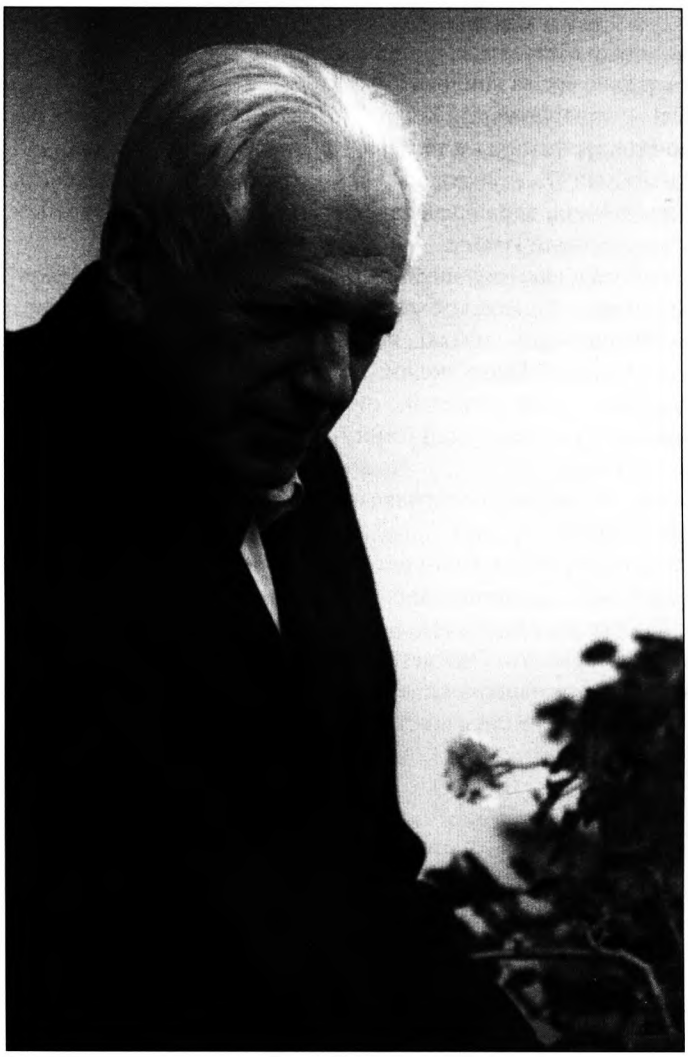
Следы битвы и маков (песня «Красные маки под Монте-Кассино», воспевшая то сражение и запрещённая в ПНР в 1950-е) всё же остаются, не только в воспоминании Херберта, но прежде всего в стихах, например, таких, как открывающее вторую часть сборника стихотворение «Inferno track»:

Батальон наступает по склону и днём и ночью
Туда где седые дымы выстилают далёкую зелень
Труден ты путь боевой через Монте-Кроче
И спёкшийся железобетон дотов на Сан-Анджело

Остается не только память о битве. Битва вписана в поэзию, она у её истока — это одно из тех, уже почти сонных видений, которые в творчестве Мендзыжецкого, в «этом ошеломляющем движении искрящихся образов» (название последнего стихотворения книги) выполняют функцию архетипа.

«Битва означает начало распада космоса», — писал Рышард Пшибыльский, анализируя эти стихи. Но хаос подчиняет себе поэтическая гармония, которая

И есть то что объединяет и разделяет
Латинский гекзаметр и современную эхолалию.



Можно утверждать, что вся поэзия Мендзыжецкого — это, подобно творчеству Ружевича, одна из попыток задержать распад мира, сохранить его целостность, найти смысл человеческого существования. При этом, что представляется важным, в его стихах ироническая дистанция по отношению к миру, специфическое, несколько желчное чувство юмора и сарказм соединяются со способностью раскрывать гротескный абсурд нашей жизни. Благодаря всему этому мы имеем дело с творчеством живым, динамичным, хотя и понятным далеко не всем, кто относится к поэзии со смертельной серьезностью. Об этом свидетельствуют такие примечания к стихам: «Дабы избежать недоразумений — а они случались, — обращаю внимание на иронический подтекст «Похвалы»» или «Приведенный в стихотворении набор принципов носит иронический характер. Упоминаю об этом, чтобы избежать недоразумений. Они случались». Такие примечания в мире, где слово поэта порой воспринимается слишком серьезно, а ирония или обычное чувство юмора считаются чем-то непоэтичным, это не что иное, как очередной уровень иронической дистанции, которую Мендзыжецкий выстраивал по отношению к миру, а бывало — и к самому себе.

Юзеф Хен

Перевод Марины Курганской

ДЛИННЫЙ РЕЗВЫЙ ЧЕЛН

— Дядюшка Матузалем, — произнес молодой Человек. — Что тебе в последнее время снилось?

— Тсс! — шикнул старый Колдун. Только что он, подняв руки, бегал рысцой вокруг хижины, а теперь остановился, запыхавшись. — Я уже почти поймал ее, а тут ты, со своим вопросом... Она и улизнула!

— Кого поймал, дядюшка Матузалем? — спросил молодой человек, которого звали Иафет.

— Какой тебе еще дядюшка, не дядюшка! — одернул его Колдун. — Ты должен обращаться ко мне «Достопочтенный». Так велел господин Миссионер — слыхал, наверно?

— Отец Неемия? Не господин, должно быть?

— Да, отец, но и господин, он же оттуда. Мистер. Теперь сиди тихо, сынок, не вздумай пикнуть. Я должен поймать душу этого несчастного.

На земле, на скудной подстилке из листьев, хрипел незнакомый Иафету Человек.

— Слышишь его, сынок? Он страдает, хотя, вероятно, и сам не знает о своем страдании.

— Вы, Достопочтенный, сможете ему помочь? — спросил молодой Человек.

— Для этого и существуют колдуны, — ответил Матузалем. — Он добрел до меня из дальней деревни. Тело больного истощено, и душа покинула его. Она ускользает от меня, кружа где-то тут под навесом. — Колдун Матузалем показал Иафету наполненный прозрачной жидкостью пузырек с иглой, воткнутой в пробку. — Видишь? Я поймаю его смекалистую душу в эту склянку, поймаю и уж не выпущу. Присядь здесь на корточки и не мешай.

Иафет повиновался.

— Я буду хлопать в ладоши и пританцовывать вокруг хижины. Душу лучше всего приманивать танцем. А ты смотри, не открывай рта, ибо если его душа спрячется в тебе, то будет плохо, очень плохо. И ему, и тебе.

Колдун Матузалем отбил ритм на ляжках и начал танец — так танцевали в его деревне. Мелкими шажками он скользил вокруг хижины, с поклоном миновал ничем не украшенный обшарпанный крест, еще немного помахал поднятыми руками и вдруг воскликнул:

— Есть!

Держа пузырек высоко над головой, он исполнил победную пляску:

— Попалась, душа хитрая, душа оборотистая, душа непослушная, попалась, теперь ты у меня, и я заставлю тебя служить мне, как душа служить должна.

После чего обратился к юноше:

— Гляди, сынок, она тут! — он показал склянку с иглой. — Ты ее не видишь, ибо души невидимы,

поэтому их трудно поймать. А теперь смотри, — Колдун подошел к больному, опустился на колени и вонзил ему иглу в худую ягодицу. Жидкости в пузырьке становилось все меньше, пока он постепенно не опустел. — Я всадил в него душу, — сказал Колдун, поднимаясь с одного колена, — она будет в нем разрастаться и наполнит его целиком.

— Он уже не хрипит, — заметил Иафет.

— Он уже не страдает, — сказал Достопочтенный Матузалем и уверенно добавил, — сейчас будет спать.

— Он выздоровеет?

— Если его душа не будет сопротивляться. Теперь говори, сынок. Ты ведь хотел меня о чем-то спросить.

— О том, что вам в последнее время снилось, Достопочтенный. Если бы там был быстрый длинный челн, я бы купил у вас этот сон.

Они немного помолчали, старый и молодой. Иафет договорил:

— У меня есть две пачки «Страйков».

Колдун Матузалем по-прежнему молчал. Иафет пробормотал:

— Это немало.

— Мало, — ответил Колдун.

— Ну, тогда три пачки. О'кей?

— Ого, да ты разбогател.

— Я таскал ящики для господина Миссионера. Он был очень доволен, похвалил меня и еще добавил банку колы.

— Три пачки, говоришь, — Достопочтенный почесал свою седеющую кудрявую голову. — Да, этого достаточно. Но мне не снился никакой челн.

— Жаль.

— Жаль, сынок. Может, еще приснится. Тебя как зовут?

— Иафет.

— Иафет. Странное имя. Тоже из той книги, которую носит с собой господин отец Неемия?

— Ты правильно сказал, Достопочтенный — он окунул меня в озеро и сказал: крещу тебя во имя Господа нашего — он не назвал Его — и даю тебе имя Иафет. Потому, сказал, Иафет, что я отличаюсь от других Людей, у меня не черные волосы, а золотистые.

— Тут темновато, но, наверно, такие они и есть, золотистые. Ну что ж, не расстраивайся.

— Я не расстраиваюсь, — ответил Иафет.

— Если кто-нибудь попытается тебя обидеть, я буду тебя защищать.

— Но мне нужен челн.

— Всему свое время. Сны не снятся по заказу. Нужно терпеливо ждать. И еще — не говори об этом господину Миссионеру.

— Он знает.

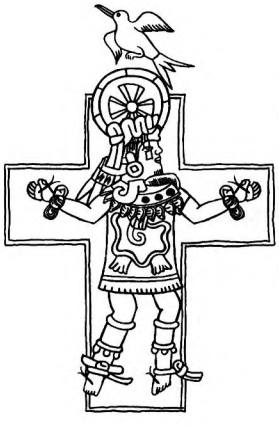
— Знает? — Иафету показалось, что Достопочтенный встревожился. — И что?

— Он сказал, ничего страшного. Ол-райт, сказал.

— А, ол-райт, хорошо. Он, отец Неемия, многих из нашей деревни окунул в озеро, покрестил и дал имена. И прислал мне сюда проворных работников, которые пришли издалека, вбили новые брусья для стен, чтобы расширить хижину, и покрыли ее новыми толстыми листьями, плотно их уложили, чтобы не протекало. И повесил крест и сказал: пусть тут висит; дух Господа нашего, говорит, поселился в этих дощечках, которые я освятил, говорит; и пусть Люди приходят и молят о помиловании за грехи, а Господь смилостивится, потому что Он и есть любовь.

— Любовь, — повторил Иафет. — Что он имел в виду?

— Когда-нибудь я тебе расскажу.



— Почему не сейчас?

— Всему свое время. О чем я... А, господин отец Неемия еще сказал, что он, их Колдун, принял крестные муки, давным-давно это было, страдал за наши грехи. То был великий Колдун.

— Никто сегодня не пришел, — сказал Иафет. — Никого не вижу, кроме этого больного.

— Гляди, спокойно спит.

— А приходят Люди молиться о помиловании?

— Приходят покупать сны.

— И с просьбой поймать душу.

— Да, и за этим тоже.

— Они не грешат, — сказал Иафет.

— Ол-райт, — согласился Достопочтенный. — Здесь Люди не грешат.

— У меня нет никаких грехов. Мне хватит длинного резвого челна. Это грех?

— Ко мне приходят несчастные, больные, но не грешные. Не такие, как те, в их каменных домах. За нас, Людей, великому Колдуну не пришлось бы принимать муки. — Достопочтенный Матузалем указал на сбитые крест-накрест дощечки. — Его душа по-прежнему страдает.

— Ты так думаешь?

— Я знаю, что там у них делается. Наверняка страдает.

Матузалем отряхнул руки, словно очищая их от чего-то. Конец разговора, подумал Иафет. И услышал:

— Мне недавно приснился сон, который ты мог бы купить.

— Но там был не челн.

— Девушка. Стройная, гибкая — не знаю, такие тебе нравятся или нет. Купи себе этот сон. Я тебе его уступлю за одну пачку «Страйков».

— Но зачем мне девушка?

— Как зачем? Ты не можешь жить без Человека-самки.

— Да у меня как раз уже есть одна на примете. Иезавель, вы не видели ее, Достопочтенный? Кажется, она не прочь.

— Но это не девушка из сна.

— Верно, Достопочтенный Матузалем. Не из сна.

Оба, старый и молодой, немного помолчали. Потом молодой сказал:

— У нее есть все, что мне нужно. Есть за что подержаться. Только вот...

— Только что?

— Да не знаю, можно ли мне об этом говорить.

— Тут ты можешь говорить обо всем. Я колдун. Колдун не повторяет слов, сказанных ему в доверительном разговоре, — напомнил Матузалем.

— Вздумала, эта моя будущая, закрывать себе грудь.

— В самом деле? Ты не шутишь?

— Нет!

— Как те?

— Как те.

Оба понимали, о ком речь.

— Это не сулит ничего хорошего, Иафет, — сказал, опечалившись, Достопочтенный. — Порядочная самка не скрывает грудей. Может, они у нее обвисли?

— Нет, большие и упругие. Я трогал. Ол-райт.

— Значит, ей так больше нравится, — заключил опытный Колдун. — Скрывать, чтобы разжигать.

— Я и без того был возбужден.

— Разжечь еще больше.

— Надеюсь, — Иафет наконец улыбнулся. — С предыдущей было по-другому. Ноэми, так ее по своей книге окрестил господин Миссионер. Эта Ноэми была как все. Вполне приличная.

— Ты уже не с ней?

— Уже нет.

— Ушла к другому?

— Нет. Это я велел ей уйти. Пустомеля. Я не выносил ее болтовни. Ей всегда было что сказать.

— О чем? — заинтересовался старый Колдун.

— Да обо всем подряд. Идем к лесу в поисках пропитания, я только то и замечаю, что нужно собрать, а она: «Смотри, цветок». Ну цветок. Тогда она: «Какой же он красивый». А каким ему еще быть? Она опять: «Какие краски!» Цветок, краски, прекрасный, как здесь пахнет — ну пахнет, о чем тут говорить? Я все время соображаю, сколько чего можно с дерева снять, а она про цветок. Потому что не может языком своим не мести. И еще смотрит на меня этак искоса, пожирает взглядом, притягивает темными глазищами, а руки как веточки колышутся, будто в танце, точно хочет к себе позвать, ну и зовет: «Иди сюда, Иафет, войди в меня. Кругом такое благоухание». Я уже в ней, а она болтает: «Правда, что тот цветок был прекрасен, как, — и говорит, — как твой птенчик». И потом: «Еще, еще, сильней, сильней, мой сладкий Иафет», — и зачем это говорить — будто я сам не знаю, что мне делать. А когда получит свое, начинает хохотать, непонятно почему. Вообще она всё встречает и провожает смехом. Черепаха ползет по тропинке, так она: «Гляди, какая смешная!». И смеется как... как ручеек, когда бежит по камушкам. Всё подряд ее смешило.

— Молодость, — сказал со вздохом Колдун.

— Достопочтенный Матузалем, я тоже молод, но меня что попало не смешит.

— Ты когда последний раз смеялся?

— Не помню...

— Нехорошо, сынок, нехорошо. Она мудрее живет. Что с той черепахой — она сварила ее?

— Дала уйти.

— Понравилась она ей, — заключил Колдун. — Хорошая самка была твоя Ноэми, не сумел ты ее понять. Этот лепет... про цветок, про краски, про всё подряд — просто их такая радость. Колдовство. И эти льнущие взгляды, из-под век, или мимолетные, искоса — зрачки, будто трепещущие мотыльки, — как бы говорят: «Хочешь? Я тебе нравлюсь?». Да, это самое сладкое, что они нам дарят. Пока молоды... — добавил он со вздохом.

Парень огляделся, словно ища что-то в хижине, и, видимо, не найдя, спросил:

— А где Достопочтенная? Она принесет батат?

Колдун Матузалем сидел, свесив голову. Иафет настаивал:

— Или плоды хлебного дерева?

— Нет Ревекки, — выдавил Матузалем. — Забрали ее.

— Забрали? Кто? Как?

— Господин Миссионер, отец Неемия. Сказал, что леди — так он ее называл — леди Ревекка нуждается в лечении. Там, у них. И что я уже не справляюсь. Это бывает, ее душа меня уже не слушалась, мы слишком хорошо знали друг друга. Сначала поставили нам сюда кровать, с мягкой подстилкой, чтобы леди Ревекка не лежала на постели из листьев. Белую железную кровать. Но она падала с нее, кто знает, может, специально, не хотела на ней лежать, и я шел к ней, поднимал мою леди, и ей это, видимо, нравилось. Иногда приходила госпожа Миссионерка, не помню, как ее звали, но Ревекка ее не хотела, не хотела от нее ни рыбы, ни креветок, ничего. Кричала, чтобы госпожа ушла, что в этом доме может быть лишь одна леди — она. Раньше, пока я сам ею занимался, дела с Ревеккой обстояли

лучше. Я обдумывал ночью, что дам ей с утра поесть, она всегда была привереда, а теперь и подавно. Но то, что я ей предлагал, она хвалила. Ночью Ревекке было достаточно пошевелиться, чтобы я проснулся, я вставал к ней, выводил наружу, вытирал листьями, мыл. Я постоянно недосыпал.

— Постоянная усталость?

— Постоянная.

— Достопочтенному нужно больше себя ценить.

— Ничего мне не будет, я не боюсь усталости, если нужно. Столько лет вместе.... Когда я ее к себе взял, она была едва вступившей в пору расцвета девушкой, с грудками как маленькие яблочки. Потом эти ее грудки росли, набухали, а когда у нас появились сыночки, молока каждому хватало. Теперь они далеко, все трое, потянуло их в каменные дома, в которых не обитают души, там иначе живут и иначе умирают. Мы остались вдвоем. А как теперь выглядит ее грудь, легко представить.

Колдун ненадолго остановился перед крестом, молча его разглядывая, — после чего снова обратился к молодому Иафету:

— Ах, Ревекка — как она ловила души! Она меня многому научила, я меньше ей дал. Этот танец ее, — Матузалем выбил несколько тактов на ляжках. — Но в последнее время голова у нее работала хуже и хуже. Она снова превратилась в ребенка и говорила, что должна вернуться к папе, который ее ждет. Спрашивала: «А ты знаешь, сэр, кто мой папа? Великий Колдун Матузалем. К нему приходят из самых далеких деревень, да, сэр. А он был так добр ко мне».

— А ты был? — спросил молодой Человек.

— Не всегда. Но она мне зла не помнила. «Нам надо туда идти, — она говорила про деревню, откуда я ее взял, — к папе, потому что он думает, будто я заблудилась в лесу, погибла где-то в болотах». — «Нет уже твоего отца, — старался я ее вразумить, — давно нет, его душа испарилась». А она как закричит: «Нет никаких душ! Нет! Вранье!» Что поделаешь, сынок, голова не работает. Голова, Миссионер Неемия мне об этом толковал. Однако я и без него знал, что голова, голова всему причиной. Из-за нее не спишь. Из-за нее страдаешь.

— Я сплю, — сказал на это Иафет. — Я не страдаю. Теперь и ты, Достопочтенный, можешь спать.

— Могу.

— Теперь тебе уже не нужно вставать ночами.

— Не нужно. Но я не сплю и встаю. Смотрю — нет ее, нет и железной кровати, забрали вместе с Ревеккой.

— Тебе уже не приходится думать, чем накормить ее.

— Не приходится. Но я думаю.

— И готовить ей не надо.

— Не надо.

— Никаких обязанностей.

— Верно.

— Ну так тебе легче живется.

— Легче.

— Удобней.

— Удобней, удобней, — повторял за парнем Матузалем.

— Ведь это хорошо?

— Нет, не хорошо.

Иафет:

— Что легче и удобней?

— Что легче и удобней. Нехорошо, — Матузалем вытирал глаза. — Не должно быть легче.

Иафет больше ни о чем не спрашивал.

— Иди уже, — сказал Колдун. — Когда мне приснится челн, я пришлю за тобой.

Он проводил Иафета, они вышли под мерцающее звездами небо, среди которых плыла полная серебристая луна. Колдун напомнил:

— Три пачки.

Дважды народилась новая луна, прежде чем Колдун Матузалем смог послать за Иафетом.

— Пусть придет чуть свет, — сказал он мальчику-слуге. — И не забудет «Страйки».

Небо едва розовело на востоке, когда Иафет появился на пороге.

— Достопочтенный? — позвал он. — Ты посылал за мной?

— Да, Иафет, я вспомнил наш разговор.

Колдун Матузалем выдержал паузу — молодой гость терялся в догадках, пока тот не сообщил:

— Потому что мне приснился челн.

— Ох, Достопочтенный!

— Длинный узкий челн. Я встал в нем на одно колено, тронул веслом воду, и он резво помчался вперед. Можно сказать, как стрела из лука. Теперь я знаю, он приснился мне для тебя. Такой челн, как ты хотел.

— Длинный и резвый, — с наслаждением повторил Иафет.

— Именно такой.

— Продашь мне этот сон, Достопочтенный?

— Три пачки.

— Дядюшка Матузалем, у меня только две.

Матузалем кивнул головой.

— О-кей.

— Спасибо, дядюшка Матузалем.

— Это был сон для тебя. Я бы уступил его тебе и даром, без всяких «Страйков».

— Нет, нет, — возразил испуганно Иафет. — Даром не считается покупкой. Если должен быть челн...

— Ол-райт, — прервал его Матузалем. — Давай «Страйки».

Иафет подал Колдуну две яркие пачки, Матузалем открыл одну из них и спросил:

— Закуришь?

— Я не курю, Достопочтенный Матузалем.

— О-кей, тогда я тоже не буду.

Старый Колдун и молодой Человек пожали друг другу руки.

— Ну, дело сделано, — сказал Колдун. — Сон твой.

Матузалем в молчании ковылял около хижины. Иафет подумал, что ему пора уходить, когда Матузалем сказал:

— Ревекка умерла.

Парень робко спросил:

— Там, у них?

— Там.

— Они не смогли поймать ее душу?

— Там по-другому умирают.

— Достопочтенный, когда это случилось?

— Еще в прошлую луну.

— Давно.

— Да, давно.

— Ну, ты мог бы уже привыкнуть.

— Что ее нет? Этого я больше всего и боюсь — привыкнуть. К тому, что так должно быть: новая жизнь — без нее. Отец Неемия передал мне их слово — «нормально». Я не знаю точно, что оно значит, но догадываюсь и не могу согласиться. К счастью, к счастью...

Старый Человек замолк. Молодой Человек спросил:

— К счастью — что?

— Не привык. Хижина стала пустой, слишком просторной. Здесь много безделиц, которые оказались лишними — они были необходимы, когда она была. Когда ее нет — они не нужны.

— А если тебе позвать ее душу?

— Она сюда не придет. Нет, не захочет. Один раз, когда я ее обмывал, она поняла, почему я это делаю, иногда голова у нее начинала работать, и это было хуже всего, ибо ей было тяжело себя такой видеть, и она произнесла: «Матузалем, добудь мне кураре. Матузалем, зачем мне жить?» И я сначала не знал, как сказать, как объяснить, что я ей кураре не дам и что она должна жить, и наконец ответил — на вопрос, зачем: «Чтобы быть рядом со мной».

— Ты так сказал?

— Может, только хотел сказать, — старый Колдун огляделся. — Но она здесь. В этих вещах, которые остались после нее. Видишь? В этих бусах, подвесках, кольцах, браслетах. В ароматических маслах и благовониях. В красках, которыми она раскрашивала лицо и тело. В мешочках, кулечках. Ее глаза смотрят на меня. В них, глазах, прячется ее душа. Ее не надо звать.

Старый Человек вытер тыльной стороной ладони глаза. Шепнул, отвернувшись от Иафета:

— Зачем я дал ее забрать отсюда?..

Молодой Человек расслышал его слова. Положил руку на плечо Колдуна.

— Дядюшка Матузалем, — произнес он мягко, — тебе нужна новая особа, новая спутница жизни.

— Да ты в своем уме!

— Нет, Достопочтенный Матузалем, я знаю, что говорю, я знаю, как это необходимо, чтобы при тебе была самка, знающая жизнь, но еще не увядшая...

— После Ревекки?! — возмутился Матузалем. — Здесь — какая-то другая? У тебя и правда с головой не в порядке.

Иафет не отступал.

— Достопочтенный, вспомни, леди Ревекка не была единственной, у тебя были связи и с другими самками, Люди замечали, с одной даже довольно долго.

— Да, я не говорю, что они меня не волновали, — согласился старый Колдун. — Среди них бывали очень соблазнительные, их завоевание возбуждало не меньше, чем настоящая охота, поскольку требовалось скрываться, бесшумно подкрадываться, хитрить — да, это возбуждало, ибо было чревато тем, что мне выцарапают глаза. А ногти у Ревекки были длинные и острые. А теперь что? Никакой опасности. Всё можно. Дом пустой. Мне не придется действовать с оглядкой. Некоторые хоть сейчас готовы прийти, вымыть мне старую спину, обвить руками. Но... — Иафет терпеливо ждал, что последует за этим «но», — но они стали мне чужды, сам не знаю, почему. Может, потому, что уже нет азарта. Никто меня не стережет.

— Стережет ее душа.

— О да... Душа, да... Если бы у души были ногти...

Колдун вытер глаза, а когда заговорил, его голос снова стал спокойным, низким, глубоким и властным.

— Иафет!

— Да.

— Зайдешь к господину Миссионеру. Ты понял?

— Да, понял. Я должен пойти к господину Миссионеру.

— Возьмешь у него крепкий топор. Скажешь, что я просил. Не медли с этим.

— Я не буду медлить.

— Пойдешь и выберешь большое, крепкое и прямое дерево.

— Выберу. И что потом?

— Срубишь его. Есть кому тебе помочь?

— Мой брат Сим поможет.

— О-кей. Повалите вдвоем ствол не менее сорока футов длиной. Очистите его от коры, чтобы стал легче.

— А потом что?

— Выдолбишь сердцевину ствола, и получится челн.

— Зачем? Дядя Колдун, ведь я челн купил.

— Ты купил сон. Сон о челне. Теперь надо этот челн сделать, чтобы он вплыл в твою жизнь.

— Но это тяжкий труд.

— Тяжкий труд необходим. Необходим пот.

Молодой человек кивал головой.

— Пот, да. Мне кажется, я понимаю.

Подумав, Иафет сказал:

— Мой брат Сим мне поможет. Он больше разбирается в лодках, чем я. Он тяжелой работы не боится.

— Это хорошо. И помни — чем больше пота, тем лучше челн. У тебя получится такой, как во сне. Длинный, резвый челн.

— Длинный, резвый челн, — повторил Иафет, словно твердя заклинание.

— Не забудь о веслах.

— Не забуду.

Иафет направился к выходу, и уже хотел откинуть заслонявшую его циновку, как вспомнил, что Колдун обещал ему объяснить одну вещь.

— Достопочтенный Матузалем, я хотел тебя попросить...

Колдун вытер глаза и глубоко вдохнул, чтобы подавить всхлип. Иафет уже пожалел о том, что начал.

— Но если не хочешь...

— Хочу, — ответил Колдун.

— Вот господин Миссионер, то есть отец Неемия, все время твердит об этой любви. Что он имеет в виду? Любовь? Что такое любовь? Вы, Достопочтенный, наверняка знаете.

— Да, знаю. Любовь это... Погоди, дай подумать... Любовь это...

Колдун заплакал.

— Нет, не знаю, — сказал он сквозь слезы.

Вытирая тыльной стороной ладони мокрые глаза, он повторял:

— Не знаю, не знаю.

9 ноября 2010

Марина Резонтова

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ ПОЛЯКОВ НА ВОСТОКЕ КАЗАХСТАНА

Современный полиэтнический состав населения Республики Казахстан складывался на протяжении длительного исторического периода. Однако наиболее ощутимое влияние на этот процесс оказали общественно-политические события XIX-XX столетий, в первую очередь насильственные переселения различных социальных и этнических групп, среди которых оказались и поляки. Сегодня в Казахстане судьба собрала представителей 130 национальностей, только в Восточном Казахстане их 105, среди которых около 500 лиц польской национальности и польского происхождения. В разное время и по разным причинам оказались они в далеком краю, для многих из них спустя годы Казахстан стал второй родиной.

История поляков в Казахстане началась с XIII века, когда в 1245-1247 гг. через приаральские степи, озеро Балхаш, долины рек Сырдарьи и Или путешествовал монах-францисканец Бенедиктус Полонус из Вроцлава в составе папского посольства во главе с Джованни да Пиан дель Карпини. Именно Бенедикт Поляк первым из европейцев предоставил отчет об обширности земель, природе далекого края и быте кочевников, живущих в юртах [1, 7-8].

В более позднее время мы сталкиваемся с поляками, оказавшимися на земле Казахстана не по своей воле. Это были участники освободительного движения в Польше 1830-х и 1860-х годов [2, 3-11]. Ссыльные, люди разного возраста и профессий: поэты, художники, врачи, архитекторы, юристы и многие другие. Политические преступники польской национальности ссылались в Сибирь за принадлежность к различным тайным политическим обществам. Одни из ссыльных отбывали наказание на каторге, после чего их сдавали на военную службу и распределяли по разным линейным сибирским батальонам, других выдворяли в Семипалатинскую область на поселение. Иногда поляков присылали в Семипалатинскую область из соседних сибирских губерний, где они отбывали наказание целыми партиями. Так, в 1864 г. из Барнаула была прислана в Усть-Каменогорск под надзором полиции партия поляков — политических преступников в количестве 26 человек. На некоторых из этих лиц поступили в Усть-Каменогорскую полицию статейные и формулярные списки в алфавитном порядке. Все эти ссыльные были зачислены в мещанское сословие Усть-Каменогорска и обязывались наряду с прочими мещанами нести все установленные повинности. Но некоторые из ссыльных поляков отказывались вносить подати из-за неимения средств на уплату и потому, что они находятся под надзором полиции и им запрещена всякая торговля и отлучка из города. В юридическом отношении поляки на местах своей ссылки были значительно ограничены в своих правах. Им не разрешалось отлучаться с мест жительства, запрещалось торговать напитками, служить в общественных местах по вольному найму, занимать должности на пароходах, работать фотографами и т.д. Экономическое положение поляков было не менее печально, чем юридическое. Их нельзя было сравнивать с добровольными переселенцами, потому что те, отправляясь на новое место жительства, брали с собой земледельческий инвентарь, рабочий скот, домашнюю утварь, иногда даже семена. Поляки, отправляясь в Сибирь с надеждой скорого возвращения на родину, не имели времени продать лишние вещи. При таких условиях они, естественно, не могли и не хотели думать о необходимости прочного устройства в Сибири и не запасались даже необходимой одеждой, увозя с собой только наиболее дорогие, как им казалось предметы. Их кладь не должна была превышать положенных по закону 30 фунтов веса [3,189].

Ссыльные поляки делились на две категории: крестьянское сословие и привилегированное. Представителей первой категории правительство старалось поселить на казенных землях с той целью, чтобы поляки стали заниматься земледелием. Для устройства хозяйства с целью обработки земли им выдавали казенную субсидию.

Другая категория польских ссыльных, обязанных платить подати и повинности, состояла из привилегированного городского сословия. Именно они постоянно жаловались на полицию, которая безжалостно выбивала эти подати. Картина тяжелого юридического и материального положения ссыльных поляков была присуща особенно переселенцам Семипалатинской губернии.

Облегчение участи ссыльных поляков, сосланных в Сибирь за политические преступления, последовало по Высочайшему повелению 1855 г. и манифесту 1856 г., благодаря которым был сокращен срок каторжных работ всем уроженцам Царства Польского. 10 сентября 1856 г. министерство внутренних дел уведомило семипалатинского губернатора о том, что «ссыльных поляков постановлено освободить от всех ограничений и дозволить возвратиться на родину в Царство [Польское]». Этой льготой воспользовались ссыльные поляки, отбывавшие каторжные работы в Усть-Каменогорской крепостной тюрьме, и поспешили незамедлительно вернуться на родину. Но многие ссыльные по болезни, семейным и иным обстоятельствам не могли вернуться на родину, часть их осталась на продолжительное и даже постоянное место жительства. Эта категория лиц имела право принадлежать к сословиям дворян, купцов и т.д. и заниматься золотопромышленностью и всякими другими промыслами, дозволенными по закону.

Министерство внутренних дел 4 августа 1874 г. уведомило семипалатинского губернатора, что «бывшим политическим ссыльным, освобожденным от надзора полиции, разрешена государственная и общественная служба, вследствие чего не встречается препятствий к разрешению означенным лицам и службы общественной в тех местностях, где им дозволено свободное жительство». Некоторые ссыльноводворенцы из поляков с надлежащего разрешения остались на постоянное жительство, обзавелись семейством, хозяйством и нашли занятия, дававшие им средства к жизни [3, 189-195].

Среди ссыльных поляков основная масса была с образованием, местное население относилось к ним с уважением. Многие из этих людей оставили заметный след в истории и культуре Восточно-Казахстанской области. Все ссыльные поляки были римско-католического вероисповедания. О каждом имелась небольшая информация следующего характера.

Адам Валичек происходил из шляхтичей Киевской губернии. За участие в восстании 1830-1831 г был сослан в Сибирь в солдаты. По окончании службы поселился в Усть-Каменогорске и женился на дочери отставного рядового Матрене Ситниковой, от которой родился сын Василий. По профессии Валичек был портной. Знал польскую и русскую грамоту. Умер в Усть-Каменогорске в 1890 году [3, 207].

Антон Войцехов Ясковяк за участие в том же восстании был отдан на военную службу, из которой уволился в 1848 году. После окончания службы остался на постоянное жительство в Усть-Каменогорске, принял православие и женился на казачьей дочери Фекле Злобиной, от которой имел сына Назара и дочь Анну. Был каменщиком и отличным печником, занимался так же рыболовством. В городе имел свой дом. Скончался в Усть-Каменогорске [3,209].

Одним из ярких представителей ссыльных поляков в Усть-Каменогорске был Станислав Андреевич Яворовский. Информацию и фотографии о его семье передала в фонды этнографического музея-заповедника его родственница Светлана Ефимовна Яворовская, ныне проживающая в Алматы.

С.А.Яворовский был родом из дворян Августовской губернии, города Тыкочина, поместья в деревне Богельки. По словам самого Яворовского, учился он в реальном училище города Равы Варшавской губернии, затем поступил в кадетский корпус. Когда вспыхнуло восстание 1863 г., Яворовский вышел из корпуса и присоединился к повстанцам. За участие в польском восстании Варшавским военным судом был приговорен в 1864 г. к ссылке сначала в Саратов, а затем в Тобольскую губернию и выдворен на поселение в Кабырдакскую волость. В 1870-х переехал в Усть-Каменогорск (Семипалатинская губерния). В 1878 г. Яворовский обратился к семипалатинскому губернатору с просьбой разрешить ему остаться на постоянное место жительства в Усть-Каменогорске. В 1879 г. С.Яворовский перешел в мещанское сословие. В 1881 г. вступил в брак с мещанкой Евдокией Осиповной Кодинцевой. От этого брака у него родилось шестеро детей: Александр, Михаил, Георгий, Зоя, Валентина и Ольга. Станислав Яворовский в Усть-Каменогорске занимался торговлей и пчеловодством [3, 285-286], а также был одним из основателей Усть-Каменогорского пивоваренного завода [6, 40-50]. Третий сын, Георгий Станиславович, продолжил дело отца, стал главным пивоваром завода, но 5 ноября 1933 г. был освобожден от занимаемой должности и выселен из квартиры при госпивзаводе [4, 11-16].

Большим сосредоточием поляков в XIX веке был Семипалатинск. Описывая польско-казахские отношения, следует отметить, что некоторые польские ссыльные работали в просвещении и культуре, включаясь в организацию библиотек, музеев, католических приходов. Поляки не только сочиняли поэмы, повести, писали картины, посвященные казахам и их жизни. Они занимались изучением истории казахского народа, его археологических памятников. Что интересно, поляки пытались исследовать приаральскую степь и высказывали различные гипотезы о наличии там полезных ископаемых [8, 24].

Нельзя не упомянуть об исследовательской деятельности Северина Гросса, польского ссыльного, занимавшегося в 1882-1887 гг. изучением законов и обычаев казахского народа. В Семипалатинске Северин Гросс владел большой библиотекой, книгами которой позволял пользоваться всем интересующимся [8, 43-49]. Он был одним из организаторов строительства краеведческого музея. Известно, что Северин Гросс в июне 1884 г. совершил месячную поездку в Чингизскую волость, в аул Абая Кунанбаева, с которым его прежде познакомил Е.Михаэлис. Там в степи великой акын информировал ссыльного поляка о правовых традициях казахов [9]. В конце 1880-х Абай сблизился с Северином Гроссом, широко образованным человеком, окончившим в 1877 г. Петербургский университет с ученой степенью кандидата прав.

В марте 1878 г. С.Гросс поступил на службу в столичный окружной суд. Сослан он был в Западную Сибирь за участие в тайной революционной организации польской молодежи. Основана организация была еще в 1878 г. в Петербурге в связи с созданием группой студентов-поляков кружка самообразования, который уже в начале 1880 г. стал центром петербургского польского революционного землячества, так называемой гмины. Подобные же организации передовой польской молодежи сложились в начале 1880 г. в Москве, Киеве, Вильне. В июне 1880 г. в Варшаве состоялся съезд представителей различных гмин для выработки программы партии. На съезде присутствовал и Северин Гросс. Существование этой тайной революционной организации царские власти обнаружили в начале 1881 года. Немедленно последовали ее разгром и репрессии. В марте того же года С.Гросс и другие руководители Виленской гмины были арестованы и подвергнуты годичному тюремному заключению.

С.Гроссу предъявили обвинение в руководстве Виленской гминой, участии в ее тайных собраниях и съездах в Варшаве, установлении связи с польскими социалистами за границей, предоставлении организации материальных средств. По царскому велению дело С.Гросса и других руководителей Виленской гмины в январе 1882 г. было разрешено в административном порядке, причем С.Гросса выслали в распоряжение генерал-губернатора Западной Сибири для водворения на жительство под гласным надзором полиции сроком на пять лет. Первоначально С.Гросс поселился в Ишиме, куда его доставили под полицейским конвоем. В 1882 г. он женился на политической ссыльной, тоже находившейся под надзором полиции, Анне Скалацкой, высланной из Киева в 1880 г. «за политическую неблагонадежность и принадлежность к преступной пропаганде».

В 1883 г. С.Гросс с женой переселился в Семипалатинск, где над ними также был установлен гласный полицейский надзор. При переводе Гросса с женой в Семипалатинск тобольский генерал-губернатор характеризовал их следующим образом: «Состоявшие под надзором полиции в г. Ишиме политические ссыльные Северин Гросс и его жена Анна, во время проживания в месте водворения, хотя в особых предосудительных поступках замечены не были, но оба в политическом отношении неблагонадежны, и Гросс в особенности образа мыслей вредного».

Среди поляков, находившихся в гарнизонах, разбросанных по Иртышу, имели хождения прокламации, привезенные из Польши. По этому поводу Пограничное правление сибирских казахов получило в 1833 г. предписание: «...у некоторых из польских нижних чинов, поступивших на службу в российские войска, изъяты печатные экземпляры прилагаемых двух молитв, сочиненных в Польше во время бывшего мятежа. Высочайше повелеть соизволили: сообщить всем главным начальникам тех войск, куда польские нижние чины поступили, дабы обращено было должное внимание, не имеют ли кто из этих чинов таких молитв; и если имеют, то отобрать их и уничтожить» [11].

В одной из обнаруженных польских молитв говорилось: «Господи создателю всего мира! В твоей деснице жребий всех народов: взгляни милосердным твоим оком на народ наш польский, благослови нас с началом дел, сохрани между нами веру, добродетель, согласие и единодушие. Все

войско вооружи в мужестве и помоги одному в поражении врагов, существованию и ...польского. Реши чтобы мы, возрастая в справедливых чувствах, в хвале и постоянном благополучии увидели любезное наше отечество» [11].

В Прииртышье хождение имела и другая прокламация «За отечество»: «Боже поляков! Ты некогда вел ряды предков наших и блестящие с нами победы! Боже милосердия! Боже покровителю угнетенных! Воззри на невинный народ у подножия престола твоих упокорений! Это поляки — возлюбленный некогда, а теперь нещадиями удрученный твой народ, со слезами умоляет тебя, умилостивись над ним. Проходит уже сорок лет, как злополучное поколение, всякого рода несчастиями испытываем. Презренные и уничтоженные соседями, мы были уже как бы позорищем; уже и тиран угнетал нас, а ты еще ныне невинной крови требуешь. Поляк охотно приносит тебе оную жертву, но прости вины отцов наших — много уже покорности много, много страданий. Ты сам, Господи, дал нам в руки меч для защиты. Но если с могуществом твоим не проникнем в сердца наши, в таком случае, что же с нами будет? Отомсти оскорбление невинного народа, который всегда служит тебе верно: соедини силы его, дай мужество. Пусть храбрые как львы, сражаются для защиты прав своих, пусть непобедимы будут...» [11].

Причины и исторические условия переселения поляков в Казахстан в 1936-1956 гг. были связаны как с внутренней политикой СССР, так и глобальными событиями мировой истории: репрессиями середины 30-х годов в советском государстве и началом II Мировой войны. Всего за этот период было арестовано в СССР 118-123 тыс. поляков. Данная категория имела статус «спецпереселенцев» и находилась под жестким контролем органов НКВД [2]

Советские власти расселяли их по многим районам страны, где в тяжелых условиях они вынуждены были работать в колхозах, на рудниках и фабриках [8,45]. Будучи носителями традиционной польской культуры, именно они и составили основу современной польской диаспоры Республики Казахстан. Один из ярких представителей репрессированных поляков 1936 года — Франц Феликсович Иванчук, архитектор, талантливый художник и педагог. Ф.Ф.Иванчук родился в 1892 г. в Москве, в семье рабочего механического завода. В 1904 г. окончил трехклассное реальное училище. Пять лет был учеником рисовальной и литографской школы. По ее окончании работал тушистом-литографом и художником иллюстратором. В 1915-1918 гг. служил рядовым в Москве, в 56-м запасном полку. В 1919 г. был направлен на учебу в свободные высшие художественно-технические мастерские «Вхутемас». В 1928-1932 гг. учился в Высшем архитектурно-строительном институте. С 1933 по 1936 год работал в отделе планировки Моссовета, участвуя в разработке и осуществлении генерального плана реконструкции Москвы. В 1936 г. в Москве была раскрыта троцкистская группа, в ее число входил сослуживец Франца Феликсовича, которому когда-то Иванчук давал рекомендацию для вступления в партию. За это он был объявлен врагом народа и выслан на 20 лет в город Риддер Восточно-Казахстанской области. Жена с дочерью последовали было за ссыльным, но жизнь в глубинке для них была невозможна. Тогда-то и началась новая жизнь Иванчука.

В 1936 году Лениногорск (Риддер) представлял собой небольшой провинциальный городок с населением в 15 тыс. человек. Бурно развивался комбинат по добыче и обогащению полиметаллических руд. Активно велось строительство жилья. Молодой талантливый архитектор, художник, широко образованный человек, имевший большой круг общения в Москве, Иванчук увидел для себя огромное поле деятельности. Всей душой он окунулся в жизнь города, в решение его проблем. Он работал архитектором проектного отдела комбината «Алтайполиметалл», главным архитектором города, откуда и ушел на пенсию. Проектировал загородные дачи, пионерские лагеря, дачи для детских садов и, конечно же, занимался новостройкой города. Иванчук был ответственным за художественное оформление Дворца культуры города. Но все же главным делом его жизни была организованная им в 1937 г. изостудия юных художников. Тридцать лет ею руководил Франц Феликсович Иванчук, выпустивший не одно поколение замечательных художников. Все, кто с ним общался, отмечают в нем стержневую черту характера — серьезность и надежность. Он был деловым, увлеченным, ответственным человеком. После реабилитации в 1957 г. он первым делом поехал в Москву, где побывал на могиле первой жены, встретился с родными и близкими, но уже не мог оставаться там надолго, его тянуло домой. Умер Франц Феликсович в Риддере в 1975 году.

Организованная им изостудия помогла многим людям в далекой провинциальной глуши не просто расширить кругозор, а найти свой путь в жизни. Его дело продолжила Марина Францевна Петрачкова — дочь Иванчука. Окончив Алмаатинский политехнический институт (факультет промышленно-гражданского строительства), она поступила на работу в проектный отдел треста города Риддер. Марина Францевна принимала участие в сдаче объектов цинкового завода, жилых домов. С 1990 г., вот уже 20 лет, Петрачкова бессменно руководит изостудией, продолжая благородное дело, начатое ее отцом. За этот период в ней раскрылся дар талантливого художника-пейзажиста, профессионально владеющего техникой живописи. Изумительные по своей красоте пейзажи и цветы восхищают то великолепием, то простотой, то буйством красок, то четкостью графики. У Марины Францевны прошло семь персональных выставок. Ее живопись описывает живые уголки бескрайнего таежного царства. Можно бесконечно восхищаться ее картинами, которые не оставляют нас равнодушными, вселяют в каждого любовь и веру в жизнь.

Эти люди оставили огромный след в истории и культуре нашего края, но это не единственные судьбы поляков Восточного Казахстана, о которых есть желание рассказывать. Их много, и они разные. И чем больше мы будем узнавать друг о друге, тем меньше останется места в наших сердцах для расхожих стереотипов и недоверия, тем больше мы проникнемся пониманием и уважением друг другу.

Литература:

1. Бадовский Р. Польские певцы Казахстана. Пелплин: Типография Пельплинской Епархии Бернардиниум, 2004.
2. Из истории поляков в Казахстане. (1936-1956 гг.). Сб. документов: Архив Президента Республики Казахстан. Отв. ред. Л.Д.Дегитаева. Алматы: Изд. дом «Казахстан», 2000.
3. Герасимов Б.Г. Избранные труды. Факсимильное издание. Усть-Каменогорск: ГАВКО, 2000.
4. Мусин М. Жизнь моя... Судьба моя... Усть-Каменогорск, 2002.
5. Достоевский Ф.М. Собр. соч. Т.3. Л.: Наука, 1988.
6. ГАВКО, ф.50, оп.1, д.452, л.40-50 (Богатые люди дореволюционного г. Усть-Каменогорска. Имели заводы... Яворовский его пивоваренный завод и дом угол улиц Мира и Урицкого 34/36. Занимают жильцы.)
7. Шустер У.А. Революция 1905=1907 гг. в Польше // Исторические записки. Т.22. Отв. ред. Б.Д.Греков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. (Академия наук СССР. Институт истории).
8. «В степи далекой поляки в Казахстане». Познань-Алматы, 2006-2007.
9. Эрлих К.В. Евгений Михаэлис в Казахстане // Культура немцев Казахстана: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 9-11 октября, 1998. Алматы, 1999.
10. Ауэзова Л.М. Исторические основы эпопеи «Путь Абая». Алма-Ата: Наука, 1969.
11. ЦГА РК, ф.338, оп.1. д.62. л.1-3

Марина Михайловна Резонтова — научный сотрудник отдела этнографии народов и малочисленных этногрупп Восточного Казахстана Восточно-Казахстанского областного архитектурно-этнографического и природно-ландшафтного музея-заповедника (Усть-Каменогорск).

Жанна Слонёвская

ПОЛЬСКИЙ МИР РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

О, пусть эта песнь из страны, где свободны народы,
До вас донесется на льдистые ваши равнины,
Да будет она провозвестницей вашей свободы,
Как вестником вешней поры — перелет журавлиный.

Стихотворением Адама Мицкевича «Друзьям в России» в переводе А.Виноградова открывается номер журнала «Мир Паустовского», посвященный польским мотивам в жизни и творчестве известного русского писателя, а также русско-польским культурным связям.

Элегический очерк Паустовского «Третье свидание» свидетельствует о том, что для писателя Польша была всегда связана с образом прекрасной женщины. Она предстает в образе то светловолосой девочки, чья «смущенная улыбка показалась мне воплощением всей этой милой страны», то девушки в старинном гданьском костеле, «наилучшего воплощения нежности польской женщины. Говорят, этой нежности нет равной». Польша для Паустовского — это еще и бабушка, Викентия Ивановна Высочанская, о которой пишет главный редактор журнала и ответственный редактор выпуска Галина Корнилова. Родители будущего писателя его практически бросили, и именно бабушка-полька, до конца жизни носившая траур по разгромленному восстанию 1863 года, оказалась для Костика самым близким человеком. Впервые в Польше он оказался благодаря бабушке и помнил о поездке в Варшаву, Вильно и Ченстохову до конца жизни. Паустовский признаётся в дневниках, что ценил бабушку больше всех родных и потому так же сильно полюбил ее страну.

Константин Паустовский был человеком пограничья. «Я могу утверждать, не боясь ошибиться, что Ивашкевич испытал те же влияния трех культур, какие испытали и мы все, киевляне, — культуры русской, украинской и польской...» — писал он. С будущим знаменитым писателем Ивашкевичем они не были, как принято считать, одноклассниками, а просто в одно и то же время учились в разных киевских гимназиях. Сблизиться по-настоящему им удалось уже в зрелом возрасте. Паустовский не раз подчеркивал, что феномен киевских гимназий начала XX века необходимо исследовать: из них вышли Ян Парандовский, Ян Бжехва, Михаил Булгаков, Борис Лятошинский и многие другие писатели, поэты, музыканты. Кстати, возможно, современная публикация Мариуша Коженевского «За Золотыми Воротами. Социально-культурная деятельность поляков 1905-1920», выдвинутая в 2010 г. на премию им. Яна Длугоша, воплотит давнюю мечту Паустовского. Поляки,

учившиеся в то время в Киеве, были как правило детьми инженеров, служащих заводов, разбросанных по Правобережной Украине, или управляющих крупных польских помещиков. В семье служащего сахарного завода где-то под Винницей и родился Ярослав Ивашкевич.

Польский писатель неоднократно пытался ответить на вопрос, почему именно творчество Паустовского, а не других, возможно, более известных русских писателей советского периода, настолько близко сердцу польского читателя. По мнению Ивашкевича, обаяние Паустовского кроется в совершенно особом отношении к природе и человеку, а в его «простых, предельно скупых выражениях таится небывалая пластичность описаний». Ему не нужно много слов, чтобы охарактеризовать людей, пейзаж или любимых им зверей.

В своей книге «Далекие годы» Константин Паустовский вспоминает также о юношеской дружбе с Тадеушем Фицовским, отцом известного польского писателя Ежи Фицовского. Тадеуш был свидетелем выхода в свет первой журнальной публикации Костика. К сожалению, в зрелом возрасте старым друзьям не удалось наладить даже переписку. Ежи Фицовский с болью пишет о многолетних безуспешных поисках, предпринимавшихся его отцом, который так и не сумел восстановить связь со своим школьным товарищем.

На страницах исследования известного польского переводчика русской литературы Анджея Дравича Паустовский предстает неутомимым скитальцем, который с ранних лет колесил по городам и весям России, Украины, Литвы, Грузии и всего бывшего СССР, а позже и по Западной Европе. Паустовский сменил множество профессий: был репетитором, кондуктором, вагоновожатым, санитаром, журналистом, редактором. Но всегда и везде он помнил о Польше и польской культуре. «Всё в Польше было реальным, — писал он. — Но стоило вникнуть поглубже, и реальность тут же начинала обрастать пока еще едва различимыми приметами сказки». Эта волшебная сказка всю жизнь освежала воображение и вдохновляла писателя. Польша, воплощенная в образе нежной, любящей и неуловимой женщины, была бессменной музой Паустовского.

В разделе «Польско-русские культурные связи» можно найти воспоминания Ярослава Ивашкевича об Александре Блоке, из которых вырисовывается образ отца поэта, сумрачного и загадочного профессора Варшавского университета, великолепного пианиста. Здесь же — предисловие польского писателя и переводчика Ежи Помяновского к «Дневнику 1920 года» Исаака Бабеля и описание приезда Герберта Уэллса в голодный, страшный Петроград того времени.

Особого внимания заслуживает обширная секция журнала под названием «На перекрестках истории». Интерес читателя могут вызвать, например, отрывки из книги русского эмигрантского писателя Романа Гуля «Дзержинский» с новыми подробностями биографии «железного Феликса». «На заседаниях у Ленина была еще привычка переписываться короткими записками. В этот раз очередная записка пошла к Дзержинскому: «Сколько у нас в тюрьмах злостных контрреволюционеров?» В ответ от Дзержинского к Ленину вернулась записка: «Около 1500». Ленин прочел, что-то хмыкнул, поставил возле цифры крест и передал ее обратно Дзержинскому (...) Дзержинский встал и, как обычно, ни на кого не глядя, вышел из заседания (...) Оказывается, Дзержинский всех этих «около 1500 злостных контрреволюционеров» в ту же ночь расстрелял, ибо «крест» Ленина им был понят как указание». По моему мнению, самые важные тексты этой секции — очерк Булата Окуджавы «Нечаянная радость» и воспоминания Ксаверия Прушинского «Ночь в Кремле». Первый текст — глубоко личный — посвящен матери поэта, вернувшейся домой в 1947 г. после десяти лет лагерей и вновь арестованной в 1949-м. История, похожая на миллионы подобных и, может, именно поэтому настолько знаковая. «К тому времени я уже начал кое-что понимать, какой-то робкий анализ совершался в моей затуманенной голове, и возникали горькие вопросы: «За что?», «Почему?», «Ради чего?»» — вспоминает Окуджава. Мать снова садится в арестантский вагон, начальник охраны которого, получив взятку, разрешает близким передать ей только старый чайник. Родные радуются удаче, а спустя годы оказывается, что чайник к ней так и не попал. По недосмотру, из злорадства ли, из жадности?.. Неизвестно. В образе пропавшего чайника — все степени абсурда советской системы.

Другой материал, принадлежащий перу Ксаверия Прушинского, описывает исторический для поляков вечер 3 декабря 1941 г., когда в Кремле был подписан документ о создании польской армии под командованием генерала Андерса. Прушинский обладает взглядом пытливого наблюдателя, который останавливается на вещах, кажущихся сначала второстепенными: на позолоте и белизне кремлевских стен, подробностях роскошного меню, крое костюма Сталина. Гул фашистских орудий сотрясает стены Кремля, Вячеслав Молотов уверяет польских гостей, что пакт Риббентропа—Молотова был не так уж плох, а Сталин цинично обещает им, что польская военная элита, давно расстрелянная в Катыни, вскоре вернется из лагерей. Комментируя текст Прушинского, Галина Корнилова приводит стенографическую запись беседы «великого вождя» с высокопоставленными гостями из Польши.

Выпуск знакомит русского читателя с фрагментами современной польской прозы авторства Рышарда Капустинского, Марека Новаковского, Павла Хюлле, Яна Химильсбаха, Мацея Малицкого, а также с польской поэзией. Стихи Вислявы Шимборской, Юлиана Пшибося, Чеслава Милоша и многих других можно прочесть в великолепных переводах Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Иосифа Бродского и Натальи Горбаневской.

В своеобразный «гимн любви» превращается подборка стихотворений русских поэтов, пишущих о Польше. Стоит хотя бы частично процитировать эту прекрасную многоголосицу:

«Варшава, я тебя люблю легко, печально и навеки», — утверждает Булат Окуджава.

«И тогда я влюбилась в чужие стихи, шелестящие так, что иные кривились: «Шипенье»...» — признаётся Наталья Горбаневская.

«Здесь тихо, здесь любая боль стихает», — пишет о Кракове Анна Стреминская-Божко.

«Твоим словам, мой укоханы край, мне приходилось заново учиться», — вспоминает Наталья Астафьева.

«...Праге — браво! А Варшаве — любовь», — не терпящим возражений тоном заявляет Владимир Корнилов.

Польский выпуск «Мира Паустовского» — это эссе и исследования, поэзия и проза, история и трудности перевода, в общей сложности более 170 страниц замечательных текстов. В каком-то смысле это мини-энциклопедия польско-русских отношений, к статьям которой стоит вновь и вновь возвращаться.

ГРОДНЕНСКАЯ ПОЛОНИСТИКА

Беседа с профессором Светланой Мусиенко — основателем и руководителем кафедры польской филологии в Гродненском университете имени Янки Купалы (Белоруссия)

— Кафедра польской филологии в Гродненском государственном университете им. Янки Купалы был первым такого рода научным и учебным подразделением в истории просвещения и образования Белоруссии...

— Наша кафедра была создана в 1989 году. Этому предшествовали три события, которые в известном смысле предопределили ее организацию: международная научная конференция, посвященная творчеству Зофьи Налковской и славянской литературе, в конференции участвовали ученые из России, Белоруссии, Грузии и Польши; открытие музея Налковской и мемориальной доски на доме, в котором в 1922-1927 гг жила писательница и где были созданы многие ее произведения, такие как эссе «Гродно», статья «Там, где жила и творила Элиза Ожешко», сборник рассказов «Стены мира», романы «Недобрая любовь», «Граница», «Узлы жизни», а также «Дневник 1918-1929». Наряду с творчеством, Налковская от имени известной организации «Патронат» занималась помощью заключенным в гродненской тюрьме, участвовала в деятельности комитета по увековечиванию памяти Элизы Ожешко.

— Почему именно в Гродно была организована кафедра польской филологии?

— Создание кафедры было результатом важных исторических процессов в «социалистическом содружестве». Тогда начались перемены во внутренней и внешней политике СССР. Возникли более благоприятные условия для международного сотрудничества. Заметно также изменилось отношение правительства к советской интеллигенции. В определенном смысле начала осуществляться декларировавшаяся властями политика «открытости». Наша кафедра возникла на стыке двух периодов: распада СССР и возникновения независимой Белоруссии. В новом государстве активизировались процессы возрождения национального и культурного облика — как у белорусского населения, так и у многочисленных национальных меньшинств, среди которых поляки были наиболее активной группой.

— Первые учебные занятия на отделении польской филологии в Гродно начались 1 сентября 1989 года...

— В соответствии с распоряжением правительства, тогда еще СССР, и с пожеланиями поляков, живущих в Белоруссии, родной язык и литературу на отделении польской филологии могли изучать 50 студентов. Были сформированы две академические группы с дополнительными специальностями: белорусский язык и литература или русский язык и литература.

Для нас, преподавателей, это была не столько работа, сколько призвание. Мы сразу решили говорить только по-польски — и со студентами, и между собой.

Работа кафедры стала приобретать университетский характер. Был разработан учебный план, который предусматривал преподавание предметов исключительно по-польски. План складывался из блоков дисциплин: польский язык, история польской литературы, страноведение, история, история польской культуры, методика преподавания языка и литературы, а также другие учебные предметы, спецкурсы, семинарские занятия. Обязательным было писать доклады, контрольные и курсовые работы, писать и защищать диплом.

— Как организована кафедра польской филологии?

— Это полноправная кафедра в структуре университета. Большинство сотрудников — наши выпускники. Это молодые, талантливые преподаватели. Весь наш штат — 14 человек. Учебный процесс обеспечивают 10 преподавателей. На каждого приходится от 250 до 600 аудиторных часов.

Наши преподаватели работают как с полонистами, так и со студентами других специальностей: белорусистики, экономики, истории, классической филологии. Наши литературоведы, помимо истории польской литературы, преподают также зарубежную литературу. Все наши сотрудники неоднократно стажировались в польских университетах.

С лекциями к нам приезжают гости из Польши и других европейских стран. Ряд интересных встреч, посвященных жизни и деятельности Ежи Гедройца, провел недавно в нашем университете и в Объединении польского просвещения в Белоруссии руководитель парижского «Института Литерацкого» Марек Кравчик, который привез интересные материалы для выставки, посвященной юбилею Гедройца.

— На чем сейчас концентрируется исследовательская работа вашей кафедры?

— О направлениях научных исследований можно судить по нашим публикациям. Мы издали более 40 коллективных трудов. Среди них, в частности, первый в истории белорусского образования учебник для польских школ в Белоруссии «История польской литературы». Этот учебник — плод трудов двух коллективов полонистов, из Гродненского и Гданьского университетов.

Научная работа наших сотрудников ведется по двум основным направлениям: польская литература и белорусско-польско-русские литературно-языковые связи, а также славянские языки, литературы и культуры — этика в свете истории и современности. Эти темы прослеживаются также и в международных связях, складывавшихся с самого начала существования кафедры. Несмотря на многие трудности, за 20 лет кафедра собрала библиотеку по полонистике, создала единственный в мире музей Зофьи Налковской.

Беседовал Лешек Вонтрубский

Анна Виноградова

ТАМ, ГДЕ ВЫСИТСЯ КРЕСТ

К 145-летию восстания на Кругобайкальском тракте

Каждый год в течение последних десяти лет, в середине июля, члены Национально-культурной автономии поляков «Надзея» города Улан-Удэ приезжают в местность Мишиха, рядом с Байкалом, туда, где высится деревянный католический крест.

Проходит митинг, посвященный памяти поляков, восставших против каторжного труда на строительстве Кругобайкальского тракта. Юноши и девушки из «Надзеи» чеканно читают прекрасные строки из стихотворения «Погребение» выдающейся польской поэтессы Вислявы Шимборской.

Пусть уверится каждый,
Сколько чести героям —
Их, рожденных однажды,
В землю дважды зароем.
Пусть уверится каждый.

Между ними и небом
Только ветки заслоном,
Только то, что щебечет
И ютится по кронам.
Между ними и небом.

В 1866 г. здесь проходила тяжелая битва между польскими каторжанами и отрядом царских войск под командованием майора Рика.

Это восстание было задумано годом раньше, когда многие польские повстанцы оказались в Иркутской тюрьме, после национально-освободительного восстания 1863 года. Группа каторжан: Г.Шарамович, Н.Целинский, Я.Рейнер, В.Котковский,К.Арцимович, Ильяшевич и Вронский — решили устроить заговор и освободить всех поляков, осужденных на вечное поселение и каторгу. Заговорщики рассчитывали, что в условленный день на всех сибирских заводах поляки-каторжане нападут на караулы и разоружат их, а далее, захватив оружие и продовольствие, отправятся в Монголию через тайгу , по пути собирая других товарищей по несчастью.

Самая большая партия ссыльных — 723 человека — была отправлена на строительство нового Кругобайкальского тракта. Там в июне 1866 г. и произошло восстание. В деревне Лиственничной находился Нарцисс Целинский. Его как опытного в военных делах и зрелого человека выбрали руководителем.

20 июня (по старому стилю) 1866 г. Целинский отправил Шарамовичу и Котковскому уведомление о начале восстания. Они поддержали своего товарища. Тогда работы велись на протяжении 200 верст от Култука до станции Лихановой. Руководил строительными работами подполковник Шац, а полковник Черняев был ответственным за охрану и работу ссыльных. Рабочие партии были распределены от 50 до 100 человек. Их контролировали и за ними следили 138 казаков и солдат, а также пять офицеров. Сразу после восстания на помощь охранникам был направлен отряд из 82 человек под командованием майора Рика. Двигались к Посольску и еще два отряда по 200 человек. Из Иркутска в Култук шел казачий отряд в двести сабель, к ним по пути должны были присоединиться 150 бурятских казаков.

В «Летописи Иркутска» рассказывается о трагическом июньском дне 1866 года, когда прошел последний решающий бой между повстанцами и царскими войсками.

«28 июня, подходя к Мишихе, майор Рик, получивший подкрепление отрядом штабс-ротмистра Лаврентьева, при котором был поручик Порохов, встретил у моста при речке Быстрой конный отряд повстанцев.

После небольшой перестрелки обе стороны бросились в рукопашный бой. Поручик Порохов, весь израненный, отбивался от нападающих, но проколотый в бок пикою пал мертвым. Кроме убитого Порохова, было ранено трое солдат и крестьянин Чулков, который на другой день от полученных ран умер...

В последующие дни в разных местах по берегу Байкала воинские команды имели перестрелку с поляками, причем перевес был всегда на стороне войск. Поляков брали и отправляли в Иркутск большими партиями. Некоторые партии восставших ушли в леса прибайкальских гор».

Мечта восставших выбраться из тайги и уйти через Монголию дальше к свободе не осуществилась. Почему?

Прибайкальская тайга изобиловала непроходимыми лесистыми падями, болотами, горными каньонами, через которые без проводников или географической карты невозможно было пройти.

Да к тому же царские власти протянули от Байкала до китайской границы так называемый монгольский кордон. В засаде стоял иркутский отряд конных казаков и уже подошли 150 бурятских казаков. При встрече с казаками измученные восставшие поляки вынуждены были сдаваться в плен.

Так закончилось восстание.

Точное число погибших в те трагические дни неизвестно, где-то от 15 до 30 человек, арестовано 688.

Будущий анархист князь Петр Кропоткин, служивший в то время в Сибири, вспоминая эти события, писал в своей книге «Записки революционера»:

«Я был тогда далеко в Витимских горах, когда ссыльные поляки, работавшие на Кругобайкальской дороге, сделали отчаянную попытку сбросить оковы и пробраться в Китай через Монголию. Против них послали войска, и один русский офицер был убит повстанцами. Я узнал подробности этого восстания, когда возвратился в Иркутск, где около пятидесяти поляков должны были судиться военным судом, а так как заседания военных судов в России бывают открытыми, то я присутствовал

все время и записывал речи. Я составил подробный отчет, который и был, к великому неудовольствию генерал-губернатора, помещен целиком в «Биржевых ведомостях» за 1866 год (другой отчет, составленный Вагиным, был помещен в «Петербургских ведомостях»).

После восстания 1863 года в одну Восточную Сибирь прислали одиннадцать тысяч мужчин и женщин, главным образом студентов, художников, бывших офицеров, помещиков и в особенности искусных ремесленников — лучших представителей варшавского пролетариата. Большую часть их послали в каторжные работы, остальных же поселили в деревнях, где они не находили работы и почти умирали с голода. Каторжники-поляки работали или в Чите, где они строили баржи (то были наиболее счастливые), или на казенных чугунолитейных заводах, или на соляных варницах. Я видел последних в Усть-Куте на Лене. Полуголые, они стояли в балагане вокруг громадного котла и мешали кипевший густой рассол длинными веслами. В балагане жара была адская; но через широкие раскрытые двери дул леденящий сквозняк, чтобы помогать испарению рассола. В два года работы при подобных условиях мученики умирали от чахотки.

Впоследствии значительное число ссыльных поляков поставили на постройку Кругобайкальской дороги.

Байкал, как известно, длинное и узкое альпийское озеро, окруженное живописными горами от трех до пяти тысяч футов высоты, которое отделяет Иркутскую губернию от Забайкалья и Амурской области. Зимой переправляются по льду, а летом — на пароходах. Но весной и осенью добраться до Читы и до Кяхты можно было только окружной горной тропой, по старой Кругобайкальской дороге, пересекая хребты в семь-восемь тысяч футов высоты. Я раз проехал этой дорогой и, конечно, глубоко наслаждался великолепною панорамою гор, покрытых в мае толстым слоем снега. Но, в общем, дорога была ужасна. Тракт идет у подножья высоких гор, круто спускающихся к озеру и покрытых снизу доверху первобытным лесом. Ущелья и потоки на каждом шагу пересекают дорогу. Двенадцать верст перевала через хребет Хамар-Дабан заняли у меня семнадцать часов, от трех утра до восьми вечера. Лошади наши постоянно проваливались в рыхлый снег и погружались вместе с всадниками в ледяные потоки, текущие под снежный покров. В конце концов, решено было проложить постоянную тележную дорогу вдоль самого берега озера, взрывая порохом отвесные скалы и перекидывая мосты через бесчисленные горные потоки. Эту трудную работу выполняли польские ссыльные.

За последние сто лет в Сибирь было послано немало русских политических ссыльных, но по характерной русской черте они подчинялись своей участи и никогда не восставали. Они давали убивать себя медленной смертью и не пытались даже освободиться. Поляки же, к чести их будь сказано, никогда не несли своего жребия с такой покорностью. На этот раз они устроили настоящее восстание. Конечно, шансов на успех у них не было никаких, но они, тем не менее, восстали. Впереди их было громадное озеро, а позади их возвышались горные пустыни Северной Монголии. Они решили поэтому обезоружить карауливших их солдат, выковать страшное оружие повстанцев — косы и пробиться через горы Монголии к морю, в Китай, где их могли бы принять английские корабли. И вот раз в Иркутск пришло известие, что часть поляков, работавших на Кругобайкальской дороге, возмутилась и обезоружила около дюжины солдат. Против них могли отправить из Иркутска отряд пехоты, всего в восемьдесят человек. Переправившись через Байкал на пароходе, солдаты пошли против повстанцев, находившихся на другом берегу озера...

По логике сибирских властей выходило, что так как убит русский офицер, то следует казнить несколько поляков. Военный суд приговорил к смертной казни пять человек: Шарамовича, красивого, умного и энергичного тридцатилетнего пианиста, командовавшего восстанием, шестидесятилетнего старика Целинского, бывшего прежде русским офицером, и трех других, фамилий которых я не помню.

Генерал-губернатор телеграфировал в Петербург и просил разрешения смягчить приговор, но ответа не последовало. Он обещал нам не приводить в исполнение смертный приговор, но через несколько дней, не получив ответа из Петербурга, приказал совершить казнь секретно, рано утром. Ответ из Петербурга прибыл почтой, через месяц! Генерал-губернатору предоставлялось «поступить по собственному благоусмотрению».

Пять человек были уже расстреляны.

Мне часто приходилось слышать, что это восстание было безрассудно, а между тем горсть храбрых повстанцев добилась кое-чего. О бунте стало известно за границей. Казни, жестокость двух офицеров, которая раскрылась на суде, вызвали сильное волнение в Австрии. Австрийское правительство заступилось за галичан, принимавших участие в революции 1863 года и сосланных тогда в Сибирь, и некоторые из них были возвращены на родину. Вообще вскоре после мятежа 1866 года положение всех ссыльных поляков заметно улучшилось. И этим они обязаны были бунту, тем, которые взялись за оружие, и тем пяти мужественным людям, которые были расстреляны в Иркутске.

Для меня и для брата восстание послужило уроком. Мы убедились в том, что значит так или иначе принадлежать к армии. Я находился далеко, в экспедиции, но Александр был в Иркутске, и его сотню двинули против поляков. К счастью, командир полка, в котором служил брат, хорошо знал его и под каким-то предлогом приказал другому офицеру командовать отрядом. Иначе Александр, конечно, отказался бы выступить в поход. Если бы я был тогда в Иркутске, то сделал бы то же самое».

Так писал свидетель того времени, очевидец событий.

Власти жестоко расправились с бунтовщиками. Шарамовича, Целинского, Райнера, Котковского и Ильяшевича расстреляли по приговору иркутского военного суда. 249 человек определены на каторжные работы без срока, 60 — отправлены на 25 лет каторги. 95 избавлены от наказания, остальных отправили на поселения в отдаленные места Сибири.

Позднее на месте казни и захоронения руководителей восстания, в пригороде Иркутска, был установлен памятник. И на могиле погибших, на месте последнего боя польских повстанцев с царскими войсками у деревни Мишиха, был поставлен памятник. Эти памятные знаки поставили выжившие соратники восставших.

На месте гибели восставших стоял католический деревянный крест с грудой камней и надписью «Здесь погребены взбунтовавшиеся польские мятежники, убитые во время перестрелки 28 июня 1866 года». За этой могилой ухаживал поляк, живший на станции Мишиха. После его смерти всё пришло в запустение, крест упал, а камни были разбросаны.

В 1966 г., в сотую годовщину этого трагического события, поднимался вопрос о строительстве памятника, но так ничего и не было сделано.

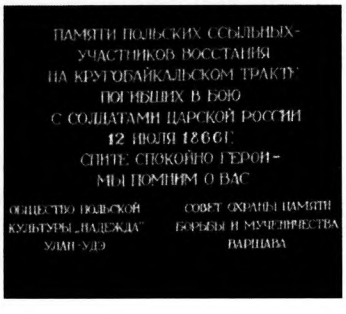
В 1972 году место захоронения было поставлено на всесоюзный учет как «памятник революционного движения ссыльных поляков в Сибири».

В 1993 г. в Улан-Удэ было создано общество польской культуры «Надзея» («Надежда»), которое возглавил Вацлав Владимирович Соколовский. Уже через два года он вместе с местным краеведом М.И.Димовым начал работу по восстановлению памятника на месте гибели польских повстанцев.

В 1999 году председатель «Надзеи» В.В.Соколовский обратился письменно за помощью в варшавский Совет охраны памяти борьбы и мученичества, и через несколько месяцев пришел положительный ответ.

Католический деревянный крест, зацементированный с грудой камней и с мраморной памятной доской в центре, был установлен осенью 2001 года.

На черной доске на польском и русском языках написано:



Финансовую помощь в создании этого памятного знака оказал Совет охраны памяти борьбы и мученичества.

На торжественном открытии в те октябрьские дни присутствовали генеральный консул Польши в Иркутске Станислав Сокул, представители правительства Бурятии, местные власти, дирекция Байкальского заповедника, настоятель римско-католического прихода Святейшего Сердца Иисуса Христа (Улан-Удэ) о. Адам Романюк и члены общества польской культуры «Надзея».

Тогда прошли первый митинг в память о погибших и поминальная месса и были возложены венки от польского генерального консульства в Иркутске и общества польской культуры «Надзея».

Проходят годы, теперь в дни памяти это место постоянно посещают члены польской автономии «Надзея», чтобы поклониться праху героев, погибших на прибайкальской земле.

И прошлым летом приезжали члены «Надзеи» из Улан-Удэ и представители польского генерального консульства в Иркутске. Митинг открыла председатель польской автономии Марина Иванова, потом торжественно прозвучал гимн Польши. Об истории памятника рассказал почетный председатель НКАП «Надзея» Вацлав Соколовский. Слова благодарности произнес иркутский консул Дариуш Павловский.

Выступил и путешественник из Польши Томаш Кшивачевский, который вместе с товарищами в то время был в Бурятии. Эти молодые ребята решили пройти испытания мужеством по маршруту побега смелого поляка Витольда Глинского, описанного в книге Славомира Равича «Долгий марш», — шесть тысяч километров из сталинского лагеря в Якутии через Монголию, Тибет до Индии.

Памятную мессу провел о. Владимир, священник иркутского костела.

К деревянному кресту были возложены венки от польского генерального консульства в Иркутске и от польской автономии «Надзея».

И вдруг неожиданно со стороны Байкала появились темные тучи и пошел дождь. От холодного ветра на большом венке вздрагивали живые белые хризантемы и алые гвоздики, все молчали, и только капли дождя как слезы падали на символическую могилу.

Ясна мне вечность. Всем простор:
Кто даст ее — кто отберет.
Кому подписан приговор —
Тот вместе с именем умрет.

Земля вскипает — вот они, те, кто — уже земля,
Встают пылинка к пылинке, горстка за горсткой.
Они покидают молчание, вспоминая свои имена,
Возвращаются в память людскую, к венкам и речам.

Артур Влодарский

ПОЛЯК, КОТОРЫЙ СПАС СТО ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК

Он изготавливает самые тонкие катетеры в мире. В Европе конкурентов у него уже нет. Он добивается успеха, нарушая каноны бизнеса. При этом спасая людей.

Хочешь быть успешным в бизнесе? Тогда я сэкономлю твое время, которого у тебя, скорее всего, нет. Всё, о чем говорят пособия на эту тему, можно свести к двум советам: надо делать что-то «лучше других» или делать то, чего не делает никто другой. Так, как это сделал Леопольд Пловецкий, который на всякий случай не пренебрег этими двумя советами. Несколько точно просчитанных шагов, и результат не заставил себя ждать — очевидный успех в бизнесе. Так я думал, отправляясь на встречу в варшавскую гостиницу «Бристоль». И что же? Я ошибался. Ошибался не в смысле результатов, а в смысле метода. После долгой беседы с «королем катетеров», как я его про себя назвал, я стал сомневаться в пригодности большинства тех советов, которые можно почерпнуть из пособий. Конечно, вреда они не причинят, но и никаких гарантий дать не могут. Почему? Потому что слишком многое зависит от случая и от везения.

Купейный билет к супружеству

Интересно, как могла бы сложиться его судьба, если бы он в один прекрасный день не сел в поезд Краков—Варшава, или выбрал бы другой вагон, или другое место в вагоне, или вместо «Дамы с камелиями» Александра Дюма вынул бы книгу другого автора. Ибо тогда он мог бы не привлечь внимания сидящей напротив него элегантной дамы — как оказалось, француженки. Результатом этого случайного знакомства стал брак и эмиграция нашего героя в 1971 году.

Интересно, как далеко он смог бы продвинуться, если бы через пять лет его не уволили с работы. Пловецкого обвинили в неудачной покупке оборудования, которое сгорело вскоре после покупки. Пловецкий даже не стал обращаться за пособием по безработице, а обратился к производителю того самого оборудования и предложил выкупить испорченную технику по сниженной цене. Вот таким образом слегка обгоревшая установка Fairex-25/15D стала фундаментом его частной деятельности. Когда в 1977 году он регистрировал свою фирму, то услышал от чиновника: «Имейте в виду, что в департаменте Валь-д'Уаз ежегодно регистрируется 1500 таких фирм. Из них 50 — действуют, остальные — разоряются». Фирма «Balt Extrusion» обосновалась в гараже арендованного дома в небольшом городе Монморанси, расположенном неподалеку от Парижа. Этажом выше в этом же доме жена Пловецкого, ожидавшая второго ребёнка, глотала слезы при мысли о растущих долгах, необходимости выплачивать кредиты и ненадежном будущем. Тем более что направление, на которое сделал ставку ее муж, представлялось ей несколько странным.

Признаюсь, я тоже никогда прежде не слышал о катетерах (которые наши врачи называют также микрозондами) — это такие сверхтонкие трубочки, которые вводят, например, в сердце или в мозг.

— Трубки — это спасение. В больницах их километры. Для капельниц, для переливаний, для анестезии. Чем хуже дела у больного, тем больше втыкают в него трубок. Я занялся тончайшими из самых тонких, — говорит Пловецкий и показывает нечто, напоминающее тоненький, почти в два метра длиной, провод. Только полый внутри.

С помощью такой трубки можно добраться до самых дальних уголков человеческого тела. Вот пример: одна женщина, застилая постель, вдруг ощутила пронзительно острую боль в голове. Тут же ее левый глаз налился кровью. Причина? Лопнула глазничная артерия. Больная попала в больницу. Как можно ей помочь? Сделать трепанацию либо использовать микрокатетер. Его вводят через бедренную артерию вблизи паха и далее по артериальному руслу — до самого мозга, чтобы остано-

вить кровотечение. Это можно сделать двумя способами: либо с помощью клея, либо с помощью платиновой пружинки, которая отсоединяется от кончика катетера и распрямляется. Катетер должен быть настолько жестким, чтобы его можно было легко продвигать, и настолько тонким, гибким и скользким, чтобы не травмировать стенки сосудов, которые при соприкосновении с ним могут сильно сокращаться. Кроме того трубка катетера должна быть прочной на разрыв и выдерживать давление в десять раз больше, чем автопокрышка. Как это всё совместить?

Почти украденный «Magic»

Быстрее всего Пловецкому удалось справиться с миниатюризацией. В 1977 г. он взялся выполнить заказ на катетер диаметром в одну треть миллиметра. Никто прежде не производил ничего столь же тонкого и полого внутри. Тут пригодилось образование инженера точной механики и страсть к конструированию. Пловецкий сам сконструировал головку для своей установки по производству катетеров и инструменты для точной обработки. Спустя несколько месяцев катетер был готов. Его катетер PE rose 1F (внутренний диаметр 0,17 мм, внешний — 0,33 мм) находил покупателей на протяжении десяти лет.

Потом он сумел совместить эластичность с прочностью. Поскольку на рынке не было соответствующих термопластиков, он изобрел собственный. Пурсил обладал прочностью полиуретана и мягкостью силикона. Трубка из этого сплава была готова в 1980 г., что немедленно принесло успех.

Но хитом оказалось нечто иное. Все началось самым невинным образом. Профессор Люк Пикар из Нанси как-то сказал, что идеальной была бы трубка с одной стороны мягкая, а с другой жесткая, ибо тогда легче будет ею манипулировать внутри организма. Для Пловецкого это прозвучало как вызов. В 1987 г. он провел свой первый эксперимент. Наблюдая, как быстро новый катетер достиг основания языка пациента, один из профессоров констатировал: «Это магия». Так был создан король катетеров для зондирования сосудов мозга и одновременно самый знаменитый продукт фирмы «Balt Extrusion». «Magic» вот уже 22 года возглавляет список продаж (1200 — ежемесячно, по 500 евро за штуку). За это время было спасено, по самым общим подсчетам, свыше ста тысяч пациентов.

— Мне повезло, что он оказался таким хорошим, — признаётся Пловецкий.

— Это лучший в мире микрозонд для ангиом (сосудистых опухолей), — подтверждает профессор Роберт Юшкат из Познанского университета. — Он позволяет исследовать сосуды, диаметр которых меньше 0,5 мм.

В отрасли говорят, что «Magic» как Кока-Кола — он всем известен, но никто не знает, как он создается. Кроме автора, естественно. А ведь еще чуть-чуть, и круг посвященных мог бы оказаться шире. Некто Ален Фурер из Марселя решил украсть рецептуру.

— Сначала это были приглашения на обеды, а потом мы просто подружились, — вспоминает Пловецкий. — А Фурер тем временем тайком вербовал моих сотрудников, в том числе начальника проектного бюро и главную бригадиршу. Он украл документацию, она следила за производством. Соблазнившись заработком, они перешли к конкуренту. Однако быстро убедились, что их катетерам не хватает магии оригинала: будучи слишком жесткими, их катетеры с трудом скользили в кровотоке и не очень-то легко добирались до цели.

— Плагиаторы не знали точного состава пурсила. А это особенно строго защищаемый секрет, — говорит Пловецкий.

Спустя три года фирма Алена Фурера обанкротилась.

В это время Пловецкий экспериментировал с трубкой, заканчивающейся баллончиком, который, раздуваясь, раздвигал сузившуюся артерию. Так был создан «Cristal Balloon» — очередной, после «Magic'а», хит фирмы «Balt».

Потом появились более изощренные конструкции: армированные катетеры (выдерживающие давление в 80 атмосфер), скользкие, как угри, гидрофильные катетеры (они потребовали технологий, применяемых в космических исследованиях), а также самые интересные — катетеры, приспособленные для введения стентов во внутричерепную аневризму. Что такое аневризма? Примерно то же самое, что надрезанные тормозные шланги в автомашине. Если они лопнут, а это обычно лишь вопрос

времени, то наверняка в самом слабом месте. Разрыв аневризмы означает внезапное кровоизлияние в мозг с такими последствиями, которые нетрудно предугадать (ежегодно в Польше 1400 человек расплачиваются за это смертью или увечьем). Стенты должны укрепить истонченные сосуды в сердце или в мозгу. Те, что предназначены для введения в мозг, миниатюрнее сердечных. Они имеют форму ажурного кольца, выполненного из нитинола, то есть сверхтонкой проволочки, обладающей памятью (восстанавливает заданную форму). Такое кольцо вставляют в тоненький катетер, а катетер — в тело пациента. Когда катетер достигает цели, из него высвобождается стент, который расширяется до диаметра 2-4 мм. Аневризма, то есть бомба с часовым механизмом, тикающая в голове больного, оказывается обезвреженной. Катетер извлекают, стент остается, пациент отправляется домой. Магия.

А что вы скажете по такому вот поводу? У вашего дедушки или отца (сплюньте три раза!) инсульт. В результате либо может наступить легкий парез, либо человек становится надолго инвалидом, либо умирает (смерть от инсульта — на третьем месте в мире). Спустя всего несколько часов закупорка сосуда тромбом может привести к некрозу окружающих тканей. Если только вовремя не убрать тромб. Как? С помощью катетера, конечно. Catch (ловушка), то есть сверхтонкое устройство по извлечению тромбов, имеет на конце что-то вроде корзинки. Корзинка эта сложена как зонтик. Когда пройден образовавшийся тромб, то зонтик раскрывается и захватывает его, унося с собой. Способ этот новый, но эффективный, — профессор Ален Бонафе из Монпелье спас с помощью такой «ловушки» почти сотню пациентов, перенесших инсульт. Хотя в Польше начинают создаваться центры по лечению инсультов, Национальный фонд здравоохранения пока не утвердил финансирование этой процедуры.

— Мы могли бы делать много подобных манипуляций, но не на что, — говорит проф. Юшкат. — Они эффективны, но каждая стоит более 10 тысяч. НФЗ этого не компенсирует.

Новостью стала также прицельная химиотерапия. Предположим, что (опять сплюнем три раза!) у нас рак печени (то есть 10% надежды прожить пять лет). Если рак не был выявлен на ранней стадии, нас ожидает лучевая терапия, поддержанная общей химиотерапией. Что это означает? Тотальную войну, в которой жертвами становятся не только опухолевые клетки, но и здоровые. Отсюда тошнота, рвота, выпадение волос, снижение иммунитета и подверженность инфекциям. Уничтожая рак, цитостатики разрушают заодно и весь организм. Но ведь можно поступить иначе. Можно устроить массированную атаку исключительно на опухолевые клетки.

Концентрированная доза лекарства — и без столь неприятных побочных последствий. Благодаря микрозонду. Лекарство, введенное с помощью полутораметрового катетера, продлит нам жизнь и повысит ее качество. К сожалению, в Польше этим методом лечат лишь сотню пациентов в год (при более 2,5 тыс. умирающих от рака печени).

«Обама» получает отказ

Разве не странно, что катетеры — вещь, в сущности, столь простая — только в XXI веке сумели ворваться в разные области медицины? Причин тут две. Должна была измениться сама трубка (прежде она не была достаточно тонкой, гибкой и прочной), а также техника слежения за ее продвижением в теле пациента (когда-то прослушивали с помощью стетоскопа ее прохождение через сонную артерию, сегодня у нас имеется картинка в формате 3D). А когда это произошло, интервенционная радиология — новая медицинская специальность, в которой катетеры являются raison d'ętre, — стала наконец приносить солидную прибыль. Поэтому не ничего удивительного в том, что фирма, которая со своим объемом производства катетеров занимает на рынке 10% и экспортирует их в 50 стран мира, оказалась лакомым куском для конкурентов и инвесторов. Первое «предложение, от которого невозможно отказаться» Пловецкий получил еще в 1990 году.

— Это были американцы, — вспоминает он. — Директор по маркетингу фирмы «Target» приехал и сказал, что хочет купить лицензию, ибо на протяжении двух лет 40 его инженеров не смогли создать удачную копию катетера «Magic». Он, видимо, так и ожидал, что в ответ услышит «нет», поэтому вскоре предложил купить всю фирму. За 30 млн. долларов. Я снова отказался.

Пару лет спустя фирму Пловецкого в Монморанси начал посещать переговорщик от фирмы «Boston Scientific», которая поглотила фирму «Target».

— Этот симпатичный человек с внешностью Барака Обамы тоже ничего от меня не добился, — говорит Пловецкий.

Но в самом начале существования фирмы «Balt» дела ее особых надежд не внушали. Чтобы выйти на рынок, Пловецкому пришлось пойти на убытки: первые катетеры он продавал по цене, которая была ниже стоимости сырья. И потом ему долго пришлось ждать появления крупного заказа. В конце концов он получил его от немецкого предприятия, которому нужен был катетер с проходящей вдоль трубки полосой, поглощающей рентгеновские лучи (чтобы было видно, куда движется катетер). Успех предопределило то, что имеет кардинальное значение, но в учебниках по бизнесу тщательно обходится молчанием, — связи. Только благодаря жене, которая работала в «Union des Transports Aériens», Пловецкий сумел получить обедненный уран-238, импортируемый из Нигерии для французских атомных электростанций. Когда заказчик получил от Пловецкого то, что ему требовалось, он значительно увеличил объем заказов. А поскольку у него были торговые представительства по всему миру, то установкам фирмы Пловецкого пришлось работать на максимальных оборотах.

— А ревели они при этом как реактивные двигатели. Они так быстро выплевывали трубки, что возникла проблема, как их принимать, — вспоминает Пловецкий. — Я тогда придумал применять разрежение. А точнее — метод сужения Вентури, с принципом действия которого я познакомился, когда подростком учился на курсах планеризма.

И тут мы подходим к другому важному аспекту, о котором тоже умалчивается в учебниках по бизнесу, — талант. Умение соединить далекие друг от друга на первый взгляд факты, умелые руки и пространственное воображение — это те способности, которые легче развить, чем приобрести. Поэтому мало кто из руководителей представляет в одном лице первооткрывателя, изобретателя и главного конструктора в своей фирме. Это обеспечивало Пловецкому преимущество перед конкурентами, ибо вместо того, чтобы тратить время на объяснение инженерам, что от них требуется, он сам брался за работу. И вскоре получал такую машину или трубку, какая ему была нужна. В 1996 г. в рейтинге предпринимателей фирма «Balt» опередила 136 конкурентов, а ее руководитель получил из рук министра малых и средних предприятий «Серебряную пальму» за результаты в области изобретательства и экспортной стратегии.

Однако важнейшим своим достижением он считает то, что ему вообще удалось удержаться в этой отрасли:

— Те компании, которые хотели купить фирму «Balt», разорились или были поглощены, и сегодня от них не осталось и следа. Во всем мире осталось всего лишь семь игроков, а в Европе работаем уже только мы.

Каким чудом он удержался? Во-первых, потому что в этой отрасли нет японцев («они могли бы разогнать по углам всех конкурентов»), а во-вторых, он один из немногих не поддался мании величия. Пловецкий не вкладывал средств больше, чем нужно, не брал кредитов, не выводил фирму на биржу, не раздувал штаты. И хотя размер площадей, на которых работала фирма «Balt», возрос с 60 до 5100 кв. метров, количество работников никогда не превышало 80 человек.

— Мы как моторная лодка, снующая вокруг больших кораблей. Наши козыри — это скорость и креативность. И если рынок выдвигает новые требования, мы меняем курс буквально за один день.

Еще в 90-е годы Пловецкий заказал компьютерную программу, которая анализировала статистику продаж и ежемесячно выявляла 20 лучших изделий. А также просчитывала объем продаж во Франции и не только. Благодаря этому Пловецкий мог буквально в текущем режиме корректировать объем производства и торговли.

Ремесленник глобального масштаба

Но были и промахи. Главным образом в маркетинге. Когда Пловецкий узнал, что у президента Бориса Ельцина в артериях четыре стальных стента, ему в голову пришла идея изготавливать эксклюзивные платиновые стенты. Таких еще не было. В 1998 г. он купил в Германии оборудование и начал борьбу с материалом (обрабатывать платину гораздо труднее, чем сталь). В 2001 г. он запустил производство.

Но его стентом «BOA-Platinium» не заинтересовались ни российские политики, ни даже мафиози, тем более что, как оказалось, стальные стенты более пружинисты и поэтому лучше защищают коронарные сосуды.

Еще раньше он отказался от продажи катетеров «Magic» в США. Одной из причин стала астрономическая стоимость страховки, а также риск возбуждения гражданских исков. А неудачные случаи редко, но происходили. Особенно во время манипулирования в мозгу микрозондом, наполненным клеем. Бывало, что вместо того, чтобы заклеить поврежденный сосуд, клей изливался в здоровый, что приводило к смерти пациента. Еще чаще случалось, что трубка склеивалась с тканью мозга. Чтобы такой увязший катетер можно было удалить (попытки его выдергивания обычно заканчивались катастрофой), Пловецкий придумал модель с аварийно отделяемым наконечником. Он бился над этим десять лет. Только Николай, сын Леопольда, доработал детали. Так был создан «Sonic» — катетер с гарантией безопасности.

Неплохо функционирует и фирма «Balton», которую Пловецкий учредил в Варшаве еще в 1980 г., чтобы, по его словам, снять нагрузку с фирмы «Balt» и вернуть свой моральный долг Польше (он приезжает сюда несколько раз в год). Как только фирма встала на ноги, он передал руководство ею в руки брата Эмиля, который по сей день ее возглавляет и на которой работает 400 человек. Сам Леопольд Пловецкий довольствовался ролью консультанта.

— Я не менеджер, — говорит он. — Скорее ремесленник с тягой к конструированию.

О многогранности его таланта свидетельствует самый известный продукт фирмы «Balton» — внутриматочная спираль «Омега». Дебют короля катетеров в области контрацепции сразу оказался успешным, в том числе и на экспорт...

— Встречались ли вы с проблемой, которая была бы вам не по силам? — спрашиваю я уже с некоторым нетерпением.

— В принципе нет. Хотя были и такие, которые требовали чуть побольше времени.

Когда вы всё это читаете, у вас не возникает раздражения? Вас не раздражают люди, которым всё удается? Именно так. Известно же, что, погружаясь с головой в работу, забывая о семье и близких, пренебрегая ежедневными обязанностями, действительно можно достичь большего.

— Я, по-вашему, трудоголик? — Пловецкий делает большие глаза. — Разумеется, я люблю решать проблемы, но не за счет сна или других удовольствий (он очень любит играть на скрипке и занимается живописью). Если хочешь быть креативным, надо быть отдохнувшим. Когда я приехал во Францию, то долго не мог привыкнуть к их рабочему ритму. Конечно, у них есть перерыв на ланч, но они работают не до трех дня, а до шести вечера! Это было ужасно. Они крутятся вовсю, а я валюсь с ног.

Гм, просмотрев позднее с дюжину учебников, в которых говорится о том, как добиться успеха в бизнесе, я не нашел ни в одном из них примера для подражания по типу Пловецкого. Может быть, их авторы считают, что подобный пример не вселяет надежду на то, чтобы стать человеком успешным? И лишь Бодо Шефер в своей книге «Первый миллион за семь лет» замечает, что «можно зарабатывать тем больше, чем меньше людей занимается подобным твоему делом», и вот это — хоть тут нет никакого открытия — всё же как-то подходит к примеру Пловецкого с его катетерами.

Несколько разочарованный, я на следующий день делаю звоню нашему герою и спрашиваю, что бы он посоветовал возможным подражателям. И он, на минутку задумавшись, отвечает: «Жизнь дает шанс каждому, но не всякий это заметит. Не всякий обладает достаточной интуицией и решимостью, чтобы вовремя этот шанс заметить и использовать. Обладание этим умением мы часто путаем с везением».

Вот и вся магия...

gazeta WYBORCZA

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Начало года отмечено бурной дискуссией о книге, которую никто, за исключением немногих избранных, еще не читал, так как в книжные магазины она поступит только в марте. Речь идет о «Золотом урожае» Яна Томаша Гросса, живущего в США социолога польско-еврейского происхождения. Как и в предыдущих работах — «Соседи. История уничтожения еврейского местечка» о погроме в Едвабне в 1941 г. и «Страх. Антисемитизм в послевоенной Польше. История морального крушения» — Гросс поднимает вопрос болезненных польско-еврейских отношений. Главной темой его новой книги стало разграбление поляками братских могил евреев, убитых нацистами, поиск ценностей в прахе, присвоение оставшегося после евреев имущества. А также позиция католической Церкви по отношению к евреям во время гитлеровской оккупации и сразу после войны. Участники дискуссии о «Золотом урожае» на 2-м канале Польского телевидения напоминали, что поляки составляют самую большую группу среди Праведников народов мира, но и то, что немало было шкурников, которые выдавали немцам скрывающихся евреев.

Достоинства труда Гросса отметил, например, депутат Анджей Целинский (Союз демократических левых сил):

— Среди поляков не одни лишь орлы, но также стервятники, гиены и шакалы. Очень важно знать, как складывалась история народа, и осознавать, что было плохо, что приводило к позорным вещам.

Другие упрекали автора «Золотого урожая». Главным образом, за укрепление антипольских стереотипов, за профессиональную несостоятельность. Петр Гонтарчик, историк из Института национальной памяти, сказал:

— Ян Томаш Гросс никакой не ученый, он совершенно безответствен в своих высказываниях, манипулирует источниками и допускает очевидные фальсификации.

На канале «Польсат» высказался о. Адам Бонецкий, главный редактор «Тыгодника повшехного»:

— Споры вокруг книг Гросса всегда столь насыщены эмоциями, потому что разрушают определенные стереотипы мышления поляков о самих себе. Можно сердиться на преувеличения и безответственность, в которых упрекают Гросса историки. Но он стимулирует поиск важных ответов, и это важнее.

А Томаш Лис, главный редактор еженедельника «Впрост», в статье «Наша Гросс-проблема» отмечает: «Чистота совести — это не ее забвение. Амнезия не может быть сестрой здорового национального самочувствия. Лицемерие — не сестра гордости. На алтарь непоколебимого патриотизма нельзя возлагать искусственно выбеленные листы нашей истории. Я понимаю, что Польша, Христос Народов, не может быть страной, бурлящей шкурниками, канальями и всякой накипью, но что поделать, если в реальной Польше их было так много. Если мы стремимся — и обычно, как в случае с Катынью, справедливо стремимся — к тому, чтобы другие признали свою вину, мы не можем игнорировать собственную. Ущербен патриотизм, переполненный гордыней и хронически неспособный ощущать стыд. Пришло время повзрослеть, отбросить двойные стандарты и привыкнуть к мысли, что мы не всегда были жертвами».

» — Мы любим думать о себе как о непорочном дитяти Европы, как о нации угнетаемой, предаваемой, проливающей кровь за других. Божена Уминская-Кефф разрушает этот наш красивый, но далекий от правды фундаментальный миф, — отметил Ян Клята в интервью «Газете выборчей». 6 января режиссер показал в Польском театре во Вроцлаве премьеру «Произведения о Матери и Родине» Божены Уминской-Кефф (инсценировка книги, выдвигавшейся на литературную премию «Нике» 2009 года). «Произведение о Матери и

Родине» — это групповая психотерапия нации, охваченной навязчивым состоянием траура, страдания и жертвенности. «Ян Клята устраивает африканский ритуал, лечит от польского высокомерия ритмом, музыкой и насмешкой, — пишет на страницах «Газеты выборчей» Иоанна Деркачев. — Режиссер показывает в своем спектакле Польшу как страну людей, у которых черные траурные платья приросли к коже, превратив их во «вселенских негров», вечных невольников, которые неизбывно жаждут спасения от вездесущих врагов».

«Клята обратился к этому тексту как к оружию, чтобы призвать к восстанию от имени тех, чью свободу подавляют три захватчика: семья, родина и мартирология», — написал Яцек Цесляк в «Жечпосполитой» в рецензии «Кошмар польской гражданской войны». Все, кто видел вроцлавскую постановку Кляты, отмечают: сильный спектакль.

» 17 января в краковском королевском замке Вавель президент Бронислав Коморовский наградил Виславу Шимборскую орденом Белого Орла — высшим орденом Польши. Президент вручил высокие государственные награды тридцати деятелям культуры. Среди награжденных — артисты Януш Гайос, Кристина Янда, Анна Полоны, Майя Коморовская и Ежи Треля, режиссеры Ежи Сколимовский, Ян Якуб Кольский, Марцель Лозинский и Кшиштоф Краузе, джазовый музыкант Влодзимеж Нагорный, певица Тереса Жилис-Гара, художник Леон Тарасевич, историк искусства Анда Роттенберг.

— Иначе никак не удалось бы выразить нашу благодарность, — сказал президент, обращаясь к Виславе Шимборской, — кроме как здесь, в Вавеле, от имени всей свободной Польши вручить нашему нобелевскому лауреату этот орден. Хочу отметить присутствие пани Вислявы на этом торжестве, поскольку известно, как трудно уговорить ее участвовать в мероприятиях в ее честь.

Вислава Шимборская получила Нобелевскую премию по литературе в 1996 году. В обосновании своего вердикта члены Шведской академии написали, что премия присуждена «за поэзию, которая с предельной точностью описывает исторические и биологические явления в контексте человеческой реальности».

» Премия «Варшавское литературное событие января» присуждена Ярославу Марку Рымкевичу за книгу «Самуэль Зборовский» (издательство «Sic!»). ««Самуэль Зборовский» — это завершение неформальной трилогии, к которой следует отнести «Вешанье» и «Kinderscenen», — написал в «Политике» Кшиштоф Цеслик. — Хотя эти книги и касаются совершенно разных исторических реалий, в них содержится попытка ответить на один и тот же вопрос: «Что такое польский дух? Каков его главный элемент? Что его определяет?» Наиболее полный ответ Ярослава Марека Рымкевича содержится как раз в «Самуэле Зборовском». Эта таинственная сущность — свобода, которую историческая фигура Зборовского, воспетая в знаменитой метафизической драме Юлиуша Словацкого». Другие критики прямо говорят: в новой книге Ярослав Марек Рымкевич, приверженец Ярослава Качинского, сторонник деления народа на «свободных поляков» и «обезьяньих поляков» внешне обращается к истории XVI века, а по сути пишет злободневную политическую публицистику.

» Хотя литературные премии по-прежнему не обходят Рымкевича стороной, следует, однако, отметить, что внимание правых публицистов к поэту несколько ослабло. На страницах «Жечпосполитой» (недавно еще невозможно было представить!) высказались о Рымкевиче без особого энтузиазма Петр Скветинский («Гроб с окошком»), Павел Лисицкий («Польша во власти пиита») и Лукаш Важеха. Последний констатирует: «Проблема с Рымкевичем состоит в том, что его слова выталкивают из польской публичной жизни и так едва в ней сегодня присутствующий элемент рациональности, спокойной рассудительности, расчета». Лисицкий же все более отмежевывается: «Извините, но сегодня слова Рымкевича представляются мне свидетельством фрустрации и раздражения. Конечно, они подпитывают неудовлетворенные претензии, но силы Польше не добавляют». Разве лишь Томаш Сакевич, главный редактор ультраправой «Газеты польской» всё еще защищает Рымкевича как лев. Считает его рыцарем. А остальные — это попутчики.

» 6 января в Концертной студии Польского радио состоялся специальный концерт «Услышь Белоруссию — культура против диктатуры». В

программе прозвучала поэзия сидящего в тюрьме Владимира Некляева в исполнении актера Адама Ференци и в переложении на музыку. Специально к этому событию скульптор Анджей Понговский подготовил плакат и значок.

» 14 января министр культуры Богдан Здроевский вручил российскому дирижеру Валерию Гергиеву золотую медаль за заслуги перед культурой «Gloria Artis», присуждаемую в знак особых достижений в художественном творчестве и культурной деятельности.

» Анджей Северин, один из самых известных польских актеров (у него постоянный ангажемент в «Комеди Франсез» в Париже) принял 1 января руководство варшавским Польским театром. Эта сцена, когда-то знаменитая, в последние годы была символом застоя и анахронизма. Новый руководитель должен наполнить старые стены свежим воздухом. На 2011 год Северин заявил 11 премьер, начав 15 января «Счастливыми днями» и «Концом игры» Беккета в режиссуре Антония Либеры. Ожидаются также Шекспир, белорусский диссидентский театр и мюзикл «Моя прекрасная леди».

» Мариану Котиняку, одному из крупнейших польских актеров театра и кино, 11 января исполнилось 75 лет. Многие годы он был связан с варшавским театром «Атенеум». Сегодня сотрудничает с Театром на Воле. Играл более чем в 30 фильмах, зрителю прежде всего полюбился как Франек Доляс из комедии «Как я развязал Вторую Мировую войну».

» 16 января исполнилось 70 лет Эве Демарчик — певице, многие годы связанной с краковским «Погребком под Баранами», выдающейся исполнительнице польской поэзии, в том числе произведений Камиля Кшиштофа Бачинского, Мирона Бялошевского, Болеслава Лесьмяна, Юлиана Тувима. Юбилей прошел тихо. Торжественных концертов не было, так как сама звезда уже несколько лет их не дает и не показывается на публике. Разве что в «Фейсбуке» был помещен видеофрагмент выступления Эвы Демарчик 1970 г. («Цыганка» на стихи Осипа Мандельштама в переводе Ежи Помяновского и на музыку Анджея Зарицкого) со следующим комментарием: «Сегодня 70 лет Эве Демарчик, вчера — 120-летие Осипа Мандельштама, 3 дня назад исполнилось 90 Ежи Помяновскому. А «Цыганка» до сих пор непревзойденна. Пани Эва, пан Ежи, многих вам лет!»

(*От редакции:* Отметим, что в 120-летие со дня рождения Мандельштама в русском сетевом «Живом журнале» тоже появились видео со стихами Мандельштама в исполнении Демарчик: кроме «Цыганки» — «Жил Александр Герцович» в переводе Виктора Ворошильского.)

» В варшавском Зале конгрессов в конце декабря прошла премьера рок-оперы «Крестоносцы» по мотивам исторического романа Генрика Сенкевича (экранизированного Александром Фордом в 1960 году). История борьбы польского рыцарства с орденом крестоносцев в XV веке стала фоном по-современному представленной любовной драмы. В этой первой за многие годы польской рок-опере выступили актеры и вокалисты популярных ансамблей, например Павел Кукиз из группы «Перси», Мацей Бальцар из группы «Джем» и Артур Гадовский из группы «IRA». Либретто написал Яцек Корчаковский, а музыку сочинил Адриан Филип Табенцкий. Спектакль рекламировали как сенсационное музыкальное событие минувшего года. Но такого впечатления, как когда-то «Jesus Christ Superstar», постановка не произвела.

» «Паспорта «Политики»» 2010 года — премии для молодых и дебютирующих творцов — были вручены 18 января во время торжественной церемонии в варшавском Большом театре. Лауреатами стали: по литературе — Игнаций Капрович за роман «Балладины и романы»; кинематограф — Павел Саля за фильм «Мать Тереза от кошек»; театр — Павел Демирский и Моника Стшемпка за спектакли «Жил-был Анджей Анджей Анджей и Анджей» и «Да здравствует война!!!»; визуальные искусства — Войцех Бонковский (псевдоним WuEsBe); академическая музыка — Виолетта Ходович за партию Кати Кабановой в опере Яначека; популярная музыка — Мацио Моретти (Мацей Морусь). Специальную награду «Создатель культуры» получил Тадеуш Ружевич — за верность поэзии и себе на протяжении нескольких эпох, за обращение к вопросам, включившим польскую литературу и театр в европейскую дискуссию о

главном в опыте современного человека. Поздравляя награжденных, президент Бронислав Коморовский выразил уверенность, что польская культура, даже если она сейчас переживает определенные трудности, — «это наш коллективный паспорт, позволяющий почувствовать себя гражданином интересной, привлекательной, прекрасной Европы».

По мнению комментатора «Газеты выборчей», «Паспорта «Политики»» достались критикам капитализма: «Лауреаты критически высказываются о польской действительности. Большинству из них нет сорока, они взрослели в свободной Польше, однако на капитализм и свободный рынок смотрят критически, глазами тех, кто не достиг экономического успеха, — жителей пригородов и малых городов».

Прощания

» 3 января в Варшаве в возрасте 83 лет умер профессор Адам Сикора — выдающийся философ, связанный с варшавской историко-философской школой, к которой принадлежали, например, Лешек Колаковский, Бронислав Бачко и Ежи Шацкий. Профессор Сикора — автор многих ценных научных и литературных трудов, книг о польских философах периода романтизма («Товянский и дилеммы романтизма») и о первых социалистах (Фурье, Сен-Симоне). Самая известная его работа — «Встречи с философией. От Гераклита до Гуссерля». Пять лет назад вышла автобиографическая книга профессора Сикоры «Между вечностью и временем» — сборник философских эссе на тему Иова, о романтической концепции времени и вечности, об увлекающей силе марксизма и собственной коммунистической ангажированности в молодости.

» 4 января в Варшаве на 78-м году жизни скончался Ежи Станислав Сито — поэт, драматург, переводчик и критик. Он был знатоком елизаветинского театра, переводил главные произведения Шекспира. Дебютировал в 1954 г. стихотворением «Отлеты» в издававшемся в Лондоне ежемесячнике «Жиче академицке». Принадлежал к лондонской поэтической группе «Континенты». Вернувшись в Польшу, работал как литературный руководитель столичных театров и театральный рецензент. Неоднократно выезжал с лекциями в американские и канадские университеты. В 1991 г. был назначен послом Польши в Дании.

— Он был редкой птахой в нашем поколении, джентльменом до мозга костей, — сказал Эрнест Брыль, напоминая, что Ежи Станислав Сито вернулся в Польшу из эмиграции в конце 50-х. — У него можно было поучиться элегантности, что для нас, воспитанных во времена хамства и грубости, имело необычайную ценность.

— Переводы Ежи Сито были своего рода первым современным польским Шекспиром, — считает знаток ренессансной драматургии профессор Ярослав Коморовский. — Шекспиром, говорящим современным языком, языком современной поэзии, а если было нужно, то и языком улицы, но не вульгарным, а поэтически преобразованным, то есть точно таким, как у самого Шекспира.

» 7 января в Варшаве умер Кшиштоф Кольбергер, популярный актер театра и кино. Ему было 60 лет, и почти двадцать лет он боролся с тяжелым онкологическим заболеванием. Кольбергер играл в «Контракте» Кшиштофа Занусси, «Эпитафии для Барбары Радзивилл» Януша Маевского, «Польской кухне» Яцека Бромского и «Пане Тадеуше» Анджея Вайды (в роли Адама Мицкевича). Выступал на сцене варшавского Национального («Народового») и Современного («Вспулчесного») театров, театра «Атенеум». Еще молодым актером сыграл в Национальном театре много романтических ролей, в том числе в «Дзядах», «Истории Вацлава» и «Свадьбе». Заслуживают внимания его актерские работы в спектаклях «Как только зацветут яблони» и «Вкус черешни» Агнешки Осецкой. Сыграл также много серьезных ролей в спектаклях Телевизионного театра. Был выдающимся чтецом поэзии, например Чеслава Милоша, Циприана Камиля Норвида, Юлиуша Словацкого, Кароля Войтылы. Его характерный голос знала вся Польша — на волнах Польского Радио он незабываемо читал любовную поэзию в цикле «Строфы для тебя». Кольбергер создал прекрасный образ во время концерта, посвященного памяти Иоанна Павла II, читая юношеские стихи Кароля Войтылы. Он прочел также завещание Папы во время траурной церемонии в 2005 году. И это считал одним из своих главных актерских достижений.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Всего за 238 злотых (дешево, даже очень) любой может купить подборку современной российской прозы, изданную варшавским еженедельником «Политика». Серия состоит из 15 книг: А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича», И. Бабель «Конармия», А. и Б. Стругацкие «Улитка на склоне», В. Сорокин «Очередь», И. Ильф и Е. Петров «12 стульев», В. Набоков «Приглашение на казнь», В. Пелевин «Generation P», М. Булгаков «Белая гвардия», И. Бунин «Жизнь Арсеньева», И. Эренбург «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца», Т. Толстая «Кысь», В. Войнович «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», А. Платонов «Котлован», М. Агеев «Роман с кокаином», М. Зощенко «Веселая жизнь». Как видим, говорить о новинках, в общем-то, не приходится — здесь преимущественно классика, с произведениями которой, по совету отца, я подружился еще подростком. Впрочем, хорошо и это, но всё же хотелось бы больше самых новых книг. Будет кстати вспомнить, что фундаментальная библиография подпольных публикаций 1976-1989 гг. «Без цензуры» Ежи Кандзёры и Зиты Шиманской (1999) включает без малого 500 названий из русской литературы, и это свидетельствует о том, что контакт с нею всегда оставался в Польше чрезвычайно оживленным. Сегодня, к сожалению, большинство авторов попадает на польский рынок кружным путем, т.е. после успеха на Западе. Но это, в общем-то, показатель состояния нашей русистики, преимущественно остающейся доменом «прежних людей». Уместно напомнить, что за последние десятилетия мы дождались трех фундаментальных антологий польской поэзии в России (силой переводческого энтузиазма Натальи Астафьевой, Владимира Британишского и Андрея Базилевского), но уже давно мы без особой надежды ожидаем (если не считать очень личной книги Виктора Ворошильского «Мои русские», которая почти десять лет не могла найти издателя) аналогичного труда польских переводчиков, который мог бы начертать по возможности богатую панораму русской лирики последнего двадцатилетия. Несколько утрируя, поскольку всё же с переводами не так уж скверно, можно сказать, что наша русистика по-прежнему вращается в кругу тем «Пушкин и Мицкевич, или Мицкевич и Пушкин и что из этого следует».

В последнем номере «Политики» (2011, №1-2) Здислав Петрасик так рекомендует в рецензии под названием «Семья Турбиных» роман Булгакова «Белая гвардия»:

«Минуло еще несколько десятилетий, и можно повторить: ничего не устарело. Великая литература, великий роман. «Белая гвардия» показывает семью Турбиных в особый исторический момент, что подчеркивается первыми абзацами, выдержанными в библейском, высоком слоге. Этот Город, имя которого не называется в книге, — Киев, где Булгаков провел детство и молодость. После учебы он практиковал по своей специальности врача-венеролога, как и один из главных героев романа — Алексей Турбин. (...) Разговоры становятся всё более тревожными. Город погружается в хаос, неизвестно, у кого власть, кто враг, кто свой. Добровольцы, среди них Турбины, вступают в военные отряды, чтобы затем поспешно срывать погоны и переодеваться в гражданское. Бывалые офицеры впадают в панику, хотя некоторые демонстрируют и примеры героизма. В феврале следующего года семья Турбиных, вместе с друзьями из своего круга снова собралась за столом. Всё почти так же, как прежде, только на столе нет роз, а ни у кого из мужчин нет погон. Но всё же один из гостей говорит о тех, кто уже стоит у врат Города (...). Они непременно придут. Но из романа мы уже не узнаём дальнейшую судьбу семьи Турбиных».

Что ж, эти судьбы нам так или иначе известны.

Между тем я с интересом просматриваю публикации, которые, возможно, открывают новую перспективу для польской русистики. Недавно обратил внимание (в «Литературе на свете» — «Литературе в мире» — и в краковской «Декаде литерацкой») на два прекрасных фрагмента книги о поэтическом языке Велимира Хлебникова, принадлежащих перу Иоанны Муэллер, одной из интереснейших поэтесс молодого поколения, которая сама экспериментирует с языком в своих стихах, удивительным образом объединяя архаический польский с языком сегодняшнего дня. Книга обещает быть вдохновляющим открытием. Но это, разумеется, не всё. В журнале «Одра» (2010, №11) мое внимание привлек очерк Богу-

слава Жилко «На взгляд Юрия Лотмана. Принцип ансамбля в искусстве и культуре», представляющий собой фрагмент подготовленной к печати книги «Культура и семиотика. Семиотика тартуско-московской школы». Излагая теорию Лотмана, автор пишет (я приведу только этот отрывок как пример поисков, а затем не стану цитировать тексты Лотмана, чтобы не вынуждать переводчика моего обзона «переводить на язык оригинала» или вести розыски в библиотеке):

«Лотман напоминает поговорку древних греков: «Музы ходят хороводом». Это значит, что, хотя у каждой из муз было имя, свой образ, атрибуты, искусство составляло ансамбль разных, но взаимно необходимых видов художественной деятельности. Непосредственная связь вещей, которой требует ансамбль, передает наиболее естественную ситуацию, в которой должны бытовать произведения искусства. Они создавались не для музеев, обычно собирающих произведения определенного рода, а для конкретного потребителя, который включал их, в соответствии с собственным вкусом и текущей модой, в свое личное пространство. Осознанно скомпонованное пространство можно воспринимать как созданный на определенном языке сложный гетерогенный текст («модельную композицию»), который многое говорит и о владельце. Главной проблемой представляется эта таинственная связь вещей, разного вида и жанра произведений (вдобавок происходящих из разных временны*х* срезов), размещенных в едином пространстве. Лотман подчеркивает именно это жанрово-видовое разнообразие; однотипные в историческом и стилистическом отношении интерьеры представляются монотонными, даже скучными. Одни связи (например, интерьер зала в барочном дворце и камерный оркестр, салон XIX века и фортепьяно, современная квартира и телевизор) кажутся более органичными, другие — менее (например, камин в многоквартирном доме). Изменение этих связей можно признать одним из показателей эволюции интерьера (и одновременно всей культуры), а одно из направлений можно назвать, развивая приведенный пример, — «от дворцового театра до домашнего кинотеатра». Этот пример раскрывает еще один аспект теории интерьера. Дело не только в соответствующем размещении мебели, картин и скульптуры. Домашняя сцена интериоризовала театральное искусство, фортепьяно — музыку, библиотека — поэзию. (...) Принцип ансамбля организовывал также внешнее пространство. Взгляд извне принимается во внимание также при компоновке пространства, замкнутого стенами. Готический замок на господствующей над окрестностями вершине или фасад ренессансного дворца рассчитаны на восприятие снаружи. Лотман (...) пишет о намерении итальянского живописца Доменико Гирландайо покрыть фресками внешние стены Флоренции. В этом случае создавался бы идеальный общий образ, который приветствует пришельца еще до того, как тот вошел в город. Сады и парки вместе с резиденциями образуют целостность, воплощающую идею ансамбля. Интересно, что сад с аналогичным значением «разнообразия в единстве» функционирует также в литературе — как название сборника текстов разнообразного содержания».

В Польше, как мне кажется, мы переживаем — во всяком случае, в некоторых кругах гуманитариев — усиление или возрождение интереса к работам Юрия Лотмана. Ex Oriente lux? Не исключено — тем более что постмодернистская теоретическая мякина с Запада потихоньку начинает надоедать (хотя я не утверждаю, что она лишена ценности). Лотман, безусловно, уже классик, но, как это бывает с классиками, недочитанный. Представляется, что эта заинтересованность имеет свой важный контекст: обращение к русскому авангарду, на основе которого, хотя и не непосредственно, развивалась тартуская школа. Доказательство тому, помимо уже упомянутой работы Муэллер, очерк Дануты Улицкой «Как был сделан термин «сделанный»? На периферии аналитической живописи Павла Филонова», напечатанный в варшавском журнале «Твурчость» (2010, №12/). Автор обращается к русскому термину «сделанность»:

«Мы хорошо его знаем — почти исключительно из канонических работ Шкловского и Эйхенбаума. Обычно в польском языке он трансформируется в прилагательное «сделанный» и кажется очень простым. Произведенный от слова обыденной речи, в отличие от иных терминов формалистов («установка», «прием остранения», «дезавтоматизация»), он, казалось бы, не требует комментария. Он не вызвал также переводческих проблем, в отличие от сильно укорененного в русской генологической культуре «сказа» или с трудом поддающейся переводу на польский «самосодержательности формы». И в отличие от иных связанных с формализмом терминов, которые вошли в международный словарь литературоведения XX века, он не вызывал заинтересованности исследователей. Термин преимущественно использовался в работах петербургских формалистов — и у «старых» членов-учредителей ОПОЯЗа, и у их учеников и продолжателей, так называемых младоформалистов (Лидии Гинзбург, Бориса Бухштаба, Вениамина Каверина, Николая Коварского). Москвичи остались к термину равнодушными. (...) Понима-

ние творчества как производства, а автора как производителя представлено прежде всего в созвучии с основополагающим для формалистов текстом — «Воскрешением слова» Шкловского. Этот текст отличается как от первоначального варианта доклада под условный названием «Воскрешение вещей», прочитанного в декабре 1913 г. в кабаре «Бродячая собака» в присутствии друзей — художников и поэтов, так и от варианта, опубликованного годом позже, уже под названием «Воскрешение слова», который подхватили приятели-литературоведы московско-петербургского «скандалиста». Хотя в этом выступлении Шкловского термин «сделанность» еще не появляется, но его предвосхищают два других: «прием остранения» и «дезавтоматизация». «Дезавтоматизация», которой должны были служить «сделанные» художественные произведения, с очевидностью противостоит производственнической интерпретации сделанности. Конструктивистско-производственническое прочтение не охватывает и концепцию языка Велимира Хлебникова — бесспорно, главного поэта футуризма и главного героя изысканий формалистов. Упускается главный аспект: религиозно-мистический поиск праязыка, обнаружить и возвратить который — вот что должно гарантировать обновленную (дезавтоматизированную) картину мира, как согласно концепции Хлебникова, так и по Шкловскому. Восторженным поклонником Хлебникова, который подготовил к печати сборник его заумных стихов, был Павел Филонов. Он снабдил издание литографированными иллюстрациями, отсылающими к народной традиции лубка, архаической сибирской скульптуре, древнерусской иконе, в полной мере подкрепляя принципы и источники заумной речи. Именно в работах Филонова — в его живописи, в сопутствующих ей теоретических построениях, в его издательской, педагогической, театрально-сценографической работе, а также в его собственной заумной поэме следует искать значение термина «сделанность»».

Трудно изложить всё эссе — я привел только начальный его фрагмент. А из завершения стоит привести замечание, касающееся связи искусства с политикой.

«Случай Филонова — это предупреждение, выразительно свидетельствующее о возможности случайного сближения эстетической и политической идеологии и поверхностном, сугубо вербальном характере связи между ними. Искушений для их объединения достаточно. Слова, употребляемые в эстетике, в науке и в политике, могут указывать на идейное родство. Филоновский «коллектив», пусть и выведенный из «соборности» и «общего дела» Федорова, имеет ту же форму, что и «коллектив» советский. Филоновская религиозная идея «труда» оказывается созвучной государственному культу, идея преобразования материи — «диалектическому материализму», а вера в разум, способный руководить вселенским развитием, — соотносится со «строительством нового мира». То же касается «футуристического интернационала» Крученых и «интернационала ученых» Вернадского: названия говорят сами за себя. И многие формулировки космизма опасно напоминают имперско-националистические интерпретации «русской идеи». Даже специфические фонологические поиски Николая Трубецкого дали ему основания для евразийского проекта, рассматриваемого (по сей день) как пример великодержавности и колониализма».

В завершение хочу привести несколько фраз Адама Даниэля Ротфельда, сопредседателя польско-российской Группы по трудным вопросам, из интервью, напечатанного в уже упоминавшемся номере «Одры» под заголовком «Исчезающие империи. Отношения России и Польши»:

«Понимание, что поляки, как и русские, страдали от советской коммунистической системы и что именно эта система несет вину за совершённые преступления, включается в канон знаний, представленный в школьных учебниках и во всех воспитательных мероприятиях. Если же говорить о конкретных действиях, то сейчас пришло время в массовом масштабе развивать контакты между молодежью, поддерживать контакты людей культуры, творческих кругов. Такие контакты существовали, но были прерваны, ограничены или минимизированы. Российские фильмы пользуются в Польше большим успехом, но их практически нет в кинотеатрах. То же касается театра, музыки, литературы. Произведения молодых польских авторов не добираются до российской молодежи — и наоборот». Добавлю от себя: кончено, я и сам бы с удовольствием развил контакты, но, как только подумаю о формальностях, связанных с получением визы, мой энтузиазм угасает. Что же до тартуской школы, то, вычитывая свой текст, я обнаружил, что компьютер автоматически изменяет написание на «картузскую школу», что вызывает у меня желание дезавтоматизировать эту чертову машину и, кстати, пригласить уважаемых читателей в Картузы, чудесный кашубский городок в Поморье. Идеальное место для спокойного отпуска.

Иван Иванов

СЕМЬЯ КОНТСКИХ

На моем рабочем столе, всегда под руками, двухтомная книга «Трагедия народа».

Это книга памяти жертв политических репрессии. Трагедия, которая обрушилась на наш марийский народ, уничтожив весь его цвет, богатство и достояние всей нации, рабочих, крестьян и интеллигенцию, — всех, кто был трудолюбив, талантлив, образован и в то же время неугоден, опасен, позволял себе критиковать, возмущаться политикой Сталина.

Уничтожающий каток репрессий не разбирал ни национальности, ни происхождения, ни социального положения, ни образования, ни места работы, ни возраста.

Механизм репрессий был прост и страшен одновременно. Существовавшая в те годы ст.58 УК с 14 пунктами давала право определить очень суровую меру наказания. Работа следствия и судов заключалась в «выбивании» признаний по представленным обвинениям и применении наказания — вплоть до расстрела.

В противном случае работников следственных органов и судов самих ожидала участь обвиняемых и осужденных.

Внимательно изучая поименный список репрессированных жителей республики (их было около 10 тысяч), я обратил внимание на фамилии уроженцев Крымской, Львовской, Белостоцкой стороны, Вильна, Гродна, Кракова, Варшавы. Только поляков в нашей республике было репрессировано около ста человек. Из них в книге «Трагедия народа» названы четверо с одинаковой фамилией Контские. Вот они:

1. Контский Мартын Аполлинарьевич, 1856 г.р., уроженец Варшавы, поляк, пенсионер, репрессирован 6 июня 1931 г., три года ссылки.

2. Контский Фаддей Мартынович, 1885 г.р., уроженец Минска, поляк, врач санчасти НКВД, репрессирован 2 июля 1938 г., пять месяцев предварительного заключения.

3. Контский Бронислав Мартынович, 1891 г.р., уроженец Царевококшайска — ныне Йошкар-Ола, столица Республики Марий Эл, поляк, лесной техник, в первый раз репрессирован 6 июня 1931 г., три года ссылки. Снова арестован и расстрелян 23 июля 1937 года.

4. Контская Ольга Михайловна, 1905 г.р., уроженка Казани, секретарь-машинистка. Репрессирована 8 октября 1937 г., два года ссылки,

Кто эти люди? Как поляки всей семьей оказались в нашем лесном крае? Какие преступления они совершили по отношению к марийскому народу? Эти и много других вопросов не давали мне покоя долгие годы.

Надо сказать, в 90-е годы, когда появились первые ростки демократии, на Марийском телевидении были организованы регулярные передачи о так называемых «врагах народа». Несколько передач цикла «Белые пятна истории» были подготовлены мной и проведены в эфир с известным среди угрофинских ученых К.Н.Сануковым. Когда разговор коснулся репрессированных иностранных граждан, я напомнил ему о Контских. «Конечно, слышал, — не раздумывая, ответил он, — очень известными людьми были в нашем крае. Ты лучше свяжись-ка с Назарием Александровичем Александровым, профессором Марийского государственного педагогического института им. Н.К.Крупской, кандидатом медицинских наук. Он, кажется, у одного из них учился в медицинском училище».

Нашлась всё-таки зацепочка. В тот же вечер позвонил я Назарию Александровичу домой и договорились подготовить телепередачу о Контских.

С его легкой руки начались мои поиски и знакомства с этой замечательной семьей, счастливой, но вместе с тем трагической судьбы.

Отец

От Александрова я узнал, что Мартын (Мартин) Контский был единственным сыном знаменитого варшавского музыканта Аполлинария Григорьевича Контского (1825-1879), основателя и до самой смерти директора Варшавской консерватории (Музыкального института). Он был скрипачом-виртуозом, играл на фортепьяно и сочинял музыку. Конечно же, Аполлинарий Григорьевич и сына хотел видеть только музыкантом. Он брал с собой маленького Мартина на концерты.

Но молодой, жизнерадостный, подающий надежды Мартин поступил учиться в петербургскую Лесную академию. Там он познакомился с Игнатием Гриневицким, студентом Технологического института. Игнатий отличался смелостью, откровенно высказывал на студенческих собраниях свои взгляды на царя и царскую Россию, считая их самыми большим тормозом в развитии Польши. Накопившаяся ненависть побудила его к действию против самодержца.

1 марта 1881 г. Александр II возвращался из Михайловского замка, и, когда он проезжал по набережной Екатеринского канала, террорист Рысаков метнул гранату под карету, но ожидаемого результата не получилось. Тогда Гриневицкий, видя, что император вышел из кареты, бросил ему под ноги вторую гранату.

Император был смертельно ранен.

Начались аресты, изнурительное следствие. Виновники были жестоко наказаны: кого через повешение, кого в Сибирь, в тюрьмы.

...Почтовая карета катилась медленно. Она была заполнена. Казанский тракт, по которому ехала семья Мартына Аполлинарьевича в сопровождении полицейского, после дождя был размокшим. То и дело повозка проваливалась в грязную колею. Тогда взрослые выходили и толкали, как могли помогали лошадям. Кругом стеной стоял лес, густой, сверкающий мелким бисером на солнце.

— Хорошо в лесу, — нарушил молчание кучер. Вообще-то он был человеком замкнутым. Молчал всю дорогу, а тут не выдержал: и его покорила девственная марийская природа.

Сидевшие на телеге Контские, как бы очнувшись, тоже окинули взглядом стройные деревья, расположенные по обе стороны тракта. Лес был в основном хвойный, густой. Ели стояли тесно, образуя над землей, засыпанной бурой опавшей хвоей, сплошной тенистый навес. Вскоре за стеной елей показались прямые, как свечи, сосны с кудрявыми верхушками. Толстые стволы, на что Мартын Апполинарьевич сразу обратил внимание, словно отлиты из красной меди.

— Красиво, правда? — не выдержал и строгий полицейский, который сидел в задней части телеги и дремал. — Во времена парусного флота адмиралтейство заготавливало в этих местах лес для Казанской судостроительной верфи. Отсюда же дубовые плахи и сосновые бревна отправляли на верфи нового стольного града, построенного Петром I в устье Невы-реки.

— А кто занимался заготовкой? — заинтересовался Мартын как специалист.

— Лес для корабельной стройки рубили местные крестьяне. Лашманами их называли. Набирали самых сильных, выносливых мужиков. Условия были трудными. Не все выдерживали. Зимой они работали по пояс в снегу, а весной и осенью, проваливаясь в болотную топь, мокли под дождем, стыли на прохладном ветру, — не оборачиваясь к собеседнику, продолжил блюститель порядка.

— Вот смотрите, господа, и поныне сохранились у нас корабельные рощи, — кучер указал протянутым кнутом налево, где стояли стройные зеленые сосны. Проплывающие над ними облака, казалось, вот-вот заденут слегка качающиеся их вершины.

Опытным взглядом Мартын заметил сразу особую прелесть, особую краску в этих лесах: сизовато-голубая ель, густо зеленеет пихта, распространяя свежий запах серы и чистый прохладный воздух, в светлых солнечных бликах поднялись выше всех деревьев прекрасные сосны. Среди темной зелени как-то по-особенному выделялась светлая листва березы. Как белые одежды, что марийцы носили — а Мартын уже видел таких людей, проезжая деревни, — белеют их стволы, и издали кажется, что по лесным тропинкам, нарядившись в праздничный свой наряд, шагает-торопится на торжество бойкий лесной народ. «Лес добрый, богатый, — думал про себя поляк, — но как люди встретят нас на новом месте?»

Он никак еще не мог представить свою жизнь в такой глухомани. Что из себя представляет этот самый Царев город — Царевококшайск? Что за люди живут там? Вопросов много, только ответа ни одного.

...Провинциальный город Царевококшайск представлял в то время небольшой населенный пункт, почти весь состоявший из деревянных построек, с тротуарами из досок, непролазными после дождя улицами. Здесь имелось пять церквей, кожевенная и две кирпичных мастерских, соляной магазин, питейный дом. Было в городе 13 улиц и около сорока переулков. Жилых домов и различных строений насчитывалось около трехсот.

Вот такой город в 1888 г. и стал местом жительства семьи Контских.

Надо сказать, что Царевококшайск в то время не был полностью изолирован от внешнего мира, хотя находился далеко в стороне от большой дороги, в глухомани. Город славился тогда как место ссылки. В уезде жили беглые крестьяне, скрывавшиеся от военной службы кантонисты, лица, сосланные правительством за различные проступки, в том числе за участие в революционном движении, за политическую неблагонадежность.

Жили в Царевококшайске и ссыльные поляки. После подавления польского восстания 1863 г. управление казанского военного губернатора разослало в канцелярии местных политических учреждений секретные приказы о поиске беглецов — «злоумышленников», об учреждении секретного надзора над проживающими в уезде.

В 1870-х в Царевококшайске под надзором полиции находилось около 70 участников польского восстания. Через десять лет их число достигло более ста человек. В списке городского населения долго еще встречались фамилии Ярошевский, Лукашевич, Малевский, Вонцовский и многие другие.

Конечно же, Мартын Аполлинарьевич, первый появившийся в городе человек с высшим образованием, не мог быть в стороне от общественной жизни города. Наверняка он был знаком со своими соотечественниками.

Доподлинно известно, что после революции, в 1920-е, продолжались встречи представителей местной интеллигенции в доме Тихонова. А Мартын Аполлинарьевич этот кружок уже посещал с двумя сыновьями- Фаддеем Казимиром и Брониславом.

Темы споров теперь расширились, углубились, стали острыми, противостоящими. Касались вопроса гражданской войны в России, войны с Польшей, поражение Красной армии, прихода к власти Пилсудского.

В конце 1929 г. М.А.Контский при поддержке сына через старых польских знакомых начал налаживать контакт с маршалом Юзефом Пилсудским. В его письмах сквозила тоска по родине, желание непременно вернуться в родные места. Обещание маршала уладить дело обрадовало старика: появилась надежда снова увидеть свой край, милую Варшаву, где прошли его детство и юность. Он мысленно уже ходил радостный по знакомым улицам города, отмечал про себя изменения в облике столицы. Как-никак не был в родных местах более сорока лет.

Но радость старого поляка была преждевременной.

В 1931 г., глубокой ночью 6 июня, к их дому подъехал «черный ворон» и трое милиционеров бесцеремонно вторглись в квартиру Контских. Перевернув в комнатах всё вверх дном и не найдя ничего запрещенного, арестовали лучшего лесничего Марийского края М.А.Контского

Вместе с ним был арестован и младший его сын Бронислав, техник-лесовод республики, который в 1921 г. героически боролся с бушевавшим пожаром. Благодаря его умелым действиям по организации тушения пожара наша столица была спасена от огня. В день ареста Контских Брониславу исполнилось сорок лет, а Мартыну Аполлинарьевичу — 75.

Видимо, активное посещение дома Тихонова, открытое высказывание своих мыслей в споре с противниками, перехваченные сотрудниками НКВД письма в Польшу — всё это не осталось без внимания местных властей.

Над головой Контских нависла черная туча. Для советской власти они стали «польскими шпионами».

Прах Мартына Апполинарьевича похоронен в Варшаве, в семейном склепе на Повонзковском кладбище.

Сыновья

Мартын Аполинарьевич с женой не могли нарадоваться своими сыновьями. Фаддей и Бронислав росли здоровыми, любознательными и бойкими, оба хорошо учились. Охотно занимались музыкой, осваивали языки, интересовались литературой, медициной и лесоводством. Фаддею с годами всё

больше нравилась медицина, а Бронислава тянуло в лес. Он целыми днями мог находиться в лесу рядом с отцом. По совету Мартына Аполлинарьевича сын поступает учиться в годичную школу, где готовили лесотехников. Закончив ее, он стал лесничим Краснококшайского лесничества.

...По лесной дорожке не спеша идут мужчина и женщина. Он среднего роста, крепкого телосложения, смуглое лицо загорело на солнце. Одеты оба по-летнему, легко. На ней платье без рукавов, на голове светлый платок, который еще больше освежает ее чистое лицо. Вышагивая рядом с мужем, она нет-нет да, повернув голову, заглядывает ему в глаза. Словно хочет получить ответ на мучающий ее вопрос.

— Прошлогодних желудей, думаю, хватит. Достаточно набрали, — говорит женщина, — они крепкие, сухие. В самый раз для поджарки.

— Раиса, милая, не переживай, осенью еще соберем и для отца, и для брата. Твоих тоже в стороне не оставим, — спокойный голос мужа, видимо, подействовал, и она перевела разговор на другую тему.

— Броня, я уж давно не видела твоего отца, как здоровье-то?

— Вчера Фаддей был у меня. Говорит, что неважно... Ноги у него, 65 уже... Наберем вот желудей и сходим все вместе, хорошо?

— Вот дочка обрадуется...

— Что-то запах воздуха мне не нравится, —тревожно заговорила Рая, — гарью пахнет. Ты не чувствуешь?

Не дождавшись ответа, она быстро вскарабкалась на вышку, которая стояла рядом с домом.

— На кокшайской стороне вижу темное небо. Горизонт закрыт свинцовой мглой...

Новость эта для Бронислава не была неожиданной. Еще два дня назад отец рассказывал ему о вспыхнувших пожарах на волжском берегу. Успокаивал, что высланы туда люди, много людей и должны они потушить. «Неужели поднявшийся ветер снова раздул потухший огонь?» — размышляя, он вмиг оказался на вышке, рядом с женой. «Да, это дым», — сразу определил он. «Снова лес горит!» — встревожилась и Раиса. Внутри у нее похолодело, ноги подкосились. Слухи были и раньше, что где-то по Казанскому тракту вспыхнул пожар. Потом начали говорить о Кокшайской стороне, что огнем охвачены берега Волги. «Но до нас-то далековато. Не допустят...» — успокаивала себя Раисия вслух.

— Далеко... Там люди... Потушат, — не совсем уверенно произнес Бронислав.

Но тревожные мысли так и не покинули вплоть до утра. Чуть свет он снова забрался на вышку. Сразу бросилось в глаза, что дыму стало больше, видимость сократилась. Огромный клубок дыма порывистый ветер нес в сторону лесничества. Предупредив жену, Бронислав побежал в сторону тракта.

Раиса видела в окно, как семья лесного охранника Вершинина, женщины, ребятишки таскают и закапывают в овраг домашний скарб, наполняют водой кадушки, корыта. Она тоже, словно опомнившись, принялась выносить скудные пожитки в овраг. Прибежал домой Бронислав.

— Таир горит... Мужиков надо собирать...

— Картошки возьми... Вареной! — Рая сунула в карман мужу пяток картофелин. — Погоди, Броня, а соли-то...

— Некогда, милая, некогда!..

Остаток дня и ночь прошли в тревоге. В лесничестве никто не сомкнул глаз. Бродили по двору, лазили на вышку, успокаивали друг друга.

Тем временем по Кокшайскому тракту кто на подводах, кто на машине, а кто и пешком шли люди. Несли на себе лопаты, топоры, багры, ведра. Бронислав Мартынович распределял их по группам и отправлял на рабочие места. Одна группа рыла канавы, другая занималась рубкой деревьев, третьи таскали воду из ближайшего озера. Работали все, не думая о себе, лишь бы остановить огонь, не допустить до города.

Но люди не уходили домой. От усталости валились с ног, засыпали прямо на земле. При первой же вспышке огня они вскакивали, и снова начиналась борьба с огнем.

Трезво оценив обстановку, Бронислав Мартынович основным, самым страшным очагом пожара считал кокшайскую сторону и все силы направил туда, чтобы преградить путь пожару в город. Но к обеду обстановка круто изменилась. Ураганный ветер подхватил и понес огонь на Краснококшайское лесничество, где оставалась семья Бронислава. Что-то предпринять по спасению семьи было невозможно. Ближе 2-3 километров огонь не подпускал к себе никого. Горело, крушилось везде и всюду.

Вот как описывал Д.Н.Шлыков в брошюре «Очерки лесного хозяйства Маробласти»: «Ураганный огонь моментально настиг канцелярию лесничего Б.М.Контского. Женщины, желая спастись от огня, побежали в сторону города. Но им это не удалось. Огонь быстро настиг беглецов, и они загорелись как спички. Они кричали, звали на помощь, срывали с себя охваченную огнем одежду, но вскоре затихли.

А другая семья, работника Вершинина, жена и две старушки, бежать не могли. Не было у них сил. Они упали в яму с водой, пролежали там с полдня, немного обгоревшие, остались живы.

Раису Александровну с двумя детьми нашли на пятый день. Люди увидели жуткую картину. От трупов остались только кости. Обгорелые, черные. Никакой одежды не осталось. У жены Бронислава Мартыновича на ногах были ботинки из кожи. Обнаружили только пепел. Чуть подальше от Раи лежали маленькие сплетенные кости. Девочки, обнявшись, так и сгорели...»

Фаддей Казимир

Фаддей Мартынович Контский выбрал свой путь. У него был свой жизненный идеал — медицина. В Царевококшайске он вырос, получил образование и вопреки желанию отца поехал учиться на медицинский факультет Казанского императорского университета. Это было в 1906 году.

Сдав вступительные экзамены, ребята стали студентами Казанского университета.

Учились оба старательно. Часами пропадали в кабинетах по различным предметам. Нравились им и практические занятия. Быстро пролетели учебные годы. В феврале 1912 г., успешно окончив медицинский факультет, Фаддей Мартынович стал уездным врачом Царевококшайского уезда по совместной работе в земской больнице. Надо сказать, он имел возможность остаться ординатором при любой из трех клиник: детской, кожной и глазной. Однако, памятуя заранее обдуманное, решил поработать в уезде.

По прибытии в Царевококшайск Фаддей Мартынович поставил перед собой цель — любыми путями организовать специальную медицинскую помощь детям в крае. Но начавшая война нарушила все его планы. Его мобилизовали в армию. Попрощавшись с родными, он выехал в Казань на место службы.

Здесь Фаддей Мартынович с головой ушел в работу: лечил, выхаживал раненых в казанских госпиталях. Своими глазами видел ужасы войны. Благодаря его стараниям многие солдаты досрочно выписывались и снова становились в строй.

Через два года как старательному и надежному врачу командование приказало ему организовать в Симбирске сыпнотифозный госпиталь. Молодой врач успешно справился с порученным делом. Новый лечебный центр стал одним из лучших в городе. Фаддея Мартыновича за оперативное выполнение приказа наградили орденом Святого Станислава III степени

С 1919 г. до демобилизации набравший большого практического опыта врач продолжал служить в военно-санитарном управлении Уральского военного округа. Вернулся домой в Царевококшайск только в 1920 году.

К лету 1921 г. в Царевококшайске благодаря стараниям Фаддея Мартыновича открылась детская больница на 10 коек. Первая больница была размещена на берегу Кокшаги, по улице Анисимовской в доме Умовых. Обслуживали ребят один врач, две медсестры, две санитарки и один фельдшер.

В своей работе неутомимый врач с разрешения самого И.П.Петрова прямиком мог выходить на него, на председателя исполкома Маробласти. Иван Петрович, умелый организатор и инициатор многих славных дел в республике, ценил и всячески поддерживал идеи Контского. Когда на одном из совещаний работников медицины разговор зашел о создании фельдшерско-акушерской школы в Краснококшайске, Иван Петрович первым дал добро Контскому организовать школу для подготовки своих, марийских медицинских кадров.

Когда все хлопоты были позади, Фаддей Мартынович стал одним из первых преподавателей, не покидая место прежней основной работы.

Это было 15 ноября 1930 года.

Время летит неумолимо. Много было разных хлопот, беспокойств, разочарований в преподавательской деятельности у инициатора. Но как радовало его, когда выпускники школы достигали успехов, становились надежными специалистами, хорошими людьми и не забывали своего учителя.

Один из его учеников, подполковник медицинской службы П.Т.Новоселов, так вспоминал о своем учителе: «Фаддей Мартынович был человеком обаятельной внешности: стройная фигура, худощавые, тонкие черты лица, копна седых волос, легкая походка. Здороваясь со знакомыми, всегда слегка кивнув головой, приподняв головной убор, очаровательно улыбался. На выпускном вечере (мы были первыми выпускниками школы), помню, он сказал: «Мои юные друзья, покидая родную школу, давшую вам теоретические знания и определенные практические навыки, становясь на избранный вами путь, помните всегда, что наша профессия, профессия медработника, самая гуманная... Будьте всегда добры и отзывчивы к людям, где бы вы ни находились — на полях сражений, в тылу, в маленькой деревенской или в современной городской больнице, — всегда с гордостью несите высокое звание медика»» (Из архива музея города Йошкар-Ола).

Тепло отзывался о своем учителе и народный писатель Республики Марий Эл Ким Кириллович Васин:

«Не зря говорят: мир тесен. Это действительно так. Переплелась моя судьба с этим замечательным человеком.

Арестовали моего отца. Мать не выдержала такого горя и вскоре умерла. Нас, детей, разбросали по детским домам. Роберта, брата, увезли в Ульяновскую область в детдом, сестру Надю — в другой, меня оставили в Йошкар-Оле. Нечего говорить, не сладко было там. Но тем не менее мы росли, учились в школе. Потом перевели в интернат.

Однажды, как-то было невмоготу, надумал я убежать оттуда куда глаза глядят. Помню, вышел на улицу в одной майке, в разорванных штанах, на ногах были старые тапочки на босу ногу. Шагаю, глядя себе под ноги. Не вижу, не замечаю никого. Весь свет не мил. Слышу вдруг: «Ким, ты ли? Куда идешь?» Я стоял перед двумя мужчинами и молчал. Осмотрелся. Узнал одного. Ибраева. Директором театра работал. С моим отцом дружили. По его словам, он недавно приехал, отсидев свой срок в Сибири. В разговоре с ним я открылся ему. Рассказал о своей горькой участи. «Слушай, Фаддей, — обратился он к рядом стоящему седому мужчине, — устрой парнишку к себе, в школу. Отец его, Кирилл Васин, безвинно пострадал». — «Как? — оживился тот, глядя на меня. — Кирилл? Так мы же с ним в одной камере сидели. Конечно, устрою!» — радостно сообщил он.

Да, это был Фаддей Мартынович!

Впоследствии он стал моим самым любимым преподавателем в медучилище. Во многом я стал подражать ему. Этот замечательный человек, спаситель стал моим кумиром. Как же иначе? Он владел несколькими языками. Кроме родного польского, отлично знал латынь. Читал на нем наизусть Овидия и Горация. Сочинял и стихи. Прекрасно знал французский. Пел в знаменитом хоре у композитора И.Палантая, а на праздничных вечерах охотно исполнял русские романсы.

Помню, его соперником на вечерах был талантливый художник Костя Егоров, который обладал прекрасным голосом. Когда его арестовали. а потом вывели на расстрел, он, говорят, смело смотрел в глаза своим палачам и пел арию «Сатана там правит бал». Стоял Константин, распахнув полы своего знаменитого зеленого пальто и пел вдохновенно, пока не раздались выстрелы. Все его картины были сожжены.

Вот какими были у моего польского учителя марийские товарищи!..» (Из газеты «Марийская правда»).

Особо запомнился Фаддею Мартыновичу апрель 1937 года

Актовый зал медучилища заполнен студентами, преподавателями, пришли и руководители правительства. Отмечалось 25-летие его трудовой деятельности в системе здравоохранения. Он появился на сцене училища в сопровождении жены и дочери. Встретили их долгими аплодисментами. Много

добрых слов о юбиляре звучали в этот вечер. Здесь как бы подводился итог всей его трудной, но благородной работы.

Много, очень много сделал этот поляк для марийского народа. Он был одним из организаторов марийского здравоохранения , медицинского училища, детской больницы в Йошкар-Оле. Самое главное — он чудесный врач-практик и замечательный человек

Упорный его труд был отмечен в тот вечер почетной грамотой облисполкома. Вручал грамоту председатель облисполкома И.П.Петров, его лучший друг, советчик и вдохновитель во многих делах.

Через год и месяц после памятного вечера Иван Петрович Петров был репрессирован и расстрелян как враг народа.

И Фаддей Мартынович был арестован через два месяца после И.П.Петрова. В книге «Трагедия народа» сказано, что он должен был отсидеть пять месяцев . Но вышел из тюрьмы только через полтора года. Не было доказательств в шпионаже в пользу Варшавы. Помогло, видимо и то обстоятельство, что руководители правительства и НКВД лечились у него и знали как добросовестного и опытного врача.

К своей любимой работе он вернулся в 1940 году. Был принят на прежнюю должность и бессменно трудился до 1955 года. Ему тогда стукнуло 70 лет. В этом возрасте Фаддей Мартынович вышел на пенсию.

Нервные потрясения, полученные во время ареста отца и брата 6 июля 1931 г., да и полтора года, проведенные в тюрьме, пошатнули его крепкий организм. Он нет-нет и начал болеть. По просьбе дочери Регины Фаддей Мартынович выехал на жительство в Петродворец.

22 сентября 1977 г. не стало заслуженного врача Марийской АССР Фаддея Мартыновича Контского. Останки его были перевезены в Польшу. Похоронен в семейном склепе на Повонзковском кладбище в Варшаве.

Не забыли своего первого педиатра в нашей республике. Его фотография находится на видном месте в музее Йошкар-Олы. Внизу написанные им книги по медицине .Здесь же можно прочитать его письма своим ученикам медицинского училища.

Сотрудники городского музея показали мне фотографию человека средних лет с удивительно спокойным лицом и упрямыми глазами. Взгляд внимательный, высокий лоб,чуть волнистые волосы. «Узнали?» — спрашивают. — «Нет, — говорю, — не встречались мы с ним». — « Так это же чемпион города по шахматам А.К.Мошков! Может, тогда слышали об Эдварде Контском?» — «О Контских слышал. Даже передачу по телевидению делал, а вот Эдварда — не знаю, не слышал».

Тогда мне принесли вырезку из старой газеты «Марийская правда», где прочитал вот такие строки:

«...с Эдвардом Контским мы учились вместе в медицинском училище, где тогда работал преподавателем его дед, Фаддей Мартынович. По окончании училища он уехал в Польшу. Один раз приезжал и в Йошкар-Олу ко мне в гости. Переписывались.

Совсем недавно, находясь уже в Польше, просматривая свой архив со сценариями телевизионных передач «Белые пятна истории», обнаружил выступление одного из активных членов республиканского «Мемориала» Владимира Янтемира. Его отец был известным марийским ученым, которого репрессировали в июле 1938 года, а затем расстреляли судом «тройки», и дети ученого фактически остались без присмотра.

«Жизнь разбросала нас, детей врага народа, по белу свету: в Прибалтику, в Сибирь, на Ставрополье, в Карелию. Из двенадцати детей Нина была старшей. В тот роковой для нас год училась в фельдшерско-акушерской школе. Ей было 15 лет. Она стала носить передачи отцу.

Ходила Нина в тюрьму с бабушкой Контской, матерью известного врача Фаддея Мартыновича (вот кому следовало бы поставить памятник в Йошкар-Оле). Очередь к тюремному окошку занимали с бабушкой Контской по очереди. После к нам присоединилась Регина, дочь Фаддея Контского, который тоже в то время сидел в тюрьме.

Однажды к ним подошел наблюдавший за очередью милиционер. Внимательно осмотрел он Нину, затем схватил за руку и потащил во двор. Поднялись на второй этаж, милиционер втолкнул Нину в один из кабинетов. Сам остался в коридоре. В кабинете Нина осмотрелась. Увидев пожилого

человека , она даже обрадовалась. Хотела пожаловаться на действия милиционера , но начальник с ходу засыпал ее вопросами: «Кто? Откуда? Фамилия? Где учишься? Кто родители? Зачем здесь?» Да так это было грубо, нахально, Нина сначала опешила, но потом сумела взять себя в руки и сказала, что хочет передать отцу продукты.

— Ваш отец враг народа. Откажись от него. Вам будет легче жить, — подошел к ней, погладил по волосам, похлопал по спине, — хороша ты. Хочешь конфеты?

— Нет! — получилось резко, зло, — и от отца не откажемся! — оттолкнула коробку с конфетами.

Чем бы кончилась эта сценка для Нины, неведомо. Неожиданно для обоих в дверях появилась бабушка Контская. «Как вам не стыдно! — сказала она спокойно, очень спокойно. — Отпустите девочку!» В кабинете воцарилось молчание. Этим замешательством воспользовалась бабушка и увела Нину на улицу, где они оставили свою очередь...

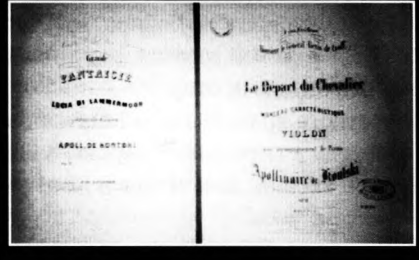
До глубокой старости вспоминала добрым словом о бабушке Контской, о Регине моя старшая сестра...»

Из писем Фаддея Казимира Контского мне стало известно , что у него есть правнуки, внук Эдвард. Значит, род Контских продолжается. Ходят они по улицам городов, учатся или работают, принося своим знанием пользу стране. Так хочется узнать о них поподробнее, познакомиться поближе. Рассказать им о Марийском крае, где прожили их отцы и деды, где помнят о них до сих пор.

Остаюсь с надеждой на встречу, если кто-нибудь из представителей молодого поколения прочтет мои записи и откликнется...

Аполлинарий Григорьевич Контский

Фаддей Мартынович Контский



Бронислав Мартынович Контский

Год Чеслава Милоша

Сто лет со дня рождения Поэта

► 1911 2011 ◄

В 2011 г. исполнится сто лет со дня рождения Чеслава Милоша. Он родился в Шетенях (Шетеняе), в самом сердце литовских лесов, вынужден был уехать оттуда в результате трагических событий XX в., жил в Варшаве, Кракове, Париже и США, а в конце столетия вновь вернулся в Польшу. Мы надеемся, что сотая годовщина со дня рождения Чеслава Милоша станет импульсом к новой встрече с его произведениями, которые уже давно побуждают читателей к творческому осмыслению современного мира.

www.milosz365.pl

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Анна Гришина о Марии Кошутской
Лешек Колаковский: Идолопоклонство политыки
Стихи: **К. Родовская, Я. Лукасевич**
Беседы Татьяны Косиновой: **Ксения Старосельская, Анджей Дравич**
Г. Пшебинда о Василию Гроссмане
М. Байер об известных польских семьях

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг,
Яструна, Херберта и др.,**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Приглашаем всех читателей
посетить интернет-сайт
«Новой Польши»:

www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

ЛУЧШИЕ ПИСАТЕЛИ И КРИТИКИ

ИНСТИТУТ КНИГИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826 62 60, 826 70 36
тел./ факс: +48 (22) 826 62 35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

RUCH MUZYCZNY

Старейший в Польше журнал, посвященный серьезной музыке. Форум независимой критики. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608 28 70, 608 28 71
факс: +48 (22) 608 28 72
e-mail: redakcja@ruchmuzyczny.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA NA ŚWIECIE

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827 47 91
тел./ факс: +48 (22) 828 64 96
e-mail: litnasw@free.art.pl
www.literaturanaswiecie.art.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел.: +48 (22) 692 88 19
тел./ факс: +48 (22) 692 88 18
e-mail: teatr@teatr-pismo.pl
www.teatr-pismo.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608 25 65, 608 27 95
тел./факс: +48 (22) 608 27 96, 608 25 05
e-mail: nowpol@bn.org.pl www.novpol.ru

AKCENT

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям иссуства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532 74 69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

ODRA

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344 77 37
тел./факс: +48 (71) 343 55 16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

TWÓRCZOŚĆ

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627 15 52
тел./факс: +48 (22) 628 95 07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl

DIALOG

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608 28 80, 608 28 81
факс: +48 (22) 608 28 82
e-nail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

INSTYTUT KSIĄŻKI • DZIAŁ WYDAWNICTW

02-086 Warszawa al. Niepodległości 213 • tel. (22) 608 23 74 • tel./fax (22) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl

ISSN 1508-5589

Cena 7 zł w tym 0% VAT